

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026
1(49)

ISSN 2587-9472

Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (49)' 2026

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

*Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик
Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.*

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Арабаев Ч.И., *д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, вице-президент НАН КР (Кыргызстан);*

Баллыева Д.Ю., *заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Института международных отношений МИД Туркменистана (Туркменистан);*

Бандурин Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерова Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*
Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Василевич Г.А., *д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского национального университета (Белоруссия);*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитгадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кекеновски Й., *д-р полит. наук, профессор, профессор Университета Св. Климента Охридского (Северная Македония);*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Ного С., *д-р юрид. наук, профессор, президент Сербской ассоциации международного уголовного права, вице-президент Пекинского Международного форума уголовного и международного уголовного права, профессор юридического факультета и заведующий кафедрой уголовного права Университета «Мегатренд» (Сербия);*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Рагимов И.М., *д-р юрид. наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона (Азербайджан);*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии;*

Чанхай Лун, *д-р юрид. наук, профессор юридического факультета Университета Внутренней Монголии (Китай).*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 Г.).....	7
<i>Шульженко Юрий Леонидович</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИЗЪЯНЫ В СОВРЕМЕННОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ.....	17
<i>Винокуров Владимир Анатольевич</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПУБЛИЧНОГО ОРГАНА НА ОТМЕНУ СОБСТВЕННЫХ АКТОВ В ПОРЯДКЕ САМОКОНТРОЛЯ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	25
<i>Суслова Светлана Игоревна, Егерова Олеся Александровна</i>	

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА И МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СНГ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ.....	31
<i>Богустов Андрей Алексеевич</i>	

ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА.....	37
<i>Колодуб Григорий Вячеславович</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ	47
<i>Чистова Любовь Евгеньевна</i>	

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ» В КРИМИНАЛИСТИКЕ	53
<i>Меркулова Марина Викторовна</i>	

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ.....	58
<i>Стефанова Елена Юрьевна</i>	

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ПОНЯТИЕ КОМПЛАЕНСА И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ	63
<i>Низамутдинов Ильдар Исхакович, Чепарина Ольга Александровна</i>	

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ	71
<i>Голышев Вадим Григорьевич, Голышева Антонина Владимировна, Слюсаренко Татьяна Валерьевна</i>	

Трибуна молодого ученого

СПЕЦИФИКА РЕГИСТРАЦИИ ВКУСОВЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	78
<i>Абрамов Александр Романович</i>	
СЦЕНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА.....	84
<i>Твердышева Анастасия Дмитриевна</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

FORM OF GOVERNMENT IN RUSSIA DURING THE INTER-REVOLUTIONARY PERIOD (FEBRUARY – OCTOBER 1917).	7
<i>Shulzhenko Y.L.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FLAWS IN MODERN JUDICIAL PROCEEDINGS	17
<i>Vinokurov V.A.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF A PUBLIC BODY TO CANCEL ITS OWN ACTS IN THE PROCEDURE OF SELF-CONTROL: CIVIL LAW ASPECT	25
<i>Suslova S.I., Egereva O.A.</i>	

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TORT LAW AND THE MODEL LEGISLATION OF THE CIS ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE	31
<i>Bogustov A.A.</i>	

TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW ORGANIZATIONAL RELATIONS: EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS	37
<i>Kolodub G.V.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

CONDITIONS AFFECTING THE FORMING OF THE CRIMINAL SITUATION IN CRIMES RELATED TO ILLEGAL DRUG TRAFFICKING.....	47
<i>Chistova L.E.</i>	

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF CYBERCRIME IN FORENSICS.....	53
<i>Merkulova M.V.</i>	

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN WARTIME: PROCEDURAL NOVELTIES AND THEIR PRACTICAL APPLICATION	58
<i>Stefanova E.Y.</i>	

SPECIFIC ISSUES OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

THE CONCEPT OF COMPLIANCE AND ITS PLACE IN THE CORPORATE GOVERNANCE SYSTEM	63
<i>Nizamutdinov I.I., Cheparina O.A.</i>	

ON SOME THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF THE MEDIATION PROCEDURE	71
<i>Golyshev V.G., Golysheva A.V., Slyusarenko T.V.</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

SPECIFICS OF FLAVOUR TRADEMARK REGISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	78
<i>Abramov A.R.</i>	
STAGE IMAGE AS AN OBJECT OF COPYRIGHT.....	84
<i>Tverdysheva A.D.</i>	

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 Г.)

Шульженко Юрий Леонидович¹,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
e-mail: shulzhenko_yu@mail.ru

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Период между Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революциями имел важное, во многом судьбоносное значение для нашей страны. Он постоянно находится в поле зрения отечественных ученых. Одно из центральных мест здесь занимает проблематика формы правления в этот непродолжительный промежуток времени. И именно она будет в центре внимания данной статьи. В статье дана характеристика основных мероприятий, которые были проведены в феврале – октябре 1917 г. Это, в первую очередь, создание новых органов государственной власти, и прежде всего Временного правительства, которое было наделено функциями законодательной и исполнительной государственной власти; деятельность по подготовке созыва Учредительного собрания, которому отводилась главенствующая роль в определении формы правления в России. Представлена характеристика активно проводившейся мощной реформы в сфере местного государственного управления, самоуправления.

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод о том, что сложившуюся форму правления в России в период февраля – октября 1917 г. следует характеризовать как неразвитую республику, полуреспублику или в духе терминологии того времени как «предреспублику». В пользу республики свидетельствует взятый курс на создание народного представительства, проведение земской реформы, деятельность по подготовке новой конституции России. При всем этом форму правления в России февраля – октября 1917 г. наиболее удачно характеризовать как в определенной степени временную, незавершенную, переходную. При подготовке статьи были использованы три основных научных метода – догматический, исторический, сравнительный.

Ключевые слова: администрация, Временное правительство, конституция, самоуправление, Советы, суд, Основные законы, парламентаризм, Учредительное собрание

FORM OF GOVERNMENT IN RUSSIA DURING THE INTER-REVOLUTIONARY PERIOD (FEBRUARY – OCTOBER 1917).

Shulzhenko Y.L.¹,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
e-mail: shulzhenko_yu@mail.ru

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The period between the February bourgeois and October socialist revolutions was important, in many respects fateful for our country. It is constantly in the field of view of domestic scholars. One of the central issues here is in the problems of the form of government in this short period of time. Precisely this issue will be the focus of this article. The article describes the main activities that were carried out in February – October 1917. This is primarily the creation of new government bodies, and above all the Provisional Government, which was endowed with the functions of legislative and executive state power; activities in preparation for the convocation of the Constituent Assembly, which was given the leading role in determining the form of government in Russia. The characteristics of the actively conducted powerful reform in the field of local public administration and self-government are presented.

The analysis made it possible to conclude that the established form of government in Russia in the period Feb-

ruary – October 1917 should be characterized as an undeveloped republic, semi-republic, or in the spirit of the terminology of that time as a “pre-republic.” In favor of the republic is evidenced by the course taken to create a popular representation, carry out zemstvo reform, and activities to prepare a new constitution for Russia. At the same time, the form of government in Russia in February – October 1917 is most successfully characterized as to a certain extent temporary, incomplete, transitional. Three main scientific methods were used during the work on this article: dogmatic, historical, comparative.

Keywords: Administration, Provisional Government, Constitution, Self-Government, Soviets, Court, Basic Laws, Parliamentarism, Constituent Assembly

Есть в истории фактически каждого государства судьбоносные, наиважнейшие периоды. Таковым для России стал февраль – октябрь 1917 г. Именно в этот период произошли две революции – Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая. За этот сравнительно короткий промежуток времени Россия прошла путь от самодержавной, конституционной монархии до социалистической республики. Данный период постоянно находился в большей или меньшей степени в центре внимания отечественной науки. Много здесь споров, высказываются различного рода позиции, выводы. Одним из них является вопрос о форме правления в то время. На ее выбор, процесс ее возникновения и создания основополагающее значение оказали ряд факторов. Главенствующее значение, с нашей точки зрения, здесь имело социально-экономическое, политическое состояние российского общества к середине 20-х годов XX в., нашедшее свое наиболее яркое выражение в конкретных причинах Февральской революции 1917 г. Буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. стала первым шагом на пути к буржуазному обществу. Были созданы реальные условия для прогрессивного развития России. Но действительность свидетельствовала о том, что в данном направлении мало что было сделано. Царь, правящая верхушка фактически активно выступали против всех новшеств, сохраняли все старое. Прогрессивного развития конституционной монархии в стране не произошло. Отметим и то, что наоборот многие решения после 1905–1907 гг. стали ярким показателем возвращения к абсолютной монархии.

Серьезным препятствием была и форма правления – усеченная конституционная монархия. Подавляющее большинство ученых того времени справедливо отмечали ее зачаточный характер, наименьшую развитость. Обосновывалось это, главным образом, тем, что император оставался центральной фигурой в государственно-правовой жизни страны; а Государственная дума, прежде всего, в законодательной, бюджетной сферах обладала незначительными полномочиями и не имела фактического реального влияния на функционирование правительства [1, с. 77; 2, с. 4, 55–71]. «Образно говоря, в России устанавливается не конституционная монархия, а в большей степени монархия конституционная, где главнейшей задачей Основных законов, всех правовых актов является закрепление, поддержание, обеспечение верховенства власти царя» [3, с. 25]. Таким образом, основная причина Февральской революции 1917 г. состояла в острейших противоречиях нарождающегося капитализма с сохраняющимися правящей верхушкой пережитками феодализма в России и в этих условиях реакционной и антинародной политики самодержавия.

Причиной и катализатором послужила здесь и Первая мировая война. Огромные ошибки, просчеты в военной области и экономике привели страну к разрухе, голоду, военным поражениям, огромным жертвам среди населения. И как естественный результат – бедствия, ожесточение народных масс. Указывают и на иные причины Февральской революции 1917 г.: банкротство самодержавия, высокая напряженность в социальной сфере, отказ последних царей от проведения реформ, пассивность, некомпетентность, бездарность Николая II, измена генералов, ряда политиков и др.¹

В годы советской власти, в постсоциалистический период фактически господствующим был тезис о том, что Февральская революция – неожиданность. Это не соответствовало реальности. Многие документы того времени свидетельствовали, в частности, о том, что имели место антиправительственные заговоры, что охранные отделения докладывали императору, правительству о разложении в гар-

¹ Круглый стол – Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. – 2007. – № 5.

низоне Петрограда, о революционной агитации забастовочных комитетов, о подрывной деятельности агентов из Германии и др. Обращает на себя внимание скоротечный, кратковременный характер революции. Она произошла в течение чуть больше одной недели. Началом ее стала состоявшаяся 23 февраля 1917 г. демонстрация рабочих заводов Петрограда против голода, войны, стачки на ряде предприятий, 24–25 февраля – массовые забастовки, которые вылились во всеобщую политическую стачку, бои с полицией, 27 февраля – вооруженные столкновения с воинскими частями, начало братания рабочих и солдат, 27–28 февраля массовый переход военных на сторону революции, захват важнейших правительственных учреждений, пунктов города.

Царь, правящая верхушка в этой наисложнейшей ситуации находились в стопоре, растерянности. Принимаемые ими меры носили непродуманный, бездарный, недальновидный, неэффективный характер. Использование силового метода не принесло и не могло принести чего-то положительного. Весьма бездарным, убийственным стал указ царя от 25 февраля о перерыве заседаний Государственного совета и Государственной думы до апреля 1917 г.² Совет Министров тогда же направил царю просьбу о своей коллективной отставке и таким образом перестал существовать. На лицо наисложнейшая ситуация – Россия остается без ключевых, жизненно важных государственных органов.

2 марта 1917 г. Николай II подписал манифест об отречении от престола государства российского и о сложении с себя верховной власти в пользу своего брата – великого князя Михаила Александровича. Последний на следующий день отказался от принятия верховной власти до установления Учредительным собранием образа правления и новых Основных законов российского государства³.

Существовавшая в России сотни лет монархия рухнула фактически без сопротивления, в считанные дни. Немаловажен и тот факт, что большинство населения страны этого долго ждали и приветствовали. Вот как об этом писал «Журнал Министерства юстиции» в своей передовой статье: «Падение царского единовластия произошло необыкновенно быстро и приветствуется народом как долгожданное и радостное событие. Для всего государства было удивительно не то, что царь отказался от престола, а то, что он сделал это слишком поздно и этим не предупредил народного волнения»⁴.

Начинается новый период в истории России. В первую очередь на повестку дня выходит важнейшая, наисложнейшая задача выбора формы правления на настоящее и будущее. На этот процесс серьезнейшее, во многом основополагающее влияние оказали ряд факторов, имевших место в данный период: сложные условия, связанные с участием России в Первой мировой войне – наряду с победами тяжелые поражения в ней; сложная экономическая ситуация в стране, бедствия населения; кратковременный, скоротечный характер данного периода; двоевластие в стране фактически существовавшее весь период, следствием чего стали различного рода противоречивые, в большинстве случаев диаметрально противоположные государственно-правовые решения; наиострейшая борьба различного рода классов, слоев, политических партий российского общества за власть; реальные, практические действия по перехвату власти теми или иными сторонами, приобретающие в ряде случаев военный, вооруженный характер (июльское 1917 г. большевистское восстание, в конце августа 1917 г. – корниловский мятеж). Все это не способствовало в конечном результате принятию реальных, стабильных решений, созданию, функционированию необходимых, эффективных институтов.

Как же развивались события в дальнейшем? Первейшей задачей стало создание каких-либо высших органов государственной власти. При этом заметим, что Государственный совет и Государственная дума формально продолжали существовать. При этом подавляющее большинство революционных рабочих и солдат продолжали доверять Государственной думе и именно в ней видели новую власть. Ради объективности отметим, что данный орган много сделал для того, чтобы революция победила фактически бескровно. В мае 1917 г. упраздняются назначаемые члены Государственного совета, в октябре его выборные члены, а также официально распускается и сама Государственная дума. При этом решение об упразднении Государственного совета и Государственной думы принимается еще в июне 1917 г. Это окончательное исчезновение старых высших органов государства конституционной монархии в России.

² СУ. 1917. Отд. 1. № 52. Ст. 327, 328.

³ СУ 1917. Отд. 1. № 54. Ст. 344, 345.

⁴ Государственный переворот // Журнал Министерства юстиции. – 1917. – № 2-3. – С. 2.

Еще 27 февраля 1917 г. депутаты Государственной думы на неофициальном заседании принимают решение о создании Комитета Государственной думы в целях «водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами»⁵. В дальнейшем он именовался и как Исполнительный комитет Государственной думы, и как Временный комитет Государственной думы. Он состоял из 12 членов Государственной думы во главе с ее председателем М. Родзянко. В обращении от 28 февраля 1917 г. указывалось на то, что данный орган вынужден был взять в свои руки восстановление государственно-общественного порядка. Свою задачу, с помощью населения и армии, он видел в создании нового правительства, «соответствующего пожеланиям населения и могущего пользоваться его доверием»⁶.

Наряду с этим уже в феврале 1917 г. рабочие заводов и фабрик стали создавать Советы. И именно в ходе самой Февральской революции, будучи органами вооруженного восстания, они стали выполнять определенные полномочия властного характера. Начался и процесс их организационного оформления. Социалистические партии 27 февраля 1917 г. создают Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и его Временный комитет. Он сразу же стал реальной властью, основывающейся на значительной поддержке рабочих и крестьян. Это начало двоевластия. Советы по своему характеру были неоднородны. Они стали местом острейшей борьбы различного рода политических сил, партий. Менялось их руководящее большинство, позиции. Забегая несколько вперед, следует отметить, что после июльских событий наступает конец двоевластия, мирного развития революции. После корниловского мятежа начался активный процесс большевизации Советов, укрепления влияния левых сил.

Временный комитет Государственной думы в целях перехвата власти у Советов осуществляет ряд конкретных, практических мер: 28 февраля 1917 г. принимает постановление о назначении в министерства и учреждения комиссаров для руководства ими; поручает Городской думе Петрограда создать отряды милиции; генерал Л.Г. Корнилов назначается командующим Петроградского военного округа, принимает на себя верховную власть всеми фронтами, флотами; председатели губернских, земских управ предупреждаются о создании в кратчайшие сроки Временного правительства. Резко активизируется и процесс реального создания такого правительства. 1 марта 1917 г. Временный комитет одобряет его будущий состав. На следующий день принимается решение о его опубликовании.

И именно тогда на повестку дня становится наиважнейший вопрос о том, какая форма правления будет установлена в будущем в России. Здесь значительный промежуток времени не было четкого, ясного ответа. Вместе с тем с нашей точки зрения прослеживалась тенденция на создание республики. Напомним, что основополагающим, обязательным признаком республиканской формы правления является наличие верховного народного представительства – парламента страны, который, так же как и глава государства, ряд иных органов власти выбираются населением на определенный срок. Анализ принятого законодательства, практические решения того периода свидетельствуют о том, что указанная выше тенденция в России выразилась, во-первых, в стремлении создания новых государственно-правовых институтов взамен прежних; во-вторых, в сохранении, совершенствовании функционирования ряда старых с естественным приспособлением их к реальной действительности.

Обратим здесь внимание в первую очередь на два основополагающих документа. 5 марта 1917 г. в печати была опубликована Декларация под заголовком «От Временного правительства»⁷. Она представляла собой компромисс Временного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, причем при явном соглашательстве, пассивности последнего. Так, Временный комитет отверг предложение Совета о незамедлительном провозглашении России демократической республикой, и не включил его в Декларацию. Данный документ фактически представлял собой программу деятельности Временного правительства. Он определил персонально его Председателя, министров, направления деятельности. Для республиканской формы правления особо важное значение имели положения касающиеся развертывания незамедлительной деятельности по созыву на началах всеобщего, равного, прямого, тайного голосования Учредительного Собрания. И именно на него возлагалась задача по установлению формы правления в России и принятию новой конституции. Намечались выборы в органы местного са-

⁵ СУ. 1917. Отд. 1. № 52. Ст. 327, 328.

⁶ Русское законодательство X–XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. Т. 9 / отв. ред. О.И. Чистяков. – Москва: Юридическая литература, 1994. – С. 118.

⁷ Журнал Министерства юстиции. – 1917. – № 2-3. – С. 6–7.

моуправления на демократической основе. Второй документ – Обращение Временного правительства «К гражданам России» от 6 марта 1917 г.⁸ Что касается формы правления, то здесь в центре внимания был поставлен вопрос о созыве Учредительного собрания избранного на демократической основе в кратчайшие сроки. Особо подчеркивалось, что оно должно принять такие основные законы, которые бы обеспечивали в стране незыблемость основополагающих прав, равенства, свободы.

Прежде всего, о новых органах. Важнейшим, основным, главным органом в стране здесь стало Временное правительство. С первых дней своего существования оно всеми силами старалось подчеркнуть свою легитимность, преемственность старой власти, привлечению старых чиновников. Показательным здесь является такой факт, что было принято решение, в соответствии с которым до момента установления постоянного правительства Совет министров именовать Временным правительством. Отметим специфику данного органа. Временное правительство стало и законодательным, и исполнительным органом. Создается Совещание товарищей министров, в задачу которого входило рассмотрение вопросов, подготавливаемых Канцелярией Временного правительства. Сенат и Синод были подчинены Временному правительству.

В сфере экономики создаются специальные органы. Это, прежде всего, советы, комитеты отраслевых министерств. Например, в марте – Экономический совет, Главный экономический совет, Государственный продовольственный комитет, в апреле – Особый временный комитет по делам о частных железных дорогах, земельные комитеты, в мае – Совет по развитию производительных сил в стране. Новыми органами стали Совещания. Например, Экономическое совещание, Совещание по реформам местного самоуправления и управления. Особо отметим созданное в марте 1917 г. Юридическое совещание. Оно выполняло две основные функции: во-первых, обсуждение публично-правовых вопросов, касающихся создания нового государственного строя; во-вторых, по поручению Временного правительства – подготовку заключений по законопроектам. При этом в Совещании действовала Особая комиссия, возглавляемая известными учеными-государствоведами Н.И. Лазаревским и В.М. Гессенем, задачей которой была подготовка проекта Основных государственных законов.

Ряд изменений коснулись правоохранительной сферы. Вместо прежних жандармерии и полиции создается Главное управление по делам милиции. Функции уголовного розыска передаются Министерству юстиции, политического розыска – Осведомительному отделу Главного управления. По инициативе Петросовета образуются временные суды для решения дел местного масштаба, в составе мирового судьи и двух заседателей – рабочего и солдата. После июльских событий 1917 г. эти органы упраздняются. В мае – июне определяются новые цензы для судей. Начинает функционировать Чрезвычайная следственная комиссия для расследования деятельности сенаторов, бывших министров. Идет процесс возрождения административной юстиции. В мае 1917 г. увидело свет Положение о судах по административным делам⁹ – они стали специализированными судами.

Важные изменения в направлении к республиканской форме правления происходят в рамках института местного самоуправления, практическое функционирование которого началось в России с середины XIX в. Фактически стала проводиться глобальная реформа в данной области. Началом этого можно считать решение Временного правительства об упразднении института губернаторов. Их полномочия передали председателям губернских управ, а власть в рамках уездов стали осуществлять председатели уездных управ. Эти лица получили звание комиссаров. В научной литературе отмечается, что такая управленческая структура сосредотачивала местную власть в руках консерваторов, и тем самым «подрывала складывающуюся в условиях революционной демократии систему управления и тем самым ослабляла власть в целом»¹⁰. Массы не поддержали такое решение. Половина комиссаров уездного уровня утратили свои должности.

Следующим шагом стало практическое расширение охвата территорий земскими учреждениями (до февраля 1917 г. они функционировали только в 43 губерниях европейской части страны). Началом здесь стало принятие 30 марта 1917 г. постановления «О временном устройстве административно-

⁸ Вестник Временного правительства. – 1917. – № 2.

⁹ Там же. № 76.

¹⁰ Земское самоуправление в России 1864–1918. Кн. 2. 1905–1918. – Москва: Наука, 2005. – С. 318.

го управления и местного самоуправления Эстляндской губернии»¹¹, в соответствии с которым здесь вводились временные губернские, уездные земские советы. В дальнейшем существенно расширилась география земских учреждений – они охватили фактически всю страну. Принимаются правовые акты о создании земских учреждений в Архангельской, Лифляндской, Курляндской губерниях, Сибири, Асмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской, Уральской областях, в Калмыцкой степи, Киргизской внутренней Астраханской губернии, в инородческих территориях Ставропольской губернии, Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской областях Туркестана¹².

В мае 1917 г. принимается постановление о проведении в 1917 г. выборов уездных и губернских гласных со сроком полномочий до 1 января 1918 г. Одновременно была определена новая избирательная система, которую установили Временные правила о производстве выборов губернских, уездных и земских гласных – они носили демократический характер. Следующий шаг – внесение изменений в организацию и деятельность волостных земств. В мае 1917 г. упраздняются все волостные комитеты как органы государственного управления. Процедура выбора, статуса новых волостных земств определяется Наказом министра внутренних дел. В общей форме была сформулирована их основная задача – решать в границах области дела местного общественного хозяйства и управления.

В июне 1917 г. вносятся изменения в организацию и деятельность земского самоуправления на уровне уезда, губернии, города. Эти вопросы урегулировали два постановления от 9 июня 1917 г. «Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения», «Об изменении действующих Положений об общественном управлении городов»¹³. Они, в частности, устанавливали обязательное проведение выборов в уездах по пропорциональной системе, в городах допускалась мажоритарная система. Существенно расширяются полномочия земств. В июле 1917 г. вводится самоуправление на низовом уровне – в поселках¹⁴. Это важное звено местного управления. Б.Б. Веселовский отмечал, что «поселковое самоуправление по своему характеру, и по правам – является как бы переходной ступенью между простым, обычным сельским управлением и городским самоуправлением» [4, с. 457]. Предметы ведения поселкового самоуправления охватили важнейшие социально-экономические сферы жизни данной единицы.

Возобновил свою деятельность на общероссийском уровне Всероссийский Земский совет. К основным его задачам относилось рассмотрение и решение вопросов общеземского характера, вопросов касающихся потребностей армии и флота. Наиболее лаконичная оценка реформы местного самоуправления в России была представлена в записке Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел¹⁵. Особо подчеркивались два основных момента. Во-первых, на местном уровне произошел отказ от разделения государственной и самоуправленческой власти через преобразование органов государственного территориального управления в органы самоуправления, которым передавалась вся полнота власти на местах. Во-вторых, роль государственной власти в лице ее центра сводилась к осуществлению контроля, надзора за законностью деятельности управления на местах, субсидированию местных органов.

В значительной мере, по нашему мнению, данное решение было обусловлено «слабостью, беспомощностью местных органов государственной власти, неспособностью решения ими жизненно важных задач в условиях тяжелой социально-экономической, политической ситуации в стране... Произошло своего рода перерождение самоуправления, его огосударствление» [3, с. 81–82]. И именно последняя позиция была подчеркнута в научной литературе того времени. Б.Б. Веселовский особо отмечал, что земское, городское самоуправление превращается в аппарат государственного управления, «так как ему передавалась вся полнота власти на местах» [5, с. 23]. Судить о том, что это было сделано правильно или неправильно сегодня сложно. Ибо здесь критерием истины могла быть исключительно практика. А ее фактически не было. Выборы новых земских органов начались лишь в конце июля 1917 г. Советская власть после Октябрьской революции ликвидировала ранее созданные в стране органы самоуправления.

¹¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. – 1917. – Вып. 1. – С. 255–258.

¹² Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Вып. 2. – Ч. 1. – 1918. – Ст. 497–525.

¹³ Там же. Ст. 255–279, 44–280.

¹⁴ Там же. Ст. 497–525.

¹⁵ Земское дело. – 1917. – № 8. – С. 135–136.

Обратим внимание так же и на то, что к осени 1917 г. достаточно резко меняется сущность деятельности земств – вместо экономики на первое место выходит политика, их борьба за власть. Это находит свое яркое выражение в превалировании политических вопросов в полномочиях земств; в их активном участии в агитации, пропаганде в таких политизированных в то время областях как образование, культура, просвещение; выражение своих позиций по важнейшим политическим событиям того времени, например, поддержка Временного правительства и др. В результате к концу лета 1917 г. земства стали представлять собой в значительной степени третью политическую силу в России.

После корниловского мятежа разваливается Временное правительство, из его состава уходят эсеры. С 1 сентября до образования нового кабинета руководство страной осуществляла Директория. Это орган управления, коллегия во главе с А.Ф. Керенским, в которую входило пять министров Временного правительства. Состоявшееся 14 сентября Демократическое совещание, в состав которого входили представители Советов, земств, организаций армии, кооперативов и т.д. высказалось за создание коалиции социалистов и либералов в новом Временном правительстве. С 25 сентября такое третье коалиционное Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским начинает функционировать.

Формируется и новый специфический орган – Временный Совет Российской Республики. Положение о нем было утверждено 2 октября 1917 г.¹⁶ Он просуществовал 18 дней. С нашей точки зрения, это был совещательный орган при Временном правительстве. К его полномочиям относилось обсуждение законодательных предложений, по которым правительство хотело бы иметь его заключение, собственных законодательных предложений, передававшихся впоследствии на утверждение Временного правительства, и иных вопросов. Обратим внимание на то, что Совет обладал и определенными элементами парламентаризма, показателя республиканской формы правления – наличием фракций, комиссий, неприкосновенностью членов данного органа, получением ими жалования за работу в нем, непрерывностью, публичностью заседаний. Такие позиции дали возможность в то время сравнивать его в определенной степени с парламентом. Вместе с тем это не соответствовало реальной действительности. Для характеристики данного органа наиболее приемлем эпитет, который наиболее часто употребляли в то время, – «Предпарламент».

С первых дней существования Временного правительства в его деятельности достаточно четко прослеживалась тенденция по затягиванию решения многих жизненно важных государственно-правовых вопросов. Это касалось в первую очередь выборов, созыва Учредительного собрания, которому отводилась главенствующая роль в деле создания республиканской формы правления в России. Так, в практическом плане в марте – апреле эта деятельность носила весьма пассивный характер. Решения здесь принимались различными государственными органами, партиями. 3 марта 1917 г. партией кадетов принимается решение о подготовке выборов в Учредительное собрание. 11 марта одобряется текст министерской присяги, в которой определено обязательство по принятию мер по созыву по возможности в кратчайшие сроки Учредительного собрания. 15 марта Бюро ЦК РСДРП(б) принимает решение о разработке Положения о выборах Учредительного собрания. 21 марта на Юридическом совещании заслушивается доклад о программе подготовки Учредительного собрания и предлагается в этих целях создать Особое совещание. 25 марта принимается постановление о его создании. Возглавил этот орган известный ученый-юрист Ф.Ф. Кокошкин. Временное правительство не спешило с определением его состава, началом его работы. Данные вопросы решались целый месяц. Управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков неоднократно предлагал министру – председателю Г.Е. Львову занять им, но последний «постоянно отмахивался от этих вопросов» [6, с. 222].

25 мая состоялось первое заседание Особого совещания по подготовке Положения о выборах в Учредительное собрание. Устанавливается порядок, в соответствии с которым его отдельные вопросы разрабатывали комиссии, созданные данным органом. Комиссии готовили доклады, которые в дальнейшем обсуждались всем составом Совещания. 14 июня Временное правительство определяет срок выборов в Учредительное собрание – 17 сентября 1917 г.; срок его созыва – 30 сентября 1917 г. 1 августа указом Временного правительства создается Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия¹⁷. Принимается и ряд актов, касающихся организации и деятельности избиратель-

¹⁶ Временный Совет Российской Республики. – Петроград, 1917. – С. 1.

¹⁷ Вестник Временного правительства. – 1917. – № 133.

ных комиссий, участков для проведения выборов. 9 августа принимается постановление Временного правительства об отсрочке созыва Учредительного собрания¹⁸. Причиной этого стала незавершенность выборов органов земского, городского самоуправления, на которые возлагалась основная нагрузка по проведению выборов. Новой датой выборов Учредительного собрания стало 12 ноября 1917 г., срок его созыва – 30 ноября 1917 г.

В сентябре 1917 г. завершается работа над положением о выборах в Учредительное собрание. 23 сентября закрывается Особое совещание по его подготовке, как выполнившее свою задачу. Данный правовой акт – это акт достаточно высокого уровня для того времени, отразивший в себе как достижения мировой науки, так и, прежде всего, науки русского государственного права. Особо отметим, что он был в значительной мере более демократичным при сопоставлении с аналогичными избирательными законами зарубежных стран. Так, например, предоставлялось право участия в выборах российским гражданам мужского и женского пола, которым ко дню выборов исполнилось 20 лет. В Англии, Германии, Франции, ряде штатов США женщины не имели избирательного права. Возрастной ценз был выше, например, в Испании – 25 лет, Англии и Италии – 21 год. В сентябре – октябре принимается и ряд правовых актов, касающихся демократизации проведения выборов в Учредительное собрание. В ноябре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Оно было создано и начало свою работу в январе 1918 г. 6 января 1918 г. Учредительное собрание принудительно распускается ВЦИК.

Важнейшим показателем республиканской формы правления является наличие конституции. При этом заметим, что одним из первых законодательных актов Временного правительства стала отмена Основных государственных законов 1906 г. – первой общероссийской конституции. Отметим весьма равнодушное, безразличное отношение к этому факту населения, интеллигенции, научных кругов. «Лишь так называемые Основные законы, то есть те законы, которые поддерживали царскую власть и вообще прежний порядок управления государством, революция наша смела и уничтожила. И иначе быть не могло», – отмечал В.М. Устинов [7, с. 4]. Вместе с тем, в принципе в течение всего рассматриваемого нами периода продолжали действовать остальные старые законы. Значительная работа была проведена Особой комиссией по составлению проекта новых Основных законов России. Прежде всего, она в сентябре – начале октября 1917 г. подготовила «Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании, и проект формы издания законов при Учредительном собрании»¹⁹, который определялся в научной литературе как «малая конституция» [8, с. 98]. В соответствии с данным документом исполнительной властью должен был обладать временный президент, избираемый Учредительным собранием. Такой порядок организации исполнительной власти должен был существовать до принятия Основных законов (конституции) России.

Работа Комиссии была плодотворной, но не была завершена, в связи с тем, что в октябре 1917 г. была разогнана большевиками. Ее целью являлась подготовка проектов статей Основного закона, объяснительных записок к ним. Разработку же самой конституции должно было осуществить Учредительное собрание. Таким образом, деятельность Комиссии в целом носила рекомендательный характер [9, с. 30]. По ее мнению, в основе конституции должны лежать следующие начала: принцип народного верховенства, широкое развитие местного самоуправления, признание, обеспечение широкой индивидуальной свободы гражданина. Комиссия определила разбивку конституции лишь на статьи, представила перечень урегулирования ею вопросов. Анализ принятых Комиссией решений, документов свидетельствует о том, что она выступала за республиканскую форму правления в России с сильной президентской властью и широким местным самоуправлением.

Осенью 1917 г. наконец происходит официальное провозглашение России республикой. Это было сделано Постановлением в форме манифеста Временного правительства от 1 сентября 1917 г. «От временного правительства»²⁰. Сама формула в документе была нечеткая, краткая. Она гласила: «Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем Сенате. – № 202. – Ст. 1269.

¹⁹ Учредительное собрание России. 1918 г. // Стенограммы и другие документы / сост. Т.Е. Новицкая. – Москва: Изд-во Российского открытого ун-та, 1991. – 160 с. – С. 44.

²⁰ Российское законодательство X–XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. Т. 9 / отв. ред. О.И. Чистяков. – Москва, 1994. – С. 129.

государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику». Такая трактовка, долгое отсутствие законодательного определения формы правления в России породили споры, касающиеся периода с марта по октябрь 1917 г. Большинство ученых того времени подчеркивали неопределенность по данному вопросу, временный, переходный характер решений, позиций по данному вопросу. Так, К.Н. Соколов указывал на то, что политический режим того периода, который основывается на идее народовластия сознательно носит анонимный характер. Организация правительственной власти является «в полном смысле этого слова временной». И ее единственное предназначение – ведение государственными делами до того момента, когда Учредительное собрание создаст постоянное правительство [10, с. 22]. Такую же неопределенность подчеркивает и Я. Магазинер, подчеркивая, что если в России нет монархии, то на ее месте образовалась республика, «так как со времени Макиавелли сущность республики в том и признается, что она есть не монархия» [11, с. 487]. Неопределенность, туманность звучит и в статье журнала Министерства юстиции. Отмечается, что никто не может четко сказать, какая форма правления в наилучшей степени обеспечит интересы народа, предоставит порядок, спокойствие. Ответ здесь «в тайниках сознания и неподкупаемой интересами момента совести каждого. Только из такого сочетания разума и совести может родиться Общая Воля»²¹.

Некоторые склонялись к альтернативным решениям. Допускалось создание в России или конституционной монархии, или республики. Например, В.М. Гессен указывал на возможность либо парламентской монархии бельгийско-английского типа или представительной республики по французскому образцу. Но при всем этом «Как бы ни был решен вопрос о форме правления, форма эта будет, конечно, ответственна перед народом» [12, с. 430]. А. Боголепов отмечал, что Учредительное собрание может принять для России конституционную монархию или республику. «Нет границ свободному усмотрению русского народа и предстоящего Учредительного собрания при определении будущей формы правления в России» [13, с. 1065]. Высказывались позиции по данной тематике и в советский период. Не вдаваясь в их суть, так как они достаточно широко освещены в научной литературе²²[14], осмелимся высказать свою точку зрения. В период марта – октября 1917 г. по форме правления Россия представляла собой неразвитую республику, а точнее полуреспублику или в духе терминологии того времени «предреспублику». О республиканской форме свидетельствует, прежде всего, активная деятельность по проведению реформы местного самоуправления, курс, взятый на создание народного представительства, подготовку и принятие новой конституции. Но при всем этом, действовавшую форму правления в России в марте – октябре 1917 г. следует рассматривать, характеризовать как своего рода временную, незавершенную, переходную.

Список литературы

1. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. Вып. 1. – 4-е изд. – Петроград: Типография Редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1917. – 272 с.
2. Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. – Ярославль: Типография губернского правления, 1910. – 78 с.
3. Шульженко Ю.Л. Отечественная наука государственного права периода конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 г. – октябрь 1917 г.). – Москва: Институт государства и права Российской академии наук, 2012. – 509 с.
4. Веселовский Б.Б. Поселковое самоуправление // Волостное земство. – 1917. – № 19-20. – С. 457.
5. Веселовский Б.Б. Земство и его новое устройство. – Петроград: Муравей, 1917. – 32 с.
6. Ставцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. – Ленинград: Наука, 1980. – 256 с.
7. Устинов В.М. Учредительное собрание // Народный учитель. – Москва, 1917. – 32 с.
8. Кудинов О.А. Проект Основных законов Российской республики 1917 г., разработанный юридическим совещанием при Временном правительстве // Политика и право. – 2003. – № 12. – С. 98.
9. Рубенштейн Н.Л. К истории Учредительного собрания. – Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. из-во, 1931. – 128 с.

²¹ Государственный переворот // Журнал Министерства юстиции. – 1917. – № 2-3. – С. 7-8.

²² Год русской революции (1917-1918 гг.): сб. статей. Земля и воля. – Москва, 1918. – 233 с.

10. *Соколов К.Н.* Учредительное собрание. – Петроград: Партия народной свободы, 1917. – 31 с.
11. *Магазинер Я.* Республика или монархия? // *Право.* – 1917. – № 9. – С. 487.
12. *Гессен В.* Задачи революции // *Право.* – 1917. – № 8. – С. 430.
13. *Боголепов А.* Современный государственный строй России // *Право.* – 1917. – № 27–28. – С. 1065.
14. *Скрипилев Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. – Москва: Наука, 1982. – 216 с.

References

1. *Lazarevsky N.I.* Russian state law. Vol. 1. Constitutional law. Issue 1. – 4th edition. – Petrograd: Printing house of the Editorial Office of Periodicals of the Ministry of Finance, 1917. – 272 p.
2. *Palienko N.I.* Basic laws and form of government in Russia. Legal research. – Yaroslavl: Printing house of the provincial government, 1910. – 78 p.
3. *Shulzhenko Yu.L.* The domestic science of state law of the period of the constitutional monarchy, the bourgeois republic in Russia (1905 – October 1917). – Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2012. – 509 p.
4. *Veselovsky B.B.* Village self-government // *Volost zemstvo.* – 1917. – № 19–20. – P. 457.
5. *Veselovsky B.B.* Zemstvo and its new device. – Petrograd: Ant, 1917. – 32 p.
6. *Stavtsev V.I.* Internal policy of the Provisional Government of the first composition. – Leningrad: Science, 1980. – 256 p.
7. *Ustinov V.M.* Constituent Assembly. – Moscow: People's teacher, 1917. – 32 p.
8. *Kudinov O.A.* Draft Basic Laws of the Russian Republic of 1917, developed by a legal conference under the Provisional Government // *Politics and Law.* – 2003. – № 12. – P. 98.
9. *Rubenstein N.L.* To the history of the Constituent Assembly. – Moscow; Leningrad: State. social-econ. From, 1931. – 128 p.
10. *Sokolov K.N.* Constituent Assembly. – Petrograd: Party of the people Freedom, 1917. – 31 p.
11. *Magaziner J.* Republic or monarchy? // *Right.* – 1917. – № 9. – P. 487.
12. *Hesse V.* Tasks of the revolution // *Pravo.* – 1917. – № 8. – P. 430.
13. *Bogolepov A.* The modern state system of Russia // *Pravo.* – 1917. – № 27–28. – P. 1065.
14. *Skripilev E.A.* All-Russian Constituent Assembly. Historical and legal research. – Moscow: Science, 1982. – 216 p.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Received: 05.12.2025

Статья принята к публикации: 09.02.2026

Accepted: 09.02.2026

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИЗЪЯНЫ В СОВРЕМЕННОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Винокуров Владимир Анатольевич¹,
д-р юрид. наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
e-mail: tigrp@igps.ru

¹Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, г. Санкт-Петербург, Россия

Цель исследования – рассмотреть правовые изъяны, появившиеся в деятельности судебных органов, обусловленные, в том числе решениями Конституционного Суда Российской Федерации. В основу исследования положены нормы Конституции Российской Федерации, не предусматривающие возможности использования судебной практики (судебного прецедента) для обоснования при принятии решений по конкретным делам, а также решения высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации, с одной стороны, определившие, что толкование закона может осуществляться только законом, а с другой стороны, поручившие законодателю внести изменения в процессуальные кодексы, позволяющие наряду с нормативными правовыми актами рассматривать акты, «содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». В заключении статьи сформулированы предложения по исправлению выявленных дефектов, позволяющих вернуть судебное разбирательство в русло конституционных норм, для чего предложены необходимые на взгляд автора изменения, в том числе в процессуальные кодексы Российской Федерации.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, законы, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, прецедент, судебная практика, нормативные правовые акты, акты, обладающие нормативными свойствами

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FLAWS IN MODERN JUDICIAL PROCEEDINGS

Vinokurov V.A.¹,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer Russian Federation
e-mail: tigrp@igps.ru

¹St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after the Hero of the Russian Federation General of the Army Evgeniy Zinichev, Saint Petersburg, Russia

The purpose of the study is to examine the legal flaws that have appeared in the activities of judicial authorities, including those caused by decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The study is based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, which do not provide for the possibility of using judicial practice (judicial precedent) to justify decisions in specific cases, as well as the decision of the highest judicial body for constitutional control in the Russian Federation, on the one hand determining that the interpretation of law may be carried out only by law and on the other hand instructing the legislator to make changes to procedural codes, enabling, together with normative legal acts, to consider acts “containing clarifications of the legislation and possessing normative properties”.

As a conclusion, proposals are formulated to correct the identified defects, allowing the court proceedings to return to the constitutional norms, for which the necessary amendments, including to the procedural codes of the Russian Federation, are proposed.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, laws, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, precedent, judicial practice, normative legal acts, acts with normative properties

«... дабы ... во всем суд был
праведный и без продолжительный, ... чтобы судьи дела
скоро и справедливо решились...»

Петр I. Из Наказа рекетмейстеру.
5 февраля 1722 года¹

«...водворить в России суд скорый, правый, милостивый
и равный для всех...»

Из Указа Императора Александра II «Об учреждении
судебных установлений и о Судебных уставах».
20 ноября 1864 года²

Введение

Приведенные в эпиграфе мысли властителей Российской империи создать грамотно функционирующий суд, причем на базе существовавшего законодательства, и сегодня подтверждают многовековое стремление сформировать в России эффективно работающую ветвь власти, призванную, с одной стороны, защищать несправедливо обиженных и, с другой стороны, карать нарушителей существовавших порядков.

Проблема законного, а значит, и справедливого рассмотрения дел российскими судами сохраняется и в наши дни, поскольку достигнуть желаемого как российскими государями, так и многонациональным народом РФ, оказывается очень непросто.

Проведение судебной реформы проводилось и в наши дни³.

В Конституции РФ⁴ судебной власти посвящена глава 7, в которой определены основы построения современной российской судебной системы, принципы и основные правила функционирования судов, включая требования, предъявляемые к судебной власти, а также к судьям РФ и их деятельности.

Так, в статье 120 Основного Закона государства определено, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону (часть 1), что суд принимает решения в соответствии с законом (часть 2). Из приведенных дефиниций следует, что при разрешении дела по существу суд обязан руководствоваться исключительно конституционными установлениями и нормами законов.

К законам, которым должен следовать российский суд, относятся не только определенные Конституцией РФ федеральные конституционные и федеральные законы и не упомянутые в тексте Основного Закона страны кодексы РФ, которые принимались как федеральные законы, но и изданные до начала 1994 года законы РФ (РСФСР) и основы законодательства РФ⁵. Судом при рассмотрении дел должны также исследоваться принятые в соответствии с упомянутыми законами нормативные правовые акты федеральных государственных органов, составляющих основной массив российского федерального законодательства.

¹ Наказ рекетмейстеру 5 февраля 1722 года // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак., каф. истории государства и права; сост. В.А. Томсинов. – Москва: Зерцало, 2014. – С. 384.

² Судебник. Сборник новых судебных законов и распоряжений по отправлению правосудия со включением личного состава новых судебных учреждений на 1866 год. – Санкт-Петербург: Издание Л. Демиса, 1866. – С. 11. – 390 с.

³ См., например: Указ Президента РФ от 23 мая 1995 года № 521 «О некоторых организационных мерах по ускорению проведения судебной реформы в Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 22. – Ст. 2033; федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденную постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

⁴ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 2022. 6 октября. № 0001202210060013. Конституция Российской Федерации далее может именоваться Основным Законом государства, Основным Законом страны.

⁵ Законы РФ о поправке к Конституции РФ, предусмотренные Федеральными законами «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», не рассматриваются, поскольку после вступления в силу данные законы включаются в Конституции РФ, то есть становятся ее частью.

Рассмотрим подробнее дефекты в деятельности органов судебной власти, связанные с использованием судебного прецедента и актов федеральных органов исполнительной власти, не относящихся к нормативным.

Основная часть

1. Конституция РФ не предусматривает использование состоявшихся судебных актов, в том числе вышестоящих судов, как правового источника для принятия решений. Однако Конституционный Суд РФ своим постановлением от 21 января 2010 года № 1-П⁶ по сути ввел возможность использования судебного прецедента при рассмотрении дел и принятии судом решений. Председатель Конституционного Суда РФ в этой связи заявил, что принятое решение «открыло дорогу к легитимированию прецедента в России...», что, по его мнению, дает возможность модернизировать российскую правовую систему [1].

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ по требованию указанного постановления Конституционного Суда РФ были внесены дополнения в часть 4 статьи 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁸ (АПК России), а статья 198 Гражданского процессуального кодекса РФ⁹ (ГПК России) дополнена частью 4¹. Указанные изменения позволяют в мотивировочной части судебного решения содержать ссылки не только на постановления Пленума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, но и на постановления президиумов указанных высших судебных инстанций и даже на обзоры судебной практики.

В то же время в названных процессуальных кодексах содержатся требования о том, что решения, принимаемые судом, должны быть законным и обоснованным (см.: часть 4 статьи 15 АПК России; часть 1 статьи 195 ГПК России). Законность судебного решения, как мы полагаем, должна основываться на нормах Конституции РФ и перечисленных выше законов. Обоснованным, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении»¹⁰, решение является тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами (пункт 3).

В отношении полномочий Верховного Суда РФ, установленных федеральным конституционным законом¹¹, следует заметить, что Пленум Верховного Суда РФ вправе давать судам разъяснения по вопросам судебной практики, то есть, учитывая толкование термина «разъяснить» в русском языке [2, с. 528], указанный судебный орган должен сделать так, чтобы приведенные примеры были ясными и понятными. Направление судам требований или рекомендаций по использованию судебных решений вышестоящих судов по схожим вопросам, то есть применение прецедента, не входит в число полномочий ни Пленума Верховного Суда РФ, ни Верховного Суда РФ.

Таким образом, с одной стороны, законодатель предусмотрел необходимость принятия судами законных и обоснованных решений, при этом не наделяя Верховный Суд РФ правом давать указания нижестоящим судам по рассмотрению дел на прецедентной основе, а с другой стороны, закрепил возможность использования в судебных решениях примеров судебной практики, утвержденных высшим судебным органом страны и его Президиумом. Налицо явное противоречие законодательных норм, которые вынуждены учитывать судебные органы при принятии решений, что они на практике и осу-

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 года № 1-П по делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение “Берег”», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод “Микропровод”» и «Научно-производственное предприятие “Респиратор”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 6. – Ст. 699.

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49 (ч. I). – Ст. 7523.

⁸ Арбитражный процессуальный кодекс РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 2.

¹¹ См.: пункт 3 части 1 статьи 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 6. – Ст. 550.

ществляют. В результате суды стали обосновывать свои выводы состоявшимися решениями (постановлениями) соответствующих или вышестоящих судов, то есть использовать прецедент, который Конституцией РФ не предусмотрен.

На наш взгляд, поспориение органами судебной власти действующих конституционных норм не может способствовать «повышению доверия к объективности и независимости судебной системы, для утверждения принципов законности и справедливости в нашем обществе», о чем говорил Президент РФ на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов 20 февраля 2025 года¹².

Споры о возможности или необходимости использовании судебного прецедента, проблемах в его применении судами ведутся довольно продолжительное время. Издано множество статей, посвященных судебному прецеденту [3; 4; 5], но лишь немногие специалисты обращают внимание на то, что для применения судебного прецедента на законных основаниях требуются изменения в Конституцию РФ [6; 7].

2. Одной из обязанностей суда, установленной Арбитражным процессуальным кодексом РФ, Гражданским процессуальным кодексом РФ, а также Кодексом административного судопроизводства РФ¹³ (КАС России), является рассмотрение судами дел на основании нормативных правовых актов.

В перечне таких актов, кроме Конституции РФ, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента и Правительства РФ, указаны нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти (статья 13 АПК России, статья 15 КАС России) и нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти (статья 11 ГПК России). Поскольку формулировки указанных статьей АПК России и ГПК России несколько отличаются, обратим внимание на федеральные органы исполнительной власти, которые наряду с Правительством РФ осуществляют исполнительную власть, то есть относятся к органам государственной власти РФ¹⁴.

В соответствии с пунктом 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 года № 1009¹⁵, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти могут издаваться лишь в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений. Одновременно определено, что акты, издаваемые в ином виде, не должны содержать предписания нормативно-правового характера, а также уточнено, что «издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается» и что «акты рекомендательного характера не могут содержать предписания нормативно-правового характера».

Стремление избежать государственной регистрации нормативного правового акта, который должен проходить правовую экспертизу на соответствие его законодательству РФ, привело к тому, что отдельные федеральные органы исполнительной власти (а в дальнейшем и органы исполнительной власти некоторых субъектов РФ) стали выпускать письма, в которых для исполнителей излагаются правила или требования, не предусмотренные нормативными правовыми актами, а также уточнения и разъяснения. Подобный подход предоставил контролирующим и надзирающим органам применять указанные «разъяснительные письма» в своей работе, включая привлечение юридических и физических лиц к ответственности.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ, оценивая конституционность отдельных положений Федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ», пришел в своем постановлении от 31 марта 2015 года № 6-П¹⁶ к парадоксальному, на наш взгляд, выводу о том, что суд при разрешении

¹² Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов 20 февраля 2025 года. – Текст: электронный // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations%20/76296> (дата обращения: 21.11.2025).

¹³ Кодекс административного судопроизводства РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

¹⁴ См.: часть 1 статьи 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 45. – Ст. 7061.

¹⁵ Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 года № 1009 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 33. – Ст. 3895; 2019. – № 38. – Ст. 5313; 2023. – № 8. – Ст. 1324.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 года № 6-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса РФ в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 15. – Ст. 2301.

административных дел об оспаривании актов, которые, как указал Конституционный Суд РФ, «не соответствуют формальным требованиям, предъявляемым к нормативным правовым актам федеральных органов исполнительной власти, по форме, субъекту и порядку принятия, регистрации и опубликования, но при этом содержат обязательное для всех ... органов разъяснение (нормативное толкование) ... законоположений», должен их рассматривать по существу, вместо того, чтобы сразу признать их недопустимыми к исследованию и применению, поскольку такие акты изданы в нарушение установленного порядка.

В результате Конституционный Суд РФ, по сути, признал конституционным вседозволенность федеральных органов исполнительной власти, проигнорировав существующий порядок издания нормативных правовых актов, который, на наш взгляд, в большей степени защищает права и свободы человека и гражданина, нежели беспорядочный выпуск постоянно обжалуемых писем, телеграмм, указаний, ухудшающих права жителей нашей страны. Фактически, вместо наведения порядка в деле издания актов ненормативного характера, Конституционный Суд РФ создал проблемы в применении законодательных норм, позволив органам исполнительной власти самостоятельно разъяснять законы, увеличив при этом нагрузку на суд.

По изложенному выше требованию Конституционного Суда РФ Правительством РФ был подготовлен и внесен законопроект¹⁷, в результате рассмотрения которого (причем без какого-либо заключения Верховного Суда РФ) принят Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов»¹⁸, которым Суд по интеллектуальным правам и все суды общей юрисдикции, рассматривающие административные дела, получили право рассматривать по существу выпускаемые федеральными органами исполнительной власти, их структурными подразделениями ненормативные правовые акты, которые стали именовать «акты содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами» (статья 195¹ АПК России, статья 217¹ КАС России).

На проблемы, связанные с указанными нововведениями, обращали внимание многие специалисты [8; 9; 10].

Интересно, что еще в 1997 году Конституционный Суд РФ определил: официальное разъяснение федерального закона должно приниматься в том же порядке, что и сам федеральный закон¹⁹, то есть, по сути, быть законом. Данное решение зафиксировало отсутствие права у федеральных государственных органов, включая федеральные органы исполнительной власти на издание каких-либо разъяснений законов, то есть установило невозможность выпуска федеральными органами и исполнительной власти актов ненормативного характера, а тем более актов «обладающих нормативными свойствами».

При грамотном применении данного решения высшего судебного органа конституционного контроля в РФ к иным нормативным правовым актам (актам законодательства), издаваемым Президентом РФ, Правительством РФ и федеральными государственными органами, разъяснение этих актов надлежит осуществлять тем же органам, который этот акт издали и в той же правовой форме.

Как уже было отмечено, суды вынуждены использовать нормы законодательства, являющиеся неконституционными по своей сути, принимая решения на основе прецедента и писем федеральных органов исполнительной власти, подписанных, к сожалению, безграмотными чиновниками. Такое положение дел создает множество проблем для законопослушных граждан и организаций и никак не способствует повышению уважения к судебной власти.

¹⁷ Законопроект № 892355-6 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/892355-6> (дата обращения: 20 ноября 2025 года). – Текст: электронный.

¹⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 7. – Ст. 906.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 года № 17-П по делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”» и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5492.

Отдельные судебные инстанции пошли дальше. Обосновывая применение писем, носящих ненормативный характер, Арбитражный суд Центрального округа в своем постановлении от 26 февраля 2025 года по делу № А8313484/2022²⁰ посчитал не заслуживающим внимания довод о том, что письма органов исполнительной власти не носят нормативный характер и не обязательны для применения, сославшись «для убедительности» на теорию права, по которой «официальное аутентичное (авторское) разъяснение (толкование) нормативных правовых актов осуществляется органом исполнительной власти, которым принят (издан) соответствующий акт», не удосужившись при этом разобраться, что в данном случае речь идет о нормативных правовых актах органа исполнительной власти, а не закона, который может толковаться, как было отмечено выше, только законом.

Заключительная часть

Прекратившаяся юридически судебная реформа, не сумевшая приблизиться к желаемым российскими государями целям, но которая фактически осуществляется с дефектами, поскольку появляются нормы законов, попирающие конституционные установления, вызывает необходимость грамотно поправить ситуацию.

1. Поскольку в соответствии со статьей 104 Основного Закона государства Верховный Суд РФ наделен правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения, к которым, в том числе относится обеспечение единообразного применения законодательства РФ, то он вправе внести проект закона РФ о поправке к Конституции РФ, предусматривающую дополнение статьи 120 частью 3 в следующей редакции:

«3. Суд рассматривает дела и принимает решения на основании Конституции РФ, законов, а также вправе использовать судебные прецеденты».

Несомненно, что после внесения соответствующей поправки в Основной Закон государства правила и порядок использования судебного прецедента должен будет определить Пленум Верховного Суда РФ.

2. Запретить судебным органам рассматривать по существу не являющиеся нормативными акты федеральных государственных органов, включая акты федеральных органов исполнительной власти, равно как и ненормативные акты государственных органов субъектов РФ и исполнительных органов субъектов РФ, признавая их (в случае обжалования) не подлежащими применению (недействительными). Для этого необходимо, во-первых, признать утратившим силу Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов», и во-вторых, дополнить:

1) статью 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ частью 7 следующего содержания:

«7. При рассмотрении дел не могут применяться акты органов публичной власти, которые в соответствии с установленным порядком не относятся к нормативным правовым актам, включая акты, не относящиеся к нормативным правовым актам, но обладающие нормативными свойствами»;

2) статью 11 Гражданского процессуального кодекса РФ частью 6 следующего содержания:

«6. При рассмотрении дел не могут применяться акты органов публичной власти, которые в соответствии с установленным порядком не относятся к нормативным правовым актам, включая акты, не относящиеся к нормативным правовым актам, но обладающие нормативными свойствами. Такие ненормативные правовые акты признаются недействительными с момента их подписания»;

3) статью 15 Кодекса административного судопроизводства РФ частью 7 следующего содержания:

«7. При рассмотрении дел не могут применяться акты органов публичной власти, которые в соответствии с установленным порядком не относятся к нормативным правовым актам, а также акты, не относящиеся к нормативным правовым актам, но обладающие нормативными свойствами».

²⁰ См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14 февраля 2025 года № Ф10-6080/24 по делу № А48-670/2024 // Документ официально опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вывод. Лишь соблюдая конституционные нормы, сформировавшие базовые требования к деятельности судебной ветви государственной власти и к Правительству РФ, осуществляющему исполнительную власть РФ, и руководимым им федеральными органами исполнительной власти, современная судебная система в нашем государстве приблизится к чаяниям российских государей и будет работать в полном соответствии с Конституцией РФ, признавая, соблюдая и защищая права и свободы человека и гражданина.

Список литературы

1. Пleshанова О., Пушкарская А. Судебный прецедент стал конституционным // Коммерсантъ. – 2010. – 22 янв.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – Москва: Оникс; Мир и Образование, 2009. – 736 с.
3. Шиткина И.С. О признании судебной практики источником российского права // Хозяйство и право. – 2013. – № 4. – С. 73–77.
4. Прокопович Г.А. Судебное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Российский судья. – 2015. – № 5. – С. 17–20.
5. Тарабан Н.А. Становление судебного прецедента как источника материального права в условиях глобальной интеграции российской правовой системы // Администратор суда. – 2019. – № 4. – С. 14–18.
6. Пепеляев С. Подводные камни прецедентного права. 31 марта 2010 года // Сайт юридической компании «Пепеляев Групп» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/podvodnye-kamni-pretседentnogo-prava/?ysclid=mht3w4syq9776880609> (дата обращения: 20 ноября 2025 года).
7. Моисеенко А.Б. Об определенности правового регулирования в части применения правовых позиций Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации после его упразднения // Арбитражные споры. – 2014. – № 3. – С. 106–116.
8. Михайлов С.М. О правовой природе факта нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в делах об оспаривании нормативных правовых актов, а также актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9. – С. 41–45.
9. Никитин С.В. Интерпретационные акты как предмет судебного нормоконтроля // Российский юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 43–51.
10. Лупень Н.С. О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 12. – С. 25–31.

References

1. Pleshanova O., Pushkarskaya A. Sudebnyj pretsedent stal konstitutsionnym // Kommersant". – 2010. – 22 yanv.
2. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / pod red. prof. L.I. Skvortsova. – 26-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Oniks; Mir i Obrazovanie, 2009. – 736 p.
3. Shitkina I.S. O priznanii sudebnoj praktiki istochnikom rossijskogo prava // Khozyajstvo i pravo. – 2013. – № 4. – Pp. 73–77.
4. Prokopovich G.A. Sudebnoe pravotvorchestvo v sovremennom ponimanii: realii i perspektivy // Rossijskij sud'ya. – 2015. – № 5. – Pp. 17–20.
5. Taraban N.A. Stanovlenie sudebnogo pretsedenta kak istochnika material'nogo prava v usloviyakh global'noj integratsii rossijskoj pravovoj sistemy // Administrator suda. – 2019. – № 4. – Pp. 14–18.
6. Pepelyaev S. Podvodnye kamni pretsedentnogo prava. 31 marta 2010 goda // Sajt yuridicheskoy kompanii «Pepelyaev Grupp» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/podvodnye-kamni-pretседentnogo-prava/?ysclid=mht3w4syq9776880609> (data obrashcheniya: 20 noyabrya 2025 goda).

7. *Moiseenko A.B.* Ob opredelennosti pravovogo regulirovaniya v chasti primeneniya pravovykh pozitsij Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii posle ego uprazhneniya // Arbitrazhnye spory. – 2014. – № 3. – Pp. 106–116.
8. *Mikhajlov S.M.* O pravovoj prirode fakta narusheniya prav, svobod i zakonnykh interesov grazhdan i organizatsij v delakh ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov, a takzhe aktov, sodержashchikh raz'yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchikh normativnymi svojstvami // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2017. – № 9. – Pp. 41–45.
9. *Nikitin S.V.* Interpretatsionnye akty kak predmet sudebnogo normokontrolya // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2023. – № 1. – Pp. 43–51.
10. *Lipen' N.S.* O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya osparivaniya normativnykh pravovykh aktov i aktov, sodержashchikh raz'yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchikh normativnymi svojstvami // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2024. – № 12. – Pp. 25–31.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025

Received: 21.11.2025

Статья принята к публикации: 25.12.2025

Accepted: 25.12.2025

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПУБЛИЧНОГО ОРГАНА НА ОТМЕНУ СОБСТВЕННЫХ АКТОВ В ПОРЯДКЕ САМОКОНТРОЛЯ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Суслова Светлана Игоревна^{1,2},
д-р юрид. наук, доцент,
e-mail: svetsuslova@yandex.ru,

Егерова Олеся Александровна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: oegereva@miiv.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Отмечается, что возможность отмены актов публичных органов в порядке самоконтроля противоречит принципу бесповоротности актов публичной власти, обоснованного в цивилистической науке. Выделяются критерии, выработанные высшими судебными инстанциями, на основании которых акт отмены может быть признан недействительным. Демонстрируется противоречивость судебной практики по применению указанных критериев. Обосновывается, что правовые последствия в виде влияния на гражданские правоотношения являются не единственными последствиями для участников гражданского оборота, наличие которых должно становиться основанием для признания недействительным акта отмены. По мнению авторов, в настоящее время происходит формирование судебной практики по применению критериев отмены актов в порядке самоконтроля. К сожалению, констатировать наличие доктринально разработанных критериев для допустимости такой отмены не приходится, отсутствуют они и в законодательстве.

По итогам проведенного авторами исследования делается вывод о необходимости законодательного закрепления критериев, которые выступили бы границами реализации права публичных органов на отмену собственных актов в порядке самоконтроля.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: публичный акт, административный акт, юридический факт, гражданско-правовые последствия, органы публичной власти, принцип бесповоротности актов публичной власти, судебная практика

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF A PUBLIC BODY TO CANCEL ITS OWN ACTS IN THE PROCEDURE OF SELF-CONTROL: CIVIL LAW ASPECT

Suslova S.I.^{1,2},
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: svetsuslova@yandex.ru,

Egereva O.A.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
e-mail: oegereva@miiv.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Irkutsk Law Institute (a branch) of The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

It is noted that the possibility of canceling acts of public bodies in the order of self-control contradicts the principle of irrevocability of acts of public authority, justified in civil science. The criteria developed by the highest courts are highlighted, on the basis of which the act of cancellation may be invalidated. The inconsistency of judicial practice on the application of these criteria is demonstrated. It is justified that the legal consequences in the form of influence on civil legal relations are not the only consequences for participants in civil circulation, the presence of which should become the basis for invalidating the act of cancellation. According to the authors, currently there is a forming of judicial practice on the application of criteria for the abolition of acts in the order of self-control. Unfortunately, there are no doctrinally developed criteria for the permissibility of such a repeal; nor is there one in law.

Based on the results of the study conducted by the authors, it is concluded that it is necessary to legislatively consolidate the criteria that would act as boundaries for the implementation of the right of public bodies to cancel their own acts in self-control.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: public act, administrative act, legal fact, civil law consequences, public authorities, the principle of irrevocability of acts of public authority, judicial practice

Введение

Возможность органа публичной власти отменить свой акт, издание которого оказывает влияние на гражданские правоотношения, противоречит цивилистическому подходу к пониманию юридических фактов гражданского права, а также учению о принципах гражданского права. Следует согласиться с В.А. Беловым, который указывает, что после того, как орган публичной власти реализует свою компетенцию по какому-то вопросу, он должен терять возможность решить этот вопрос по-другому, поскольку способность к решению именно этого вопроса должна утрачиваться [1]. Тем не менее, в российской судебной практике закрепился подход, поддержанный как на уровне Верховного Суда РФ, так и Конституционного Суда РФ, согласно которому наличие права на отмену собственных актов является легитимным. Правда, всегда высшие судебные инстанции делали оговорку о том, что границы такого права все же существуют и его реализация не может носить произвольный характер. При этом в настоящее время ни в законодательстве, ни в судебной практике, ни в доктрине как административного, так и гражданского права не сформулированы и не разработаны условия, при которых акт отмены может считаться допустимым или недопустимым. Хаотичное формирование судебной практики по данному вопросу происходит в отсутствие ответов на вопрос о том, имеет ли значение правомерный или неправомерный акт был отменен, а также какое влияние оказал отмененный акт на иные, в том числе гражданские правоотношения. Анализу и оценке существующих в настоящее время подходов к вопросу о границах реализации права публичных органов на отмену собственных актов в порядке самоконтроля и будет посвящена данная работа.

Критерии легитимности отмены актов в порядке самоконтроля

При тотальном молчании законодателя о том, в каких пределах может действовать орган публичной власти, отменяя собственные акты, в некоторой степени данный пробел восполняется формулировками из решений вышестоящих судов. К наиболее общим из них можно отнести указание на то, что решения об отмене или приостановлении действия ранее изданных муниципальных правовых актов: а) не могут носить произвольный характер; б) должны быть законными и обоснованными; в) предсказуемыми; г) исключая произвольность и возможность злоупотреблений.

Представляется, что признать данные критерии четкими и достаточными для применения при разрешении конкретного спора, невозможно. Для гражданского права любая отмена акта, уже оказавшего влияние на гражданские правоотношения, не может являться предсказуемой и выглядит произволом. Принцип бесповоротности волеизъявления сделки в частном праве создает основу стабильности

гражданского оборота и должен распространяться и на акты органов публичной власти. Субъект гражданского права вправе рассчитывать на то, что публичный акт, выступивший в качестве юридического факта гражданского права, не будет в одностороннем порядке отменен. В унисон с этим звучат цитаты исследователей, рассуждающих о предсказуемости права в целом. Так, Г. Кельзен отмечал, что «идеал предсказуемости права, его безопасности требует эффективной отмены общей неправомерной нормы только pro futuro, то есть с момента отмены» [2]. А специалисты в области налогового права, исследуя проблематику ретроактивного налогообложения, справедливо указывают, что оно может быть поддержано, когда законодательным органом допущена ошибка, и закон изменяется незамедлительно, еще до того, как налогоплательщики начали действовать в соответствии с его предписаниями [3].

Другими словами, критерии, при которых публичный акт может быть отменен, должны иметь более четкие границы, хотя, безусловно, сформулировать их исчерпывающим образом невозможно, а потому избежать оценочных понятий и свободы судебного усмотрения вряд ли полностью удастся.

Более развернутые условия сформулированы в настоящее время в Постановлении Конституционного Суда РФ № 48-П от 09 ноября 2022 г.¹, который указал на следующие границы нелегитимности акта отмены: а) затрагивает и нарушает интересы частных лиц, так и местного сообщества в целом; б) нарушает принцип поддержания стабильности правовых отношений и доверия граждан, в них вовлеченных, к закону, не отвечает требованиям обеспечения гарантий конституционных прав, правопорядка, безопасности, эффективной реализации публичных функций, рациональной организации деятельности органов местного самоуправления; в) не отвечает критериям разумности и справедливости в части возложения негативных последствий на добросовестных участников частноправовых отношений; г) не отвечает критериям разумности и справедливости в части несвоевременного выявления нарушений; д) совершена при отсутствии прямого разрешения на отмену соответствующего акта и при отсутствии законодательной регламентации границ этого полномочия.

С одной стороны, мы видим существенный прогресс в попытке Конституционного Суда РФ сформулировать условия, при которых отмена публичного акта не должна считаться допустимой. Конечно, в этих критериях остается значительное количество оценочных понятий (разумность сроков отмены, справедливость в части возложения негативных последствий и др.), но это в целом соответствует общемировым тенденциям регулирования отношений в указанной области. Предусмотреть все ситуации в законе, наверное, и невозможно, но стремиться к их более четкой формулировке, безусловно, следует. Например, в Германии условия отмены актов подразделены в зависимости от того, правомерный или неправомерный акт был отменен. В свою очередь, причиной допустимости отмены неправомерного акта является установление публичным органом факта того, что он был принят под влиянием заблуждения или в связи с подкупом, а также по причине виновных действий самого заявителя, который предоставил ложные или неполные сведения [4].

К сожалению, несмотря на попытку высшего судебного органа выработать универсальные критерии для оценки границ свободы усмотрения при отмене публичных актов, в настоящее время наблюдается значительное число ситуаций, в которых игнорируется позиция Конституционного Суда РФ (КС РФ) при разрешении данных споров в судебной практике. Эта тенденция проявляется в том случае, когда в Постановлении соответствующая норма не признается неконституционной (как в этом случае), но КС РФ формулирует границы ее применения. Далее при рассмотрении конкретного спора, суды, игнорируя высказанные высшим судебным органом разъяснения, указывают на то, что КС РФ выработал позицию в рамках рассмотрения конкретных жизненных обстоятельств, а поскольку они не подходят к фактическим обстоятельствам данного дела, то и предлагаемые КС РФ критерии применяться не должны.

Приведем два примера, иллюстрирующих данное утверждение.

Так, по одному из дел заявитель пытался признать недействительным акт отмены. Все инстанции не признали правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 09.11.2022 № 48-П, новым обстоятельством, поскольку «В рамках настоящего дела не рассматривался

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09 ноября 2022 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первой части 1 статьи 48 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Ю.А. Плахтеевой, А.Ю. Савушкиной и А.Ю. Яковлевой» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 47. – Ст. 8304.

вопрос о правомерности действий органа местного самоуправления по отмене разрешения на ввод объекта в эксплуатацию после государственной регистрации права собственности на этот объект в ЕГРН, а проверялась законность предоставления разрешения на условный вид разрешенного использования земельных участков». То есть суды сузили возможность применения критериев, выработанных КС РФ до ситуации споров об отмене разрешения на ввод объекта в эксплуатацию².

В другом же деле отказ от применения позиции Конституционного Суда РФ основан на еще более вопиющих доводах. Спор касался отмены именно разрешения на строительство и именно ситуации того, что в отношении объекта было уже зарегистрировано право собственности в ЕГРН. Кассационная инстанция указала, что выработанные Конституционным Судом РФ в Постановлении № 48 критерии не подлежат применению, поскольку «в названном постановлении Конституционный Суд РФ пришел к заключению об отсутствии возможности самостоятельной отмены органами местного самоуправления разрешения на ввод в эксплуатацию объекта индивидуального **жилищного** строительства, в то время как в рассматриваемом споре спорным объектом является **нежилое** строение»³.

Резюмируя, следует указать, что сформулированные универсальные критерии границ свободы публичного органа по отмене собственных актов не всегда воспринимаются в судебной практике и носят преимущественно локальный характер в отношении отмены разрешений на строительство.

Положительная практика по применению критериев недопустимости отмены актов в порядке самоконтроля

Указав на негативные тенденции формирования судебной практики в данной сфере, нельзя не отметить, что позитивная практика также присутствует. При этом основным доводом, который используют суды в случае удовлетворения исков о недействительности актов отмены, является тезис о том, что публичный акт выступил юридическим фактом, повлекшим возникновение субъективного гражданского права.

Для примера можно привести дело, в котором все три инстанции признали, что акт отмены следует признать недействительным. Речь шла о постановлении, на основании которого по результатам проведенного в 2003 году межевания земель на кадастровый учет были поставлены земельные участки граждан-пайщиков, а также зарегистрировано право собственности на земельные доли в конкретном земельном участке, сведения о которых были внесены в ЕГРН. Суды указали, что отмененное постановление Администрации выступило необходимым этапом процедуры образования земельного участка в ходе перераспределения земель и повлекло возникновение определенных гражданских прав, а принятием оспариваемого постановления в 2024 году администрация добивается последующей ревизии выделенных участниками долевой собственности земельных участков с учетом ошибочного, по мнению административного органа, определения размера пая (доли)⁴.

Суды справедливо указали на тот факт, что подобный акт отмены: а) дестабилизирует гражданские правоотношения по выделению и аренде земельных участков, возникшие с 2003 года, а также б) ставит под сомнение переход права на соответствующие объекты гражданских прав в результате на следования, заключения договоров купли-продажи, дарения и т.д.

Другими словами, признание существования основного аргумента о том, что на основании соответствующего публичного акта возникло субъективное гражданское право (право собственности), позволило судам усилить свою позицию указанием на то, что акт отмены приведет к отмене целой цепочки различных сделок, что ударит по добросовестным участникам оборота и приведет к дестабилизации последнего. Убедительными данные аргументы выглядят и потому, что прошло более 20 лет с момента

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.05.2023 № Ф08-4578/2023 по делу № А32-1345/2021; Определение Верховного Суда РФ от 07.08.2023 № 308-ЭС22-27130 по делу № А32-1345/2021 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

³ Ради справедливости стоит сказать, что в отношении этого объекта несколько лет назад принималось решение о сносе. Однако оно не было исполнено и далее в отношении этого объекта было выдано разрешение на ввод в эксплуатацию (См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02.06.2025 № Ф06-2098/2025 по делу № А65-16132/2024 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.09.2025 № Ф10-2379/2025 по делу № А48-4592/2024 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

издания отмененного акта, что согласуется с критерием разумности и справедливости в части несвоевременного выявления нарушений, указанным в Постановлении Конституционного Суда РФ № 48-П. Аналогичная практика не является единичной⁵.

Присутствуют в судебной практике и примеры решений, в которых критерии, предложенные Конституционным Судом РФ, использовались в полном объеме. Спор касался выданного разрешения на строительство. Однако (что еще более удивительно) объект еще не был даже построен, не говоря уже об оформлении права собственности. Как правило, в таких делах мы видим решения судов не в пользу заявителей. Суды трех инстанций указали, что администрация не доказала незаконность выдачи обществу разрешений на строительство, неполноту предоставленных им документов, по результатам рассмотрения которых было выдано разрешение на строительство. Более того, суды сослались на нарушение принципа добросовестности со стороны администрации в связи с тем, что ее действия, связанные с отменой разрешений на строительство, были совершены по истечении более двух лет после их выдачи. Суды посчитали, что администрация не доказала наличие нарушений законодательства, а при разрешении таких споров необходимо учитывать возможность ненадлежащего исполнения органами публично-правового образования своих обязанностей, совершения ошибок. Такие ошибки не могут быть поставлены в вину участникам отношений в области градостроительной деятельности, справедливо и обоснованно рассчитывавшим на соблюдение должностными лицами этих органов требований законности⁶.

Нельзя не отметить и ссылку судов на то, что, издав оспариваемое постановление, администрация допустила ситуацию, при которой произвольная отмена разрешений на строительство создала угрозу искажения должного баланса интересов представляемого ею муниципального образования и общества, которое, реализуя права собственника и арендатора земельных участков на их использование, понесло существенные расходы на подготовку документации, необходимой для строительства жилых комплексов. Незаконным оспариваемым постановлением администрации мог быть нанесен непоправимый ущерб правам и интересам общества в сфере предпринимательской деятельности. Администрация нарушила принцип поддержания стабильности возникших отношений и доверия вовлеченных в них лиц к закону, не обеспечила эффективную реализацию публичных функций, рациональную организацию деятельности органа местного самоуправления⁷.

Несмотря на тот факт, что примеры такого применения предложенных Конституционным Судом РФ критериев, не являются значительными, сам факт такого подхода судов к разрешению споров о признании недействительными актов отмены стоит только приветствовать. Особую значимость данный пример приобретает и в том контексте, что суд признал выданное разрешение на строительство повлекшим гражданско-правовые последствия не только в тот момент, когда на основании него возникает субъективное право⁸.

Выводы

В настоящее время на наших глазах происходит формирование судебной практики по применению критериев отмены актов в порядке самоконтроля. К сожалению, констатировать наличие доктринально разработанных критериев для допустимости такой отмены не приходится, отсутствуют они и в законодательстве.

Несмотря на сформулированные условия их применения в позициях Конституционного Суда РФ, наблюдается значительное расхождение в позициях судебной практики при разрешении конкретных

⁵ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.05.2025 № Ф10-181/2025 по делу № А48-4595/2024 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.03.2025 № Ф08-10990/2024 по делу № А01-1478/2024 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.03.2025 № Ф08-10990/2024 по делу № А01-1478/2024 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁸ Ранее нами обращалось внимание на то обстоятельство, что наличие иных правовых последствий значимых для лица, его получившего в контексте частноправовых отношений, значение для судов часто не имеет [5].

споров. Такие расхождения по своей сути базируются на двух противоположных подходах к оценке возможности отмены актов в порядке самоконтроля. Одни ученые не видят в подобной возможности ничего плохого, считая, что необходимо лишь решить вопрос о том, что делать с теми финансовыми последствиями (рисками), которые наступают после отмены акта. Другие же полагают, что акты отмены должны носить исключительный характер, а их влияние на гражданские правоотношения выражается не только в том, что на основании публичных актов возникают, изменяются или прекращаются гражданские правоотношения [6; 7; 8], но и в наступлении иных последствий, значимых для гражданского права.

Разделяя второй подход, считаем необходимым указать, что для формирования единообразной судебной практики в этом вопросе, соответствующие критерии, проанализированные в данной работе, должны найти отражение, как минимум, в разъяснениях Верховного Суда РФ с приданием им универсального характера, распространяющегося на все ситуации отмены публичных актов в порядке самоконтроля, а еще лучше – они должны быть закреплены в нормах законодательства.

Список литературы

1. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты. – Москва: Юрайт, 2011. – 1093 с.
2. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. – 2006. – № 8. – С. 5–14; № 9. С. 5–18.
3. Хаванова И.А. Обратная сила налоговых законов и идеалы предсказуемости права // Финансовое право. – 2017. – № 3. – С. 34–38.
4. Винницкий А.В., Харинов И.Н. Отмена в порядке самоконтроля благоприятствующих административных актов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2020. – № 6. – С. 50–63.
5. Сулова С.И. Отмена в порядке самоконтроля публичных актов – юридических фактов гражданского права // Гражданское право. – 2025. – № 4. – С. 6–9.
6. Солдатова В.И. Административные акты как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений // Право и экономика. – 2016. – № 9. – С. 4–13.
7. Пятков Д.В. Сделки и административные акты как основания гражданских правоотношений // Современное право. – 2002. – № 10.
8. Корянкова Т.В. Правовые особенности актов органов публичной власти и их место в системе гражданско-правовых юридических фактов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2012. – № 1. – С. 40–43.

References

1. Belov V.A. Civil law. General part. Vol. II. Faces, benefits, facts. – Moscow: Yurayt, 2011. – 1093 p.
2. Kelsen G. Judicial guarantee of the Constitution (constitutional justice) // Law and politics. – 2006. – № 8. – Pp. 5–14; № 9. Pp. 5–18.
3. Khavanova I.A. Reverse force of tax laws and ideals of predictability of law // Financial law. – 2017. – № 3. – Pp. 34–38.
4. Vinnitsky A.V., Kharinov I.N. Cancellation in order of self-control of favorable administrative acts // Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. – 2020. – № 6. – Pp. 50–63.
5. Suslova S.I. Cancellation in the order of self-control of public acts – legal facts of civil law // Civil law. – 2025. – № 4. – Pp. 6–9.
6. Soldatova V.I. Administrative acts as grounds for the emergence, change and termination of civil legal relations // Law and economics. – 2016. – № 9. – Pp. 4–13.
7. Pyatkov D.V. Transactions and administrative acts as grounds for civil legal relations // Modern law. – 2002. – № 10.
8. Koryankova T.V. Legal features of acts of public authorities and their place in the system of civil legal facts // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2012. – № 1. – Pp. 40–43.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2025

Received: 20.11.2025

Статья принята к публикации: 14.01.2026

Accepted: 14.01.2026

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА И МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СНГ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Богустов Андрей Алексеевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: bogustov_aa@grsu.by

¹Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу тенденций развития деликтного права в контексте регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта (ИИ), на основе модельного законодательства СНГ. Центральной проблемой исследования является вопрос о необходимости создания принципиально новых правовых механизмов ответственности за вред, причиненный ИИ, либо возможности адаптации существующих гражданско-правовых институтов. Методологическую основу работы составляет сравнительно-правовой и нормативный анализ положений Рекомендаций по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок и Модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта». В результате исследования выявлены и проанализированы ключевые тенденции, лежащие в основе модельного регулирования: расширение безвиновной (объективной) ответственности путем приравнивания высокорисковых систем ИИ к источникам повышенной опасности; каналирование солидарной ответственности на конкретных субъектов (собственник, разработчик, оператор); социализация рисков через обязательное страхование гражданской ответственности; усиление защиты прав потребителей в цифровой среде. Основной вывод автора заключается в том, что правовое регулирование деликтной ответственности в сфере ИИ демонстрирует преемственность и эволюционный характер, опровергая позицию о необходимости создания абсолютно новой, «неантропоцентричной» системы ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, деликтное право, модельное законодательство, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, солидарная ответственность, обязательное страхование, защита прав потребителей

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TORT LAW AND THE MODEL LEGISLATION OF THE CIS ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Bogustov A.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: bogustov_aa@grsu.by

¹Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

The article is devoted to an analysis of trends in the development of tort law in the context of regulation of relationships involving the use of artificial intelligence (AI), based on the model legislation of the CIS. The central issue of the study is the question of whether it is necessary to create fundamentally new legal mechanisms of liability for harm caused by AI, or whether it is possible to adapt existing civil law institutions. The methodological basis of the work is a comparative legal and regulatory analysis of the provisions of the Recommendations on the Regulatory Regulation of the use of artificial intelligence, including ethical standards for research and development and the CIS Model Law "On Artificial Intelligence Technologies". As a result of the study, key trends that underpin model regulation have been identified and analyzed: the expansion of strict (objective) liability by equating high-risk AI systems with sources of increased danger; the channeling of joint liability toward specific entities (owner, developer, operator); the socialization of risks through mandatory civil liability insurance; and the strengthening of consumer protection in the digital environment. The author's main conclusion is that legal

regulation of tort liability in the field of AI demonstrates continuity and an evolutionary nature, refuting the position that it is necessary to create an entirely new, “non-anthropocentric” system of liability.

Keywords: artificial intelligence, tort law, model legislation, civil liability, source of increased danger, joint liability, compulsory insurance, consumer rights protection

Исследование возможных путей правового регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта (*далее – ИИ*) стало одним из наиболее активно развивающихся направлений юридической науки, что выражается в большом, практически необозримом числе публикаций по этой проблеме, вышедших в свет за последние годы. В настоящее время начинается этап перехода от теоретического осмысления проблемы к закреплению механизмов правового регулирования отношений в этой сфере. В ситуации, когда национальное законодательство лишь собирается делать первые шаги в этом направлении, большой интерес представляет комплекс рекомендательных актов, разработанных в рамках СНГ. К ним можно отнести Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок¹ (*далее – Рекомендации*), и Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта»² (*далее – Модельный закон*).

Несмотря на специфику предписаний, направленных на регулирование отношений, связанных с деятельностью ИИ, их нельзя рассматривать изолированно от эволюции правовой системы вообще. Ряд положений модельного законодательства об ИИ имеют частноправовой характер.

В частности, в Рекомендациях и Модельном законе содержатся отдельные предписания, касающиеся деликтных обязательств. Их анализ позволяет уяснить возможность применения классических гражданско-правовых институтов к возникающим в процессе функционирования ИИ отношениям и выявить отражающиеся в модельном законодательстве об ИИ тенденции развития цивилистической доктрины и практики. Это позволит приблизиться к решению вопроса о том, требуют ли отношения, возникающие в связи с использованием ИИ, создания новых, ранее не известных доктрине и практике механизмов правового регулирования.

Необходимость их создания обосновывается рядом авторов. Например, Е.В. Скребец и М.И. Росенко отмечают «недостаточность антропоцентричного правового регулирования в указанной сфере и невозможность применения действующих правовых механизмов в области возмещения внедоговорного вреда, причиненного робототехническими системами с высокой степенью автономности» [1, с. 339]. По мнению Н.Н. Апостоловой не следует смешивать ответственность людей и «умных» роботов, поскольку «Человек должен отвечать за свои деяния и их последствия по своим юридическим правилам, а в отношении искусственного интеллекта должны быть предусмотрены другие специальные меры воздействия в случае самостоятельного осуществления им действий, нарушающих закрепленные в законе цели, принципы и правила» [2, с. 118]. И.Р. Хмелевской и Н.А. Калашников, рассматривая проблему ответственности за действия ИИ в сфере здравоохранения, приходят к выводу о том, что «в условиях роста автономности ИИ возникает необходимость пересмотра существующих правовых механизмов, так как традиционные подходы к ответственности в медицине становятся недостаточными» [3, с. 12].

В то же время высказывается точка зрения о возможности применения к деликтным обязательствам, возникшим в результате деятельности ИИ существующих уже в позитивном праве положений с учетом специфики складывающихся отношений. Например, М.Е. Жаглина и А.В. Жаглин констатируют, «что ответственность за вред, причиненный устройствами с искусственным интеллектом, может наступать в рамках существующего правового механизма, что не означает отсутствия необходимости выработки нового подхода в рассматриваемой области с учетом сложившихся реалий и потребностей правоприменительной практики» [4, с. 77].

¹ Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок. Приложение к постановлению МПА СНГ от 14.04.2023 № 55-23. – Текст: электронный. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 01.10.2025).

² О технологиях искусственного интеллекта: Модельный закон. Приложение к постановлению МПА СНГ от 18.04.2025 № 58-8. – Текст: электронный. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 01.10.2025).

Разрешению этих теоретических разногласий, на наш взгляд, может послужить выявление тенденций развития деликтной ответственности, которые находят воплощение в модельном законодательстве об ИИ.

Во-первых, в модельном законодательстве отражается тенденция к расширению использования института безвиновной ответственности за причинение вреда.

Например, в п. 3.3.1 Рекомендаций констатируется факт усложнения института гражданско-правовой ответственности и указывается на необходимость поиска ее новых моделей, включая безусловную ответственность. Эти идеи развиваются в ч. 1 ст. 15 Модельного закона, закрепляющей принцип абсолютной (безвиновной) ответственности за вред, причиненный технологиями ИИ, отнесенными к категории высокорисковых. Из содержания этой статьи следует, что абсолютная ответственность выражается в том, что для возмещения вреда не требуется доказывать вину причинителя.

При этом необходимо учитывать, что тенденция к использованию безвиновной ответственности не является новой для гражданского права и существует с середины XX века. Использование подобного подхода в отношении вреда, причиненного ИИ, вполне соответствует целям применения этого института. Например, М.И. Кулагин отмечал, что расширение случаев такой ответственности, вызвано «использованием на производстве, в быту новых машин, товаров, технологических процессов, которые не целиком подконтрольны человеку и поэтому могут причинить ущерб и при отсутствии вины в поведении их владельца» [5, с. 281]. По нашему мнению, сказанное в полном объеме применимо и к ИИ. В соответствии со ст. 1 Модельного закона ИИ представляет собой «комплекс технологических решений, включающих информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы обработки данных и поиска решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Подобная имитация не способна сделать ИИ самостоятельным субъектом права, но может привести к тому, что собственник, разработчик либо оператор такой системы не всегда будут способны полностью контролировать ее деятельность.

Используемый подход иллюстрирует переход от модели вины к модели риска, что вызвано необходимостью решения проблемы установления вины в сложной цепочке создания и использования ИИ. Поскольку конструкция безвиновной ответственности используется при решении вопроса о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, то применение ее Модельным законом, по сути, приводит к приравниванию высокорисковых систем ИИ к подобным источникам. В связи с этим, можно вести речь о том, что в модельном законодательстве находят воплощение предложенные ранее в доктрине идеи о возможности признания использования технологий ИИ деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих [6, с. 87; 7, с. 61].

Во-вторых, из анализа п. 3.3.1. Рекомендаций можно сделать вывод о существовании проблемы определения ответственного лица при причинении вреда системой ИИ, в создании и использовании которой участвует широкий круг лиц (разработчик, оператор, владелец данных и т.д.). Она является во многом ключевой для решения вопросов ответственности в рассматриваемой области. Например, в исследованиях, посвященных деликтной ответственности ИИ отмечается, что «в связи с беспрецедентностью этого явления в правовом поле остаются проблемы определения ответственного субъекта и риски неопределенности» [8, с. 761].

Модельный закон, решая рассматриваемую проблему, устанавливает в ст. 15 солидарную ответственность за вред: 1) собственников, разработчиков и операторов технологий ИИ; 2) причиненный в результате взаимодействия нескольких технологий ИИ. По нашему мнению, закрепление подобного подхода в Модельном законе иллюстрирует тенденцию канализирования гражданско-правовой ответственности, которая является универсальной для деликтного права. Она выражается в том, что «ответственность за вред возлагается исключительно на лицо, указанное в нормативном акте, независимо от того, причинен вред им самим или же другим лицом» [5, с. 287]. Возложение ответственности за вред, причиненный деятельностью ИИ, на собственника, разработчика и оператора технологий, способно устранить возможную неопределенность в положении потерпевшего в деликтном обязательстве.

В-третьих, использование в Модельном законе принципов безвиновной и солидарной ответственности неизбежно приводят к принятию еще одной тенденции, свойственной современному обязательственному праву, – расширению использования обязательного страхования гражданской ответственности в качестве механизма социализации рисков. В частности, в ст. 36 Модельного закона предусматривается необходимость введения обязательного страхования гражданской ответственности за высокорисковую деятельность в сфере ИИ.

Подобная практика не является чем-то экстраординарным для современного законодательства, а мотивы ее применения в отношении деликтных обязательств с использованием ИИ не содержат каких-либо отличий от оснований ее применения в иных сферах подобных обязательств. Например, к области ИИ вполне применима точка зрения Р. Саватье, который писал, что: «В современных условиях гражданская ответственность настолько расширилась и стала настолько серьезной, что составляет опасный риск, который в каждом отдельном случае не может быть предварительно оценен. Этот риск страхователя принимает на себя страховщик за оплачиваемые ему страховые взносы... Такая практика необходима для того, чтобы потерпевшие, как бы велика ни была сумма, причитающаяся им в порядке возмещения, во всех случаях нашли платежеспособное ответственное лицо» [9, с. 326].

В-четвертых, в модельном законодательстве прослеживается тенденция к специализации и усилению защиты прав потребителей. В ч. 4 ст. 36 Модельного закона содержит положения, направленные на восстановление баланса в отношениях между профессиональными разработчиками и рядовыми пользователями. Она прямо предписывает государственным органам обеспечивать защиту прав потребителей в сфере ИИ. Следует обратить внимание на то, что указанная статья не уточняет особенностей защиты прав потребителей в зависимости от того, причинен им договорный либо внедоговорный вред. Это приводит к выводу о том, что модельное законодательство об ИИ идет по пути унификации ответственности, выражающийся в том, что право «предусматривает единый режим ответственности независимо от договорного или деликтного основания возникновения вреда» [5, с. 286].

В п. 3.2.3 Рекомендаций указывается на необходимость разработки специальных правил, учитывающих специфику товаров и услуг на базе ИИ: информирование о функционале, наличие «красной кнопки» для экстренной остановки, добровольная сертификация. Это иллюстрирует специализацию потребительского права в отношении к цифровым продуктам.

Также Рекомендации содержат положения направленные на обеспечение права потребителя на информацию. В п. 3.3.3 закрепляется требование о раскрытии информации о факте использования ИИ, целях обработки данных и лицах, ответственных за систему. Указанное правило направлено на устранение информационного дисбаланса и соблюдение принципа добросовестности в цифровой среде. В свою очередь ст. 27 Модельного закона предусматривает обязанность разработчиков четко маркировать контент, созданный ИИ, обеспечивая тем самым право физического лица на получение достоверной информации.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Деликтная ответственность в сфере ИИ развивается в русле существующих тенденций гражданского права. Анализ модельного законодательства СНГ показывает, что регулирование обязательств из причинения вреда искусственным интеллектом не требует создания принципиально новых, неизвестных праву механизмов. Вместо этого происходит адаптация и специализация уже сложившихся гражданско-правовых институтов.

2. Ключевые тенденции, на которые опирается используемая модельным законодательством концепция регулирования, являются устоявшимися в деликтном праве. К ним относятся:

2.1. Расширение сферы безвиновной (объективной) ответственности, основанной на риск-ориентированном подходе. Приравнивание высокорисковых систем ИИ к источникам повышенной опасности является логичным развитием концепции, известной праву различных государств с середины XX века для случаев, когда деятельность не полностью контролируется человеком.

2.2. Канализирование ответственности на конкретных субъектах (собственник, разработчик, оператор). Это позволяет устранить правовую неопределенность для потерпевшего, возлагая ответственность на лиц, указанных в законе, в том числе и солидарно.

2.3. Социализация рисков через обязательное страхование гражданской ответственности. Этот механизм является стандартным способом обеспечения защиты прав потерпевших и распределения возможных имущественных рисков в современном обществе.

2.4. Специализация и усиление защиты прав потребителей в цифровой среде, что проявляется в требованиях к информированию, маркировке контента и наличию специальных средств контроля.

3. Несмотря на специфику отношений, связанных с ИИ, правовое регулирование деликтной ответственности в этой области демонстрирует преемственность и эволюционный характер. Выявленные в модельном законодательстве подходы опровергают позицию о необходимости создания абсолютно новой, «неантропоцентричной» системы ответственности. Напротив, они подтверждают, что существующий гражданско-правовой инструментарий обладает достаточным адаптационным потенциалом для решения возникающих ситуаций при условии его корректной и взвешенной модернизации с учетом специфики технологий ИИ.

Список литературы

1. *Скребец Е.В., Росенко М.И.* К проблеме гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта // *Право и государство: теория и практика.* – 2024. – № 10 (238). – С. 337–340.
2. *Апостолова Н.Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // *Северо-Кавказский юридический вестник.* – 2021. – № 1. – С. 112–119.
3. *Хмелевской И.Р., Калашиников Н.А.* Вопросы ответственности за действия искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право.* – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 10–13.
4. *Жаглина М.Е., Жаглин А.В.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы // *Вестник Московского университета МВД России.* – 2022. – № 2. – С. 75–78.
5. *Кулагин М.И.* Предпринимательство и право: опыт Запада // *Избранные труды.* – Москва: Статут, 1997. – С. 183–291.
6. *Мороз В.* О некоторых вопросах ответственности за причинение вреда при использовании технологий искусственного интеллекта // *Судовы веснік.* – 2023. – № 4(128). – С. 87–94.
7. *Богустов А.А.* К вопросу о возможности признания искусственного интеллекта субъектом деликтных обязательств // *Правова держава.* – 2020. – № 40. – С. 58–64.
8. *Карпенко О.А., Лошкарёв А.В.* Правовые проблемы ответственности в отношениях, связанных с функционированием искусственного интеллекта в современной цифровой экономике // *Проблемы развития предприятий: теория и практика.* – 2020. – № 1–3. – С. 72–77.
9. *Саватье Р.* Теория обязательств: Юридический и экономический очерк. – Москва: Прогресс, 1972. – 440 с.

References

1. *Skrebets E.V., Rosenko M.I.* K probleme grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za ushcherb, prichinennyj rabotoj iskusstvennogo intellekta // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* – 2024. – № 10 (238). – Pp. 337–340.
2. *Apostolova N.N.* Otvetstvennost' za vred, prichinennyj iskusstvennym intellektom // *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik.* – 2021. – № 1. – Pp. 112–119.
3. *Hmelevskoj I.R., Kalashnikov N.A.* Voprosy otvetstvennosti za dejstviya iskusstvennogo intellekta v sfere zdavoohraneniya // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo.* – 2024. – T. 9, № 4. – Pp. 10–13.
4. *Zhaglina M.E., Zhaglin A.V.* Otvetstvennost' za vred, prichinennyj iskusstvennym intellektom: real'nost' i perspektivy // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2022. – № 2. – Pp. 75–78.
5. *Kulagin M.I.* Predprinimatel'stvo i pravo: opyt Zapada // *Izbrannye trudy.* – Moskva: Statut, 1997. – Pp. 183–291.
6. *Moroz V.* O nekotoryh voprosah otvetstvennosti za prichinenie vreda pri ispol'zovanii tekhnologij iskusstvennogo intellekta // *Sudovy vesnik.* – 2023. – № 4(128). – Pp. 87–94.
7. *Bogustov A.A.* K voprosu o vozmozhnosti priznaniya iskusstvennogo intellekta sub'ektom deliktnyh obyazatel'stv // *Pravova derzhava.* – 2020. – № 40. – Pp. 58–64.
8. *Karpenko O.A., Loshkarev A.V.* Pravovye problemy otvetstvennosti v otnosheniyah, svyazannyh s funkcionirovaniem iskusstvennogo intellekta v sovremennoj cifrovoj ekonomike // *Problemy razvitiya predpriyatij: teoriya i praktika.* – 2020. – № 1–3. – Pp. 72–77.

9. *Savat'e R.* Teoriya obyazatel'stv: Yuridicheskij i ekonomicheskij ocherk. – Moskva: Progress, 1972. – 440 p.

Статья поступила в редакцию: 09.10.2025

Received: 09.10.2025

Статья принята к публикации: 20.01.2026

Accepted: 20.01.2026

ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Колодуб Григорий Вячеславович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

¹Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

В современной доктрине категория «транспортная инфраструктура» нередко используется фрагментарно – в объектном, управленческом либо публично-регулятивном значении, что затрудняет ее целостное осмысление как сложного правового явления и выявление места в системе гражданско-правовых организационных отношений. В работе правовая природа транспортной инфраструктуры анализируется посредством сравнительного сопоставления с энергетической инфраструктурой как типологически близким сетевым правовым образованием. Методологическую основу составляют системный и функциональный подходы, сравнительно-правовой анализ и положения теории организационных гражданско-правовых отношений. Установлено, что при принадлежности к единому типу сетевых образований транспортная и энергетическая инфраструктуры различаются по механизмам обеспечения устойчивости: энергетическая инфраструктура основана на модели публично-правовой централизации, тогда как транспортная функционирует как распределенная система договорно-правовой координации. Обосновано, что договоры использования транспортной инфраструктуры выполняют преимущественно координационную функцию, обеспечивая согласование действий участников и интеграцию публичных и частноправовых регулятивных механизмов.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, транспортное право, имущественные отношения, организационные отношения, методология права, предмет гражданского права, сравнительно-правовой анализ

TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW ORGANIZATIONAL RELATIONS: EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Kolodub G.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

¹Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

In contemporary legal doctrine, the category of «transport infrastructure» is often employed in a fragmented manner – in object-based, managerial, or public-regulatory terms – which hampers its holistic conceptualization as a complex legal phenomenon and obscures its place within the system of civil-law organizational relations. This article examines the legal nature of transport infrastructure through a comparative analysis with energy infrastructure as a typologically related network-based legal formation. The methodological framework combines systemic and functional approaches, comparative legal analysis, and the provisions of the theory of organizational civil-law relations. It is demonstrated that, although transport and energy infrastructures belong to the same general type of network formations, they differ significantly in the mechanisms ensuring their stability: energy infrastructure is characterized by a model of public-law centralization, whereas transport infrastructure operates as a distributed system of contractual and legal coordination. It is substantiated that contracts governing the use

of transport infrastructure perform primarily a coordinating function, ensuring the alignment of participants' actions and the integration of public-law and private-law regulatory mechanisms.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: transport infrastructure, transport law, property relations, organizational relations, methodology of law, subject of civil law, comparative legal analysis

Введение

В современной цивилистической и транспортно-правовой доктрине до настоящего времени не сложился единый методологический подход к осмыслению транспортной инфраструктуры как самостоятельного сложного правового явления. Это обстоятельство предопределяет преимущественно фрагментарное описание инфраструктурных отношений – либо через призму имущественных конструкций, либо посредством публично-управленческих режимов, что, в свою очередь, затрудняет выявление правовой формы функционирования транспортной инфраструктуры в экономическом обороте. При таком подходе вопрос о правовой природе транспортной инфраструктуры неизбежно смещается на периферию анализа, а ее место в системе гражданско-правовых организационных отношений и критерии разграничения с иными сетевыми инфраструктурными образованиями остаются недостаточно определенными.

В этой связи анализ транспортной инфраструктуры, опираясь на разработки общей теории права и цивилистики и учитывая отраслевую специфику транспортных отношений, не должен приводить к переосмыслению или расширительному толкованию базовых теоретико-правовых категорий «правовая система», «правовой механизм» и «правопорядок». При этом обращение к данным категориям оправдано, поскольку оно позволяет выявить специфику гражданско-правовой организации инфраструктурных отношений, не подменяя отраслевой анализ общетеоретическими конструкциями.

Именно в обозначенных методологических пределах становится возможным обращение к характеристике транспортной инфраструктуры как целостного правового образования, выходящего за рамки объектного или сугубо управленческого понимания.

Транспортная инфраструктура может быть осмыслена не как простое множество технических объектов¹, а как комплексная (правовая и организационная) система, в которой материальные элементы, функциональные процессы и институциональные структуры образуют взаимосвязанное единство. Данная система, будучи онтологической характеристикой транспортной инфраструктуры, в функционально-правовом аспекте воплощает собой устойчивый правовой механизм, обеспечивающий согласование интересов участников перевозочного процесса и правовую упорядоченность.

В рамках гражданско-правового анализа ключевое значение приобретает выявление того, каким образом материальные, организационные и нормативные компоненты формируют целостный правовой порядок транспортных отношений. Имущественные элементы образуют материальную основу такого порядка, однако сами по себе не обеспечивают его функционирования без включения организационных гражданско-правовых договоров и процедур, посредством которых упорядочивается взаимодействие участников. Именно в точке сопряжения имущественного и организационного начал, при неизбежном участии публичных регуляторов, проявляется комплексный характер транспортной инфраструктуры.

Транспортная инфраструктура может быть исследована не изолированно, а в сопоставлении с иными правовыми системами, построенными по сетевой модели, что позволяет выявить общие закономерности их организации и определить пределы применимости таких аналогий к транспортным отношениям. В этом контексте особое значение приобретает установление соотношения образований². Сопоставление при этом не должно подменять самостоятельного исследования транспортных отношений, а призвано дополнять его, позволяя выявить закономерности их правовой организации, становящиеся различимыми лишь при выходе за пределы внутреннего описания инфраструктуры.

¹ См., например: ст. 2 п. 4; ст. 5 п. 1; ст. 6 п. 1 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 169.

² См.: Бажина М.А. Содержательная трансформация понятия «транспортная инфраструктура» в условиях цифровизации // Юрист. – 2022. – № 10. – С. 56.

Сравнение транспортной инфраструктуры [1, с. 56] с некоторыми инфраструктурными образованиями (системами) – энергетической³, информационно-технологической и платежной – является методологическим приемом [2, с. 5–9], который должен позволить выявить общие закономерности построения и функционирования анализируемых образований.

Сопоставление направлено на выявление устойчивых закономерностей построения и функционирования инфраструктурных систем, сохраняющих универсальный характер и обнаруживающих отраслевую специфику транспортной инфраструктуры лишь в конкретных правовых условиях. Вместе с тем реализация такого подхода неизбежно сталкивается с пределами аналитической развертки, обусловленными как объемом исследования, так и необходимостью поддержания методологической концентрации. В этой связи в рамках настоящей статьи сопоставление целенаправленно ограничивается энергетической инфраструктурой, рассматриваемой в качестве наиболее показательного объекта. При подтверждении результативности такого подхода он может быть использован и для сопоставления транспортной инфраструктуры с иными сетевыми инфраструктурными системами.

Критерии и уровни правовой организации инфраструктурных систем

В качестве критериев для сопоставления выбраны *институциональная организация инфраструктурных отношений, договорное взаимодействие участников, комплекс публичных гарантий и степень контроля*. Указанные критерии используются не как самостоятельные элементы правового регулирования и не как исчерпывающие характеристики инфраструктурных систем, а вводятся в анализ в ином качестве – как средства сопоставления различных инфраструктурных образований в рамках единой методологической логики, не нивелирующей их правовую специфику. Выбор данных критериев обусловлен тем, что именно через них в праве наиболее отчетливо проявляются способы упорядочения инфраструктурных отношений: распределение ролей и компетенций между участниками, юридические формы координации их деятельности, а также пределы публичного вмешательства и интенсивность надзорного воздействия. Используемое наименование критериев носит функциональный характер и не предполагает нормативного закрепления либо количественного измерения. В совокупности данные критерии образуют инструмент для выявления сходных и отличающихся моделей правовой организации инфраструктурных систем в рамках сравнительного анализа.

Под *институциональной организацией инфраструктурного образования* в рамках настоящего анализа понимается не формальное описание состава участников, а внутреннее устройство соответствующего инфраструктурного образования, выражающееся в способах упорядочения субъектов, распределения компетенций и закрепления форм их взаимодействия. Подход смещает акцент с количественного перечня участников на устойчивые связи между ними, поскольку именно они определяют способность инфраструктурного образования сохранять целостность и функционировать в условиях множественности и неоднородности правовых связей. Речь идет, таким образом, не о простой совокупности субъектов, а об устойчивой конфигурации ролей и взаимных полномочий, в рамках которой инфраструктура приобретает характер организованного правового образования.

Институциональный анализ позволяет проследить, за счет каких правовых средств поддерживается единство инфраструктурного образования при разнонаправленности интересов его участников, какие элементы правовой организации приобретают системообразующее значение и каковы пределы ответственности. На этом уровне становятся различимы структурные закономерности, которые не очевидны при описании отдельных договорных или регулятивных элементов: формирование центров координации, распределение функций и трансформация юридических связей в устойчивые модели взаимодействия.

Тем самым можно предположить, что обращение к институциональной организации позволяет вывести исследование за пределы перечисления формальных институтов и перейти к выявлению внутренней архитектуры соответствующего явления – логики согласования и подчинения элементов, а также типов субъектных связей, обеспечивающих его устойчивость и управляемость.

³ Энергетическая система в статье рассматривается на примере электроэнергетической инфраструктуры, что обусловлено ее нормативной определенностью.

Договорное взаимодействие участников инфраструктурного образования отражает не формальную сторону его устройства, а динамику функционирования соответствующего образования как элемента правовой системы. Именно на этом уровне становится различимым, каким образом между участниками возникают, изменяются и закрепляются юридические связи, посредством которых реализуется согласование интересов в конкретных правовых ситуациях.

Рассмотрение договорного взаимодействия в качестве самостоятельного аналитического критерия позволяет представить инфраструктурное образование как систему воспроизводящихся юридических связей, в рамках которой автономия участников соотносится с требованиями публичного порядка, а саморегулирование и координация действий обретают юридически очерченные пределы. Анализ данного уровня выявляет принципы, от которых зависит устойчивость таких связей, – добросовестность, соразмерность, диспозитивность в границах соответствующего правового режима. Тем самым договорное взаимодействие раскрывает механизмы поддержания устойчивости функционирования инфраструктурного образования в рамках общей правовой системы, не сводя исследование к формально-нормативному описанию договорных конструкций.

Комплекс публичных гарантий и степень контроля функционирования инфраструктурного образования отражают ту часть правового регулирования, которая направлена не на организацию взаимодействия участников, а на обеспечение стабильности и правомерности использования инфраструктуры в условиях социально значимого характера соответствующих отношений. Речь идет о правовых гарантиях безопасного, доступного и недискриминационного использования инфраструктуры, обеспечиваемых в интересах неопределенного круга пользователей, участников инфраструктурных отношений и общества в целом.

Выделение данного аналитического критерия позволяет рассматривать инфраструктурные образования не только в плоскости частноправовых связей, но и как объекты публичного интереса, правовой режим которых не может быть выведен исключительно из договорной автономии. В этом контексте публичные гарантии закрепляют требования безопасности, доступности и недискриминационного использования инфраструктуры, тогда как контроль выражается в правовых формах надзора и иных способах государственного воздействия, направленных на предотвращение нарушений, способных повлиять на устойчивость функционирования инфраструктурной системы. Степень контроля при этом используется как качественная характеристика форм и интенсивности публичного воздействия, а не как показатель, подлежащий количественному измерению.

Критерии анализа инфраструктурного образования могут быть зафиксированы следующим образом:

- 1) институциональная организация, фиксирующая структурные параметры системы, определяющая состав участников и распределение ролей, а также задающая границы правового целого;
- 2) договорное взаимодействие, обеспечивающее реализацию институционально заданных ролей, раскрывающее динамику их изменения в юридической практике и переводящее структуру в процесс правового действия;
- 3) комплекс публичных гарантий и степень контроля, определяющие условия правомерного использования инфраструктуры, обеспечивающие устойчивость ее функционирования и связывающие инфраструктуру с публичным интересом и правовым порядком.

Сетевые инфраструктуры в праве: различия институциональной организации и регулятивных механизмов

Транспортная инфраструктура и энергетическая инфраструктура⁴ принадлежат к числу базовых элементов экономического оборота, через которые реализуются ключевые общественные потребности – движение ресурсов, товаров и людей.

Энергетическая система рассматривается нами как комплексное правовое образование, объединяющее материальные объекты производства, передачи и распределения энергии, субъектов, наделенных

⁴ Структурно включает ряд специализированных и обладающих относительной автономией подсистем: электроэнергетику, теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение, а также газовую, нефтяную и угольную промышленность.

установленными законом полномочиями, а также режимы доступа, диспетчерского управления и тарифного регулирования. Как справедливо отметил П.Г. Лахно, энергетику в российском праве можно рассматривать «как средство для преобразования природного потенциала в потребительский продукт» [3, с. 5].

Сравниваемые образования функционируют исходя из принципа сетевой взаимосвязанности и совместимости инфраструктурных систем⁵, но различаются по своей юридической природе и механизмам организации. Так, в энергетической сфере ядром системы выступает централизованная сеть передачи, где взаимодействие субъектов подчинено режиму технологического баланса и недопущения перебоев снабжения⁶. Право выполняет стабилизирующую функцию⁷: оно ограничивает автономию участников, обеспечивая единообразие режима доступа, стандартов и ответственности [4, с. 332]. Энергетическая система существует благодаря высокой степени централизации, которая юридически оформляется через комплекс публичных и частноправовых норм [5, с. 60–64].

Институциональная организация инфраструктурных образований

Отличие между энергетической и транспортной инфраструктурой проявляется в характере управления и степени централизации. В электроэнергетике институциональная модель строится на принципе единого центра принятия решений. Согласно статьям 3 и 8 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон № 35-ФЗ)⁸ функции оперативно-диспетчерского управления возложены на системного оператора, который обеспечивает баланс производства и потребления энергии, поддержание технологической устойчивости и выполнение обязательных распоряжений всеми субъектами рынка. Такая структура формирует вертикаль управления, где координация носит обязательный характер.

В транспортной сфере, напротив, управление распределено между владельцами инфраструктуры, перевозчиками и органами власти. Нормативные основания этого закреплены в статье 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (далее – Закон № 18-ФЗ)⁹. В данном случае координация достигается не через подчинение, а через договорные процедуры и регламенты, которые согласуют деятельность множества участников (например, распределение графиков движения и пропускной способности между перевозчиками).

Существенные различия проявляются также в способах организации доступа к инфраструктуре. В электроэнергетике установлена обязательная процедура технологического присоединения¹⁰. Заяви-

⁵ В правовом смысле данный принцип может связываться с: установлением общих стандартов функционирования для всех звеньев системы, нормативным закреплением обязанностей по взаимодействию и обеспечению совместимости, подчинением частных интересов участников требованиям безопасности, устойчивости и недискриминационного доступа и др.

⁶ Верховный Суд Российской Федерации подтвердил законность распределения электросетевых компаний на территориальные сетевые организации и подчеркнул, что стратегия развития энергетики нацелена на консолидацию мелких сетевых компаний в соответствии со Стратегией развития электросетевого комплекса Российской Федерации, см.: Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 27.09.2022 г. № АКПИ22-575 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзацев третьего – пятого пункта 2(2) Постановления Правительства РФ от 28.02.2015 № 184 «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям» и пунктов 1 и 2 критериев отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям, утвержденных этим Постановлением» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.10.2025).

⁷ См.: Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5711; Федеральный закон от 03.12.2011 № 382-ФЗ «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 5). – Ст. 7060; Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421; Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики»» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть III). – Ст. 2167.

⁸ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.

⁹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 170.

¹⁰ См.: Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 52 (часть 2). – Ст. 5525.

тель обращается к сетевой организации, которая обязана обеспечить присоединение при соблюдении технических условий. В транспортной сфере, напротив, доступ к инфраструктуре носит договорный характер: порядок и условия использования определяются соглашением с владельцем объекта и зависят от пропускной способности, технического состояния и требований безопасности (ст. 5 и 6 Закона № 18-ФЗ).

Различие прослеживается и в организации имущественной базы. Энергетическая сеть представляет собой централизованный имущественный комплекс, объединенный единым технологическим управлением (ст. 3 и 21 Закона № 35-ФЗ). В транспортной инфраструктуре, напротив, имущественные элементы распределены между разными владельцами, чья деятельность согласуется на основании договоров и регламентов (ст. 2, 5 и 6 Закона № 18-ФЗ).

Наконец, отличия затрагивают характер системных рисков и механизмов ответственности. В энергетике они связаны с нарушением баланса производства и потребления энергии, что требует технологического контроля и санкций за несоблюдение режимов (ст. 21 Закона № 35-ФЗ). В транспортной сфере риски иной природы: приоритет отдан безопасности движения и охране жизни людей, что обуславливает усиленный надзор и специальные меры ответственности (Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» – далее – Закон № 16-ФЗ)¹¹.

В совокупности выявленные различия показывают, что энергетическая система институционально ориентирована на вертикальную модель управления и технологическое единство, тогда как транспортная инфраструктура представляет собой распределенную сеть, основанную на координации множества субъектов в условиях императивных требований безопасности и ограниченной диспозитивности договоров.

Договорное взаимодействие участников инфраструктурных образований

Энергетическая и транспортная инфраструктура принадлежат к числу сетевых образований, где договор выполняет не только функцию оформления обмена, но и функцию правовой координации участников. При этом договорное взаимодействие строится по разным моделям. В энергетике преобладают договорные модели, основанные на присоединении одной стороны к установленным условиям [6] с высокой долей императивных правил. Отношения технологического присоединения и передачи электроэнергии формируются по заранее установленным правилам, а свобода усмотрения ограничена публичными требованиями надежности, баланса и недискриминационного доступа. В рамках этого подхода распределение рисков и ответственность подчинены жестким, заранее установленным правилам. Примером служат договоры на технологическое присоединение [7, с. 190–199; 8, с. 3–12] и договоры оказания услуг по передаче [9, с. 35–37; 10, с. 37–40], где порядок подключения, сроки, тарифные элементы, условия отказа и ответственность за несоблюдение режимов predetermined нормативно и подлежат контролю со стороны публичных органов.

В транспортной сфере договорные связи организуют совместное использование материальных объектов множеством самостоятельных субъектов. Общий принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ и специально отраженный в ст. 784 ГК РФ для перевозок, действует постольку, поскольку уставы, кодексы и изданные во исполнение закона правила не устанавливают иное. Договоры в транспортной сфере приобретают координационное значение, выступая инструментом согласования поведения участников в условиях действия императивных требований безопасности и технологической регламентации процессов. Практически это выражается в договорах об использовании инфраструктуры [11, с. 28], договорах на подачу и уборку вагонов [12, с. 24–27; 13, с. 26–29], где стороны согласуют графики движения, окна для ремонта, порядок приоритизации и технологические регламенты. Пределы диспозитивности задаются специальными нормами о безопасности движения и эксплуатации, что сужает возможность варьирования условий по сравнению с классическими консенсуальными договорными конструкциями.

Сопоставление позволяет увидеть, что в энергетической сфере договорная автономия изначально встроена в систему унифицированных публичных стандартов надежности и баланса, определяющих

¹¹ См.: Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

допустимые пределы поведения участников. В транспортных отношениях договор выполняет иную функцию: он используется, прежде всего, как инструмент согласования действий множества субъектов, разнесенных в пространстве и времени. Если для энергетической инфраструктуры определяющим становится присоединение к заранее установленным режимам и распределение ответственности за отклонения от них, то в транспортной инфраструктуре на первый план выходят организационные гражданско-правовые договоры, обеспечивающие стыковку операций, увязку графиков и соблюдение требований безопасности. Тем самым, несмотря на сходную координирующую роль договора, различаются как степень диспозитивности, так и характер ее реализации в соответствующих моделях инфраструктурного регулирования.

Комплекс публичных гарантий и степень контроля функционирования инфраструктурных образований

Энергетическая и транспортная инфраструктура относятся к числу правовых образований, в которых публичные гарантии и надзор не выступают внешним дополнением к гражданско-правовому регулированию, а включены в его внутреннюю структуру и выполняют системообразующую функцию. Общность их правовой природы проявляется в обеспечении жизненно значимых процессов – снабжения энергией и перемещения людей и грузов, что предопределяет устойчивое и повышенное внимание государства к условиям их функционирования. Вместе с тем сходство публичной значимости не означает тождества правовых механизмов. Способы реализации публичных гарантий в указанных отраслях различаются как по направленности воздействия, так и по степени централизации, что позволяет выявить принципиально разные модели соотношения публичного контроля и договорной координации.

В энергетической сфере публичные гарантии ориентированы на обеспечение надежности и непрерывности энергоснабжения, а также на баланс интересов производителей, сетевых организаций и потребителей. Принципы функционирования отрасли, включающие безопасность, энергоэффективность и государственное регулирование деятельности субъектов, установлены в ст. 3 Закона № 35-ФЗ. Обеспечение публичных гарантий в энергетической сфере носит комплексный характер. Полномочия Банка России и Федеральной антимонопольной службы охватывают вопросы тарифного регулирования и обеспечения конкуренции (ст. 4, 5 Федерального закона от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях»¹²; ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹³; ст. 56 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹⁴). Ростехнадзор осуществляет контроль за соблюдением требований промышленной и энергетической безопасности (ст. 23 Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ¹⁵). Министерство энергетики Российской Федерации формирует государственную политику и утверждает стандарты функционирования энергетической системы (п. 4 Постановления Правительства РФ от 28 мая 2008 г. № 400 «О Министерстве энергетики Российской Федерации»¹⁶). Важной особенностью является нормативно оформленный режим государственного вмешательства: тарифы и правила технологического присоединения устанавливаются публичной властью, а диспетчерское управление централизовано у системного оператора (ст. 21 и 23 Закона № 35-ФЗ). Таким образом, энергетическая система представляет собой пример сектора, где публичный контроль встроен в саму логику функционирования сети.

В транспортной сфере назначение публичных гарантий имеет иную смысловую направленность, чем в энергетике. Здесь в центре регулирования находится не поддержание экономического баланса системы, а защита жизни, здоровья и собственности граждан, вовлеченных в транспортный процесс. Именно этой логике подчинено регулирование, закрепленное в Федеральном законе № 16-ФЗ, который формирует правовые и организационные основы защиты транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства. Если в энергетике публичные гарантии преимущественно реализуются через механизмы тарифного

¹² См.: Собрание законодательства Российской Федерации от 21 августа 1995 г. № 34, ст. 3426.

¹³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I), ст. 3434.

¹⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации от 15 июля 2002 г. № 28, ст. 2790.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июля 1997 г. № 30, ст. 3588.

¹⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации от 2 июня 2008 г. № 22, ст. 2577.

и технологического регулирования, то в транспортной сфере они получают выражение в особых режимах безопасности, сертификации, категорирования и обязательного надзора за объектами инфраструктуры. Контроль за соблюдением указанных требований распределен между специализированными органами публичной власти – Министерством транспорта, Росжелдором, Росавиацией, Ространснадзором и иными уполномоченными субъектами, а в отдельных сегментах дополняется деятельностью служб безопасности владельцев инфраструктуры, что придает системе контроля многоуровневый и распределенный характер.

Различия между рассматриваемыми отраслями проявляются и в характере государственного вмешательства, которое, сохраняя общую целевую направленность, реализуется через неодинаковые правовые механизмы. В энергетике контроль носит системный характер: государство задает стратегические ориентиры развития, участвует в планировании мощностей и осуществляет ценовое регулирование, соотнося экономические параметры функционирования отрасли с задачами социальной политики. В транспортной сфере вмешательство выглядит иначе – оно не выстраивается в виде единого централизованного контура, а концентрируется на критически значимых аспектах, прежде всего безопасности движения, охране инфраструктурных объектов и контроле за доступом к ним. Если в энергетике публичные гарантии ориентированы на поддержание технологического и экономического равновесия системы, то в транспорте они направлены на предотвращение угроз физической безопасности и недопущение дискриминации участников инфраструктурных отношений.

При всем различии инструментов обе системы демонстрируют общий закономерный принцип: публичный контроль становится необходимым условием устойчивости инфраструктурных образований, ограничивая частноправовую автономию в тех пределах, где от согласованности действий участников зависит функционирование общества в целом. Однако энергетика реализует данный принцип преимущественно через экономические и технологические механизмы централизованного регулирования, тогда как транспортная инфраструктура опирается на административно-правовые процедуры обеспечения безопасности и координации. Такое расхождение позволяет говорить о различной институциональной природе систем публичных гарантий и надзора в указанных сферах при сохранении их общей функции – поддержания баланса между эффективностью и безопасностью процессов функционирования инфраструктуры.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют уточнить ряд принципиальных положений, имеющих значение для понимания правовой природы транспортной инфраструктуры и механизмов ее функционирования.

Сравнительный анализ показал, что транспортная и энергетическая инфраструктуры действительно образуют единый ряд сетевых правовых образований, однако сходство их системной организации не устраняет различий в правовой природе и способах обеспечения устойчивости. Для энергетической сферы характерна модель централизованного публично-правового регулирования, при которой частноправовые связи изначально встроены в контур государственного управления и подчинены императивным регулятивным режимам. Транспортная инфраструктура, напротив, формируется как распределенная система, в которой согласование интересов участников достигается преимущественно посредством правовых и договорных механизмов, а не за счет административной централизации. Это обстоятельство позволяет рассматривать транспортную инфраструктуру как сложную гражданско-правовую организацию, устойчивость которой обеспечивается не столько вертикалью управления, сколько нормативным согласованием и ответственностью участников инфраструктурных отношений.

Установлено, что транспортная инфраструктура представляет собой многоуровневое правовое явление, раскрывающееся на технико-объектном, функционально-системном и институциональном уровнях. Их взаимосвязанное рассмотрение формирует комплексное понимание инфраструктуры, выходящее за пределы ее восприятия как совокупности материальных объектов и позволяющее выявить правовую логику ее функционирования. В этом контексте транспортная инфраструктура выступает содержательной основой гражданско-правовых организационных отношений, образующих правовую форму ее включения в экономический оборот.

Обосновано, что инфраструктурные отношения в сфере транспорта опосредуются системой организационных договоров, направленных на координацию перевозочного процесса и управление использованием инфраструктуры. Такие договоры не сводятся к классическим имущественным конструкциям и выполняют преимущественно координационную функцию, обеспечивая согласованное взаимодействие перевозчиков, владельцев инфраструктуры и иных участников транспортных отношений, а также сопряжение публичных регулятивных требований с частноправовыми обязательствами.

Показано, что на современном этапе специфика транспортной инфраструктуры нередко раскрывается через систему особых правовых режимов, ориентированных на обеспечение ее надежного и безопасного функционирования. К их числу относятся режимы допуска к инфраструктуре, включающие лицензирование, сертификацию и иные разрешительные процедуры, а также публичные гарантии, основанные на императивных нормах транспортной безопасности, обязательном категорировании объектов и государственном контроле за соблюдением эксплуатационных стандартов. Вместе с тем указанные режимы не исчерпывают всей совокупности правовых характеристик транспортной инфраструктуры и требуют более дифференцированного анализа с учетом ее договорной и отраслевой специфики.

В итоге акцентируется, что устойчивость транспортной инфраструктуры обеспечивается не только посредством публично-правовых ограничений, но и за счет развитых организационно-договорных связей, позволяющих координировать действия множества участников и сохранять целостность инфраструктурного комплекса как единой правовой сети.

Список литературы

1. *Бажина М.А.* Содержательная трансформация понятия «транспортная инфраструктура» в условиях цифровизации // Юрист. – 2022. – № 10. – С. 55–61.
2. *Кошель А.С.* Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) / А.С. Кошель, Я.И. Кузьминов, Е.В. Кручинская, Б.В. Лесив // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 4–58.
3. *Лакно П.Г.* Энергия, энергетика и право // Энергетическое право. – 2006. – № 1. – С. 2–16.
4. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / А.П. Алексеенко, А.М. Баринов, А.Ю. Бушев [и др.]; под ред. В.Ф. Попондопуло. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – Т. 2. – 640 с.
5. *Романова В.В.* Энергетическое право: учебник для подготовки кадров высшей квалификации. – Москва: Юрист, 2021. – 288 с.
6. *Сейнаров Б.М.* Соотношение публичного договора с договором присоединения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 10 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
7. *Хамидуллин М.Т.* Правовая природа договора технологического присоединения: новый взгляд на проблему // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 12. – С. 190–199.
8. *Серова В.К.* О некоторых вопросах судебной практики, связанных с договором технологического присоединения к электрическим сетям // Арбитражные споры. – 2021. – № 3. – С. 3–12.
9. *Демченко О.Н.* Договор оказания услуг по передаче энергии в российском гражданском законодательстве // Гражданское право. – 2010. – № 4. – С. 35–37.
10. *Запруднов А.А.* Договор оказания услуг по передаче электрической энергии в российском гражданском праве: понятие и правовая природа // Гражданское право. – 2009. – № 1. – С. 37–40.
11. *Валиева А.Р.* Смешанный характер договора по использованию объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта // Транспортное право. – 2007. – № 2. – С. 27–30.
12. *Астапова И.И., Карпеев О.В.* Система договоров на подачу и уборку вагонов и эксплуатацию путей необщего пользования // Транспортное право. – 2018. – № 3. – С. 24–27.
13. *Карпеев О.В.* Правовая природа договора на эксплуатацию подъездного пути необщего пользования и договора на подачу и уборку вагонов // Юридический мир. – 2014. – № 1. – С. 26–29.

References

1. *Bazhina M.A.* Substantive transformation of the concept of transport infrastructure in the context of digitalization // Jurist. – 2022. – No. 10. – Pp. 55–61.

2. *Koshel A.S.* Searching for the regulatory optimum of digital platform activities (a comparative analysis) / A.S. Koshel, Ya.I. Kuzminov, E.V. Kruchinskaya, B.V. Lesiv // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2025. – Vol. 18, No. 2. – Pp. 4–58.
3. *Lakhno P.G.* Energy, the energy sector, and law // Energy Law. – 2006. – No. 1. – Pp. 2–16.
4. Entrepreneurial law: textbook: in 2 vols. / A.P. Alekseenko, A.M. Barinov, A.Yu. Bushev [et al.]; ed. by V.F. Popondopulo. 6th ed., rev. and exp. Moscow: Prospekt, 2023. – Vol. 2. – 640 p.
5. *Romanova V.V.* Energy law: textbook for advanced legal training. – Moscow: Yurist Publishing Group, 2021. – 288 p.
6. *Seinaroev B.M.* Correlation between a public contract and a contract of adhesion // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 1999. – No. 10. Available via the ConsultantPlus legal database (accessed: 10 October 2025).
7. *Khamidullin M.T.* The legal nature of the technological connection contract: a new approach to the problem // Actual Problems of Russian Law. – 2020. – No. 12. – Pp. 190–199.
8. *Serova V.K.* Certain issues of judicial practice related to technological connection contracts for electric power grids // Arbitration Disputes. – 2021. – No. 3. – Pp. 3–12.
9. *Demchenko O.N.* Contract for the provision of energy transmission services in Russian civil legislation // Civil Law. – 2010. – No. 4. – Pp. 35–37.
10. *Zaprudnov A.A.* Contract for the provision of electric energy transmission services in Russian civil law: concept and legal nature // Civil Law. – 2009. – No. 1. – Pp. 37–40.
11. *Valieva A.R.* The mixed nature of contracts for the use of railway transport infrastructure facilities // Transport Law. – 2007. – No. 2. – Pp. 27–30.
12. *Astapova I.I., Karpeev O.V.* The system of contracts for the supply and removal of railway cars and the operation of non-public railway tracks // Transport Law. – 2018. – No. 3. – Pp. 24–27.
13. *Karpeev O.V.* The legal nature of the contract for the operation of a non-public access railway track and the contract for the supply and removal of railway cars // Legal World. – 2014. – No. 1. – Pp. 26–29.

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Received: 28.01.2026

Статья принята к публикации: 10.02.2026

Accepted: 10.02.2026

УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Чистова Любовь Евгеньевна¹,

д-р юрид. наук, доцент,

e-mail: tchistova-lubov@yandex.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Целью статьи является рассмотрение взаимосвязи условий, в которых совершаются наркопреступления и содержания криминальной ситуации, неизбежно при этом возникающей. Отмечается, что данная категория в криминалистическом плане практически не исследована, между тем, именно существующие условия влияют не только на доведение преступником своих незаконных действий до конца, но и на механизм образования различных видов следов, отражающих в окружающей обстановке как его личные свойства, так и особенности предмета преступного посягательства. А это, в свою очередь, определяет выбор технических средств и тактических приемов при проведении следственных действий, направление расследования, а также выявление всех обстоятельств, позволяющих выяснить полную картину происшедшего преступного события. Делается акцент на зависимость условий, существующих на момент совершения преступления от места и времени осуществления преступного намерения. Подчеркивается важность понимания их в криминалистическом значении в целях полного, всестороннего и объективного расследования.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: условия совершения преступления, криминальная ситуация, расследование преступлений, наркотические средства, место совершения преступления, время совершения преступления, классификация условий, при которых совершаются наркопреступления

CONDITIONS AFFECTING THE FORMING OF THE CRIMINAL SITUATION IN CRIMES RELATED TO ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

Chistova L.E.¹,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: tchistova-lubov@yandex.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The purpose of the article is to consider the relationship between the conditions in which drug crimes are committed and the content of the criminal situation that inevitably arises. It is noted that this category has not been practically studied in the forensic context. However, it is the existing conditions that affect not only the completion of illegal actions but also the mechanisms of trace formation, which reflect both the criminal's personal characteristics and the subject of the offense. This, in turn, determines the choice of technical means and tactics when conducting investigative actions; direction of the investigation; and also identification of all circumstances that allow us to find out the full picture of the occurred criminal event. The emphasis is placed on the dependence of the conditions existing at the time of the crime on the place and time of the criminal intent. Understanding them in a forensic manner is crucial for conducting a complete, comprehensive, and objective investigation.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: conditions under which the crime was committed, criminal situation, investigation of crimes, narcotic drugs, place of the crime, time of the crime, classification of conditions under which drug crimes are committed

Условия, при которых готовилось и совершалось любое преступление, в том числе и связанное с незаконным оборотом наркотических средств, для его расследования имеют очень важное значение, поскольку позволяют определить не только его время, место, личность виновного лица, но и другие обстоятельства. Однако такие условия в их криминалистическом понимании практически не нашли свое отражение среди ученых в этой области. Единственным из них, кто посвятил этому вопросу свои труды, является Г.Г. Зуйков [1; 2]. Некоторые аспекты этой проблемы освещались в работах Н.А. Якубович [3], И.М. Лузгина [4]. Однако следует учитывать тот период развития нашего государства в эти годы. Исходя из этого, во всех названных работах речь шла только о внешнеполитических условиях, которые непосредственно на расследование преступлений никакого влияния не оказывали и не могли оказать.

В современный период некоторые авторы помимо категории «условия» в своих научных работах используют категорию «причины», но как способствующие совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств [5, с. 467–473; 6, с. 174–180; 7, с. 189–193; 8, с. 77–79].

Между тем понятия «условия, способствовавшие совершению преступления» и «условия, при которых готовилось и совершалось преступление» совершенно разные. Действительно, условия в первом значении при расследовании любого преступления необходимо выяснять, на что нам указывает и уголовно-процессуальное законодательство. Но цель такого выяснения – предотвращение подобных преступлений в будущем. Условия же во втором значении влияют на образование доказательств причастности конкретных лиц к расследуемому преступлению в виде следов, предметов и других объектов и выяснению других обстоятельств, проясняющих суть происшедшего преступного события. И именно от того, насколько полно и объективно эти условия были изучены, зависит полнота, всесторонность и объективность расследования данного преступления.

Как мы уже упоминали выше, обстановка, при которой готовилось и совершалось преступление, является элементом криминалистической характеристики преступлений, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Но и в учебниках криминалистики этот элемент при изложении методики расследования наркопреступлений, практически не раскрывается [9, с. 660–677; 10, с. 812–819]. А он имеет важное значение, в том числе и для определения дальнейшего направления расследования конкретного уголовного дела.

В свою очередь, под условиями в криминалистическом их значении мы понимаем обстановку, влияющую на действия преступника при подготовке и совершении незаконных действий, сокрытие их преступных результатов, а также механизм образования различных следов.

В связи с этим, как нам представляется, условия, влияющие на формирование криминальной ситуации при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, следует рассматривать в широком и узком смысле.

В широком понимании условия или обстановка, охватывают общее состояние наркоситуации на определенной территории – будь то регион, район или отдельный населенный пункт. Ключевым аспектом здесь является природно-географический и экономический фактор.

Например, в некоторых регионах России (Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ) произрастают дикорастущие растения, содержащие наркотические средства – конопля, эфедра, мак. Кроме того, в ряде сельскохозяйственных зон существуют легальные посевы мака для нужд фармацевтической промышленности или пищевого производства. Однако отсутствие должного контроля за такими посевами, а также доступность дикорастущих наркосодержащих растений провоцируют их незаконный сбор и самостоятельную переработку.

Это приводит к формированию локальных преступных схем, где наркотики изготавливаются кустарным способом (например, производство гашиша из конопли или опия из мака) и затем распространяются через теневые сети различными способами. Причем, в случае использования при этом информационных технологий, преступники могут действовать одновременно в некоторых регионах, что, несомненно, усиливает конспиративность преступной деятельности, усложняет работу правоохранительных органов, снижает вероятность выявления всех участников наркотрафика. Учитывая этот факт, сотрудники правоохранительных органов, занимающихся расследованием таких преступлений, могут координировать свои действия не только при выявлении их на своей территории, но и взаимодействовать с соседними подразделениями.

В более узком значении условия или обстановка связаны с конкретными возможностями, которые используют преступные группы для организации нелегального производства наркотиков.

Один из ключевых факторов – доступ к прекурсорам (химическим веществам, используемым для синтеза наркотиков). Некоторые предприятия и организации, работающие с такими веществами (фармацевтические компании, химические лаборатории, сельскохозяйственные кооперативы), могут становиться источниками их незаконного изъятия. Это происходит из-за недостаточного контроля за оборотом прекурсоров, коррупционных схем среди сотрудников, слабой системы учета на производстве.

В подобных случаях преступные группы, получив доступ к необходимым химическим компонентам, оборудуют подпольные лаборатории – от приспособленных квартир до специально арендованных помещений. В них налаживается синтез синтетических наркотиков (например, амфетаминов, мефедрона или «солей»), которые затем распространяются через дилерские сети, оказывая специфическое воздействие на механизм слеодообразования.

Но условия можно рассматривать еще и в большем масштабе, а именно: влияющие на преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств в целом. Например, лидирующее положение Афганистана в производстве гашиша и героина в мировом масштабе¹ приводит к тому, что наркотические средства этих групп в большом количестве поступают в нашу страну. Этому способствует недостаточно охраняемая таджикско-афганская граница. Данный факт приводит к тому, что вся ее протяженность полностью не контролируется. Этим пользуется население республики Таджикистан, бедственное положение которого побуждает их переправлять в нашу страну из Афганистана огромные количества наркотиков [11, с. 4]. В связи с этим, Ю. Егоров отмечал, что пришедшие в упадок в республике промышленность, сельское хозяйство, сплошная безработица, низкий уровень материального благосостояния, не позволяющий обеспечивать семьи, выгодны дельцам наркобизнеса для набора в свои ряды наркокурьеров. А, согласно исследованиям А.Н. Алиева, «выявление в республике контрабанды наркотиков, поступающих из Афганистана, составляет лишь 5–10%» [12, с. 15].

То же самое можно сказать и об индустриальном характере производства кокаина в Латинской Америке². Такой наркотик поступает в нашу страну с бананами, кофе и другими продуктами.

Все это позволяет внутри Российской Федерации складываться криминальным ситуациям, связанным с контрабандным перемещением наркотических средств на территорию нашей страны с последующим их сбытом. При этом способы незаконного перемещения этих средств на территорию нашей страны будет зависеть как от непосредственного места совершения таких преступлений, так и от свойства и состояния рассматриваемых средств, что также будет влиять на особенность оставляемых при этом следов.

Таким образом, условия, влияющие на формирование криминальной ситуации при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, можно классифицировать следующим образом.

1. Производственно-экономические:

– наличие слабоохраняемых посевов конопли и мака, формально предназначенных для промышленного и кулинарного использования.

Так, по данным МВД РФ, ежегодно выявляется 120–150 тыс. га незаконных посевов конопли и мака, что составляет около 15% от всех земель сельхозназначения в проблемных регионах (ЮФО, СКФО, Дальний Восток).

Например, в 2025 г. в Дагестане уничтожено 4,2 тыс. га дикорастущей конопли, но лишь 12% этих территорий находились под регулярным мониторингом³;

– недостаточный контроль за уборкой технических культур в период созревания.

¹ Афганистан и мировое лидерство по производству наркотиков. – URL: <https://www.caravan.kz/articles/afganistan-i-mirovoe-liderstvo-po-proizvodstvu-narkotikov-376288/> (дата обращения: 11.06.2025). – Текст: электронный.

² Колумбия установила новый рекорд по производству кокаина. – URL: <https://sputnik-georgia.ru/20230911/kolumbiya-ustanovila-novuyu-rekord-po-proizvodstvu-kokaina-v-2022-g---smi-282174625.html> (дата обращения: 11.06.2025). – Текст: электронный.

³ Отчет о выявлении и уничтожении незаконных посевов наркосодержащих растений / МВД РФ [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.06.2025). – Текст: электронный.

Согласно отчетам Россельхознадзора, до 30% технических культур (конопля, мак) в южных регионах не убираются в установленные сроки, создавая сырьевую базу для наркопроизводства⁴;

– обширные заросли дикорастущих наркотикосодержащих растений (конопля, эфедра) в отдельных регионах страны.

2. Логистические проблемы:

– фактическая монополизация оптовой торговли сельхозпродукцией выходцами из стран Средней Азии и Закавказья;

– отсутствие эффективного контроля за трансграничными товаропотоками.

3. Свобода действий в киберпространстве:

– многочисленные онлайн-магазины (включая зарубежные), предлагающие наркотические средства;

– возможности для отмыwania криминальных доходов через анонимные платежные системы, сервисы с зашифрованными транзакциями, виртуальные финансовые платформы.

4. Информационные угрозы в цифровой среде:

– пропаганда наркопотребления (сайты, популяризирующие психоделический опыт (ЛСД, гашиш, кетамин, экстази)).

В 2025 г. Роскомнадзор заблокировал 2,4 тыс. сайтов, связанных с продажей наркотиков, но 68% из них возобновляют работу через зарубежные зеркала;

– публикация детальных инструкций по технологиям синтеза наркотиков, стереохимическим формулам, способам употребления и дозировкам, комбинированию различных веществ.

5. Дискуссии по легализации потребления наркотических средств или психотропных веществ:

– обсуждение вопросов декриминализации отдельных наркотических средств;

– распространение мифов о «безопасном» употреблении некоторых наркотиков, быстрых методах излечения от наркозависимости.

Рассмотренные нами условия создают благоприятную обстановку для незаконного оборота наркотических средств, формируя при этом устойчивый потребительский спрос.

Необходимо подчеркнуть, что условия, складывающиеся в определенном месте и в конкретный временной период, оказывают существенное влияние на выбор преступником способа совершения противоправных действий. Ярким примером этому служат нападения на бригады скорой помощи, совершаемые наркозависимыми лицами. Данные преступления характеризуются следующими особенностями:

– совершаются преимущественно в ночное время;

– происходят в малолюдных и плохо освещенных местах;

– реализуются через механизм ложного вызова;

– имеют целью завладение наркотикосодержащими лекарственными препаратами.

Все это наглядно демонстрирует, что именно сложившаяся обстановка (или совокупность конкретных условий) играет определяющую роль в выборе места совершения преступления, отборе используемых орудий, особенностях предмета преступного посягательства, способах сокрытия следов преступления.

Г.Г. Зуйков в своих исследованиях способа совершения преступления особо отмечал, что преступник, как правило, обладает определенным уровнем знаний об обстановке, в которой планирует совершить противоправные действия. Это знание позволяет ему:

1) адекватно оценить окружающие условия;

2) определить оптимальные цели преступления;

3) разработать наиболее эффективные способы реализации преступного замысла [13, с. 28].

Мы полностью разделяем позицию Зуйкова Г.Г. относительно того, что криминальная ситуация формируется под воздействием разнообразных условий, которые можно классифицировать по следующим признакам:

– степени изменчивости (относительно постоянные и переменные);

– необходимости (обязательные и случайные);

⁴ Статистика по несанкционированным посевам конопли в ЮФО / Россельхознадзор [официальный сайт]. – URL: <https://fsvps.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2025). – Текст: электронный.

– очевидности (явные и скрытые) [13, с. 28].

Беря за основу исследование Г.Г. Зуйкова этой криминалистической категории, мы можем выделить систему факторов, составляющих криминальную обстановку и влияющих на выбор способа совершения преступления:

1. Пространственно-временные характеристики:

- географическое положение;
- топографические особенности местности;
- временные параметры (не только в астрономическом, но и в социальном значении);
- бытовые и производственные условия;
- коммуникационные особенности.

2. Свойства материальных объектов:

- характеристики предметов на месте преступления;
- особенности территорий, связанных с преступлением.

3. Метеорологические условия:

- погодные факторы;
- сезонные особенности;
- климатические характеристики.

4. Организационно-управленческие факторы:

- специфика деятельности предприятий и учреждений;
- особенности функционирования систем безопасности;
- режим работы организаций.

5. Социально-поведенческие аспекты:

- образ жизни участников преступления;
- поведенческие стереотипы;
- социальные связи.

Как нам представляется, данная классификация позволяет глубже анализировать механизм преступного поведения и разрабатывать эффективные приемы, средства и методы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

В заключение можно сделать вывод о том, что исследование условий, влияющих на осуществление незаконной деятельности в сфере оборота наркотических средств, может помочь сотрудникам правоохранительных органов, расследующих преступления в этой сфере, выявить другие элементы криминалистической характеристики рассматриваемых видов преступлений, а это, в свою очередь, позволит установить все обстоятельства расследуемого уголовного дела.

В связи с этим, наша статья обладает новизной в том плане, что за долгий период развития науки криминалистики мы обратили внимание на условия, влияющие на формирование криминальной ситуации именно в их криминалистическом значении, и в связи с этим изложенные в ней предложения могут иметь значение для дальнейшего научного исследования этой категории.

Список литературы

1. *Зуйков Г.Г.* Выявление органами милиции причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1964. – 131 с.
2. *Зуйков Г.Г.* Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению. – Москва, 1964. – 74 с.
3. *Якубович Н.А.* Теоретические основы предварительного следствия. – Москва, 1971. – 142 с.
4. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. – Москва, 1973. – 215 с.
5. *Игнатьев М.Е.* Криминалистическая задача расследования – установление причин и условий, способствующих совершению преступлений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, №3. – С. 467–473.
6. *Чашиников А.А., Алимтеев С.А.* Причины и условия, совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 2(5). – С. 174–180.

7. Лаврищева О.А. характеристика причин и условий совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // В сб.: перспективы развития институтов права и государства: сборник научных статей 5-й Международной научной конференции. – Курск, 2022. – С. 189–193.
8. Хворова О.Б. Причины и условия совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков преступными сообществами // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 2 (27). – С. 77–79.
9. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. Агафонова В.В., Филиппова А.Г. – Москва: Юрайт, 2023. – 778 с.
10. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – Москва: Норма, 2023. – 990 с.
11. Кодиров Д.С. Незаконный оборот наркотических средств: особенности методики расследования (по материалам республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 187 с.
12. Алиев А.Н. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, совершаемой членами организованных преступных формирований (по материалам республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Люберцы, 2013. – 175 с.
13. Зуйков Г.Г. Поиск по признакам способов совершения преступлений. – Москва, 1970. – 189 с.

References

1. Zuikov G.G. Identification by police of causes and conditions contributing to the commission of crimes and taking measures to eliminate them: diss. ... Cand. of Law. – Moscow, 1964. – 131 p.
2. Zuikov G.G. Identification in the process of investigation of causes and conditions contributing to the commission of crimes and taking measures to eliminate them. – Moscow, 1964. – 74 p.
3. Yakubovich N.A. Theoretical foundations of preliminary investigation. – Moscow, 1971. – 142 p.
4. Luzgin I.M. Methodological problems of investigation. – Moscow, 1973. – 215 p.
5. Ignatiev M.E. Forensic task of investigation - establishment of causes and conditions contributing to the commission of crimes // Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2019. – Vol. 44, No. 3. – Pp. 467–473.
6. Chashnikov A.A., Alimpiev S.A. Causes and conditions for committing crimes related to illegal trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 2 (5). – Pp. 174–180.
7. Lavrishcheva O.A. Characteristics of the causes and conditions for committing crimes in the sphere of illegal trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // In the collection: Prospects for the Development of Institutions of Law and the State: a collection of scientific articles of the 5th International Scientific Conference. – Kursk, 2022. – Pp. 189–193.
8. Khvorova O.B. Causes and conditions for committing crimes in the sphere of illegal drug trafficking by criminal communities // Eurasian Advocacy. – 2017. – No. 2 (27). – Pp. 77–79.
9. Forensic Science. Full Course. Textbook for Universities. – 6th edition, revised and supplemented by Agafonov V.V., Filippov A.G. – Moscow: Yurait, 2023. – 778 p.
10. Averianova T.V. Forensic Science. Textbook for Universities / T.V. Averianova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Rossinskaya. – Moscow: Norma, 2023. – 990 p.
11. Kodirov D.S. Illegal Drug Trafficking: Features of Investigation Methodology (Based on the Materials of the Republic of Tajikistan): Dis. ... Cand. of Law. Sciences. – Moscow, 2017. – 187 p.
12. Aliev A.N. Forensic characteristics of drug smuggling committed by members of organized criminal groups (based on materials from the Republic of Tajikistan): Abstract of Cand. of Law. Sciences. – Lyubertsy, 2013. – 175 p.
13. Zuikov G.G. Search by signs of methods of committing crimes. – Moscow, 1970. – 189 p.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025

Received: 28.08.2025

Статья принята к публикации: 23.09.2025

Accepted: 23.09.2025

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ» В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Меркулова Марина Викторовна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: merkulova.mosu@gmail.com

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматриваются актуальные вопросы относительно содержания и сущности понятия «киберпреступление», а также его связи с понятиями «киберугроза» и «кибербезопасность». Дается типовая схема реализации киберугрозы. Приводится перечень основных угроз в киберпространстве на сегодняшний день с акцентированием внимания на новейших тенденциях (Интернет вещей и др.). Через призму криминалистической классификации (систематизации) рассматриваются виды высокотехнологичных преступлений как с точки зрения экспертов ООН, стоявших у истоков понятия «киберпреступление», так и с позиций современных ученых и практиков. Формулируется обобщающее понятие киберпреступления, при этом подчеркивается единство понимания сущности киберпреступлений в современном мире. На основе данных официальной статистики показываются изменения в динамике киберпреступности в Российской Федерации с 2024 года. Анализируется качественная структура современной киберпреступности, оставшаяся фактически неизменной. В заключении приводится обоснованный вывод о необходимости дальнейших научных исследований рассматриваемой проблематики.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: киберпреступление, киберугроза, киберзащита, информационно-телекоммуникационные технологии, расследование, криминалистическая классификация преступлений, Организация Объединенных Наций

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF CYBERCRIME IN FORENSICS

Merkulova M.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: merkulova.mosu@gmail.com

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The current issues regarding the content and essence of the concept of “cybercrime”, as well as its connection with the concepts of “cyber threat” and “cybersecurity” are considered. A typical scheme of cyber threat implementation is given. The state-of-the-art list of the main threats in cyberspace is given, focusing on the latest trends (Internet of Things, etc.). Through the prism of forensic classification (systematization) types of high-tech crimes are considered, both from the point of view of UN experts, who were at the origin of the concept of “cybercrime”, and from the perspective of modern scientists and practitioners. The concept of cybercrime is formulated, emphasizing the unity of understanding of the essence of cybercrime in the modern world. Based on official statistics, changes in the dynamics of cybercrime in the Russian Federation have been shown since 2024. The qualitative structure of modern cybercrime, which has remained virtually unchanged, is analyzed. In conclusion, a valid conclusion is made about the need for further scientific research on the issue under consideration. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: cybercrime, cyber threat, cyber defense, information and telecommunication technologies, investigation, forensic classification of crimes, United Nations

Нарастающее развитие и внедрение в общественные отношения компьютерных технологий предполагает, с одной стороны, повышение качества жизни общества, с другой – пропорциональное увеличение количества вероятных угроз ее безопасности и стабильности. Источники и механизмы и цели таких угроз могут быть самыми различными, но объединяет их наличие вредоносного потенциала и реализация в цифровом пространстве (киберпространстве) посредством информационно-телекоммуникационных технологий и действий людей.

Киберугрозы [1, с. 3] могут реализовываться как в виде создания определенного вредоносного контента, так и в виде прямых атак на информационное пространство компьютеров, в которых находятся сведения, представляющие интерес для инициатора атаки (рисунок 1). В связи с этим ключевое значение приобретает организация информационной защиты объекта (киберзащиты) – деятельности по предотвращению неавторизованного использования, отказа в обслуживании, преобразования, рассекречивания, потери прибыли, или повреждения критических систем или информационных объектов [2, с. 105; 3, с. 21; 4, с. 29; 5, с. 5].

КИБЕРУГРОЗА	
Условия реализации (наличие уязвимостей информационного объекта):	Факторы воздействия на информационный объект:
<ul style="list-style-type: none"> — недостатки в обеспечении защиты информации; — недостатки в системе обработки информации 	<ul style="list-style-type: none"> — явления природного или техногенного характера; — процессы хранения, обработки и передачи информации; — действия людей

Рисунок 1 – Схема реализации киберугрозы

К основным угрозам в киберпространстве на международном уровне относят:

- разработку вредоносных компьютерных программ и средств (разработка «программ-вымогателей», троянских и других вредоносных программ, организация DDoS-атак и ботов);
- кибератаки на критическую инфраструктуру экономики и государства (электростанции, транспортные узлы, объекты промышленности);
- интернет-контент, касающийся сексуальной эксплуатации детей;
- террористическую активность в Интернете;
- кибермошенничество (в т.ч. с банковскими картами и безналичными платежами);
- интернет-торговлю оружием, наркотическими средствами, иными запрещенными товарами, незаконная торговля людьми;
- онлайн-оборот контрафактной продукции;
- хищение криптовалют, а также использование криптовалют (Bitcoin, Monero, Ethereum, Zcash) при совершении различного рода преступлений и «отмывании» незаконных денежных средств;
- угрозы и риски, связанные с устройствами, системами и услугами Интернета вещей.

Последний пункт, на наш взгляд, нуждается в некотором пояснении. Под Интернетом вещей понимается современная техническая концепция, согласно которой физические предметы повседневной жизни соединяются в сеть при помощи интернета и обмениваются данными между собой без необходимости прямого взаимодействия с человеком. Эти объекты – «умные» устройства – могут собирать и передавать информацию, а также автоматически выполнять определенные задачи. Примером могут служить автоматизированные («умные») дома и промышленные объекты, которые в некоторых случаях становятся мишенью для заинтересованных лиц. Так, если у автоматизированного объекта шина управления находится извне и ничем не защищена, то злоумышленник фактически может подключиться к ней через любой модем и осуществлять удаленное управление системой.

Преступная деятельность, связанная с использованием высоких технологий, явившись закономерным следствием всеобъемлющей цифровизации современного общества, потребовала не только

принятия адекватных мер реагирования со стороны правоохранительных органов, но и (что вполне очевидно) научно-практической систематизации появляющихся видов общественно-опасных деяний.

Заметим, что термин «киберпреступность» впервые появился за рубежом. Так, в 2000 году на десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями понятие киберпреступности было использовано для обозначения «компьютерных» преступлений, где объектом является информационная безопасность, а предметом – компьютер, а также посягательств на любые общественные отношения, совершаемых с использованием компьютеров в качестве орудия или средства. При этом киберпреступления разделили на пять категорий:

1. Несанкционированный доступ к устройству.
2. Повреждение компьютерных данных или программ.
3. Саботаж для нарушения работы компьютерной системы или сети.
4. Несанкционированный перехват данных внутри системы или сети.
5. Компьютерный шпионаж [6, с. 129]¹.

В настоящее же время в науке и практике существует несколько формулировок-синонимов высокотехнологичных преступлений:

- преступления в сфере компьютерной информации;
- преступления в сфере высоких технологий;
- киберпреступления;
- компьютерные преступления и т.д.

Следует отметить, что законодатель не приводит определений данных понятий и их перечень. Исключение составляют лишь преступления в сфере компьютерной информации, указанные в главе 28 УК РФ. Вполне очевидно, что к данной группе высокотехнологичных преступлений необходимо относить не только преступления в сфере компьютерной информации, но и иные общеуголовные и экономические преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий [7, с. 89; 8, с. 79]. Таким образом, понятие «киберпреступление» охватывает:

- преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ);
- мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ);
- мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ);
- кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (ст. 158 ч. 3 п. «Г» УК РФ);
- нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ);
- незаконный оборот наркотических средств (ст. 228–228.4 УК РФ) и др.

Соответственно, под киберпреступлениями можно понимать любые преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Такого подхода к трактовке рассматриваемого понятия практически единогласно придерживаются не только ученые-криминалисты, но и IT-компании, специализирующиеся на разработке систем защиты от киберугроз, в том числе АО «Лаборатория Касперского»².

Согласно данным официальной статистики, еще год назад киберпреступность имела выраженную тенденцию к росту³, однако в текущем году можно говорить об изменении этой ситуации. Так, за январь – август 2025 года преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, по сравнению с январем – августом 2024 года зарегистрировано на 5,4% меньше. При этом количество преступлений в сфере компьютер-

¹ См.: Справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети. – Текст: электронный. Управление ООН по наркотикам и преступности [официальный сайт]. – URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

² Что такое киберпреступность? Как защититься? – Текст: электронный // АО «Лаборатория Касперского» kaspersky.ru [официальный сайт]. – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime> (дата обращения: 16.10.2025).

³ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. – Текст: электронный // Материалы ФКУ ГИАЦ. Министерство внутренних дел Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 16.10.2025).

ной информации снизилось на 34,4%, дистанционных краж – на 17,1%⁴. Снизить уровень киберпреступности во многом удалось благодаря системным мерам МВД РФ и изменениям в законодательстве – в частности, введению ответственности за использование «дропов»⁵ и сим-боксов⁶, а также активному пресечению деятельности колл-центров, занимавшихся телефонным и онлайн-мошенничеством, и преступных групп, создававших и распространявших вредоносное программное обеспечение. Как подчеркнул начальник Следственного департамента МВД России С.Н. Лебедев, современное законодательство дает правоохранительным органам весь необходимый инструментарий для борьбы с киберпреступностью, в связи с чем ключевой задачей становится его эффективное применение и межведомственная координация деятельности⁷.

Вместе с тем, соотношение отдельных видов киберпреступлений не претерпевает серьезных изменений: по-прежнему порядка двух третей таких преступлений совершается путем кражи или мошенничества. Среди краж, совершаемых с использованием компьютерных технологий, наиболее распространены хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания (ДБО), банкоматов, POS-терминалов⁸, а также компьютерных систем кредитных организаций. Подобные преступления совершаются путем несанкционированной модификации кода систем ДБО, установки поддельных POS-терминалов, взлома мобильных устройств, брокерских систем в Интернете и напрямую банковских систем, а также разработки и применения вредоносных программных продуктов целевого действия, ориентированных на программную систему конкретной кредитной организации. Кибермошенничество же чаще всего заключается в несанкционированных действиях в финансовой сфере с использованием так называемой «социальной инженерии» – практики получения конфиденциальной информации путем психологического воздействия на легальных пользователей⁹.

Нет сомнения в том, что вопросы криминалистической классификации (систематизации) киберпреступлений, а также уточнения связанного с этим понятийного аппарата должны стать предметом дальнейших научных разработок. Постоянная трансформация ныне существующих и прогнозируемое появление новых видов высокотехнологичных преступлений требует своевременного пересмотра и упорядочивания криминалистических знаний в области методики их раскрытия и расследования.

Список литературы

1. Язов Ю.К. Об определении понятия «кибербезопасность» и связанных с ним терминов // Вопросы кибербезопасности. – 2025. – № 1(65). – С. 2–6. – DOI 10.21681/2311-3456-2025-1-2-6. – EDN HNKWDB.
2. Малюк А.А. Информационная война и современные проблемы обеспечения информационной безопасности // Вопросы кибербезопасности. – 2024. – № 5(63). – С. 105–114. – DOI 10.21681/2311-3456-2024-5-105-114. – EDN AGFENP.

⁴ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2025 года. – Текст: электронный // Материалы ФКУ ГИАЦ. Министерство внутренних дел Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/70644759/> (дата обращения: 16.10.2025 г.).

⁵ «Дроп» – сленговый термин (от англ. drop – «сбросить», «исключить», «снизить»), значение которого может варьироваться в зависимости от контекста. С точки зрения совершения мошеннических действий, «дроппер» или «дроппер» – посредник в мошеннических схемах, принимающий участие в совершении преступлений как осознанно, так и неосознанно.

⁶ Сим-боксы (SIM-box) – программно-аппаратный комплекс, предназначенный для объединения большого количества сим-карт под единым управлением. Это устройство обеспечивает удаленный доступ к каждой из этих сим-карт, предоставляя возможность совершать телефонные звонки и рассылать текстовые сообщения неограниченному числу абонентов дистанционно.

⁷ Сергей Лебедев провел совещание по вопросам противодействия дистанционным хищениям и преступлениям в сфере компьютерной информации. – Текст: электронный // «МВД медиа» [официальный портал]. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/sergey-lebedev-provel-soveshchanie-po-voprosam-protivodeystviya-distantsionnym-khishcheniyam-i-prest> (дата обращения: 16.10.2025).

⁸ POS-терминал (от англ. point of sale – точка продажи и terminal – окончание) – электронное программно-техническое устройство для приема к оплате платежных карт (при этом зачастую под POS-терминалом подразумевают весь программно-аппаратный комплекс, который установлен на рабочем месте кассира). Существует также виртуальный POS-терминал, который представляет собой веб-интерфейс, заменяющий физическое устройство и предполагающий схему обслуживания «клиент → оператор → виртуальный POS-терминал». В данном случае клиент вводит свои данные и данные своей карты через веб-интерфейс, взаимодействующий с системой банка, после чего проходит транзакция об оплате.

⁹ О понятии социальной инженерии см.: ГОСТ Р МЭК 62443-2-1-2015 Сети коммуникационные промышленные. Защищенность (кибербезопасность) сети и системы. Часть 2-1. Составление программы обеспечения защищенности (кибербезопасности) системы управления и промышленной автоматизации. Пункт 3.1.39. – Текст: электронный. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200121982> (дата обращения: 30.10.2025).

3. Карцхия А.А. Современные тренды киберугроз и трансформация понятия кибербезопасности в условиях цифровизации системы права / А.А. Карцхия, Г.И. Макаренко, М.Ю. Сергин // Вопросы кибербезопасности. – 2019. – № 3(31). – С. 18–23. – DOI 10.21681/2311-3456-2019-3-18-23. – EDN ZWLJGJ.
4. Марков А.С. Руководящие указания по кибербезопасности в контексте ISO 27032 / А.С. Марков, В.Л. Цирлов // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 1(2). – С. 28–35. – EDN RXWJWL.
5. Мещеряков Р.В. Перспективные направления применения технологий искусственного интеллекта при защите информации / Р.В. Мещеряков, С.Ю. Мельников, В.А. Пересыпкин, А.А. Хорев // Вопросы кибербезопасности. – 2024. – № 4(62). – С. 2–12. – DOI 10.21681/2311-3456-2024-4-02-12. – EDN GJWQWP.
6. Витвицкая С.С. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие / С.С. Витвицкая, А.А. Витвицкий, Ю.И. Исакова // Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 126–136. – DOI 10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136. – EDN OKGPLW.
7. Камалиев Д.С. О соотношении понятий «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления» // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 4-6(72). – С. 87–90. – EDN BLVCKY.
8. Кучерков И.А. О понятии «киберпреступление» в законодательстве и научной доктрине // Юридическая наука. – 2019. – № 10. – С. 78–81. – EDN ZCRUDX.

References

1. Yazov Yu.K. On the definition of the concept of “cybersecurity” and related terms // Cybersecurity issues. – 2025. – № 1(65). – Pp. 2–6. – DOI 10.21681/2311-3456-2025-1-2-6. – EDN HNKWDB.
2. Malyuk A.A. Information warfare and modern problems of ensuring information security // Cybersecurity issues. – 2024. – № 5(63). – Pp. 105–114. – DOI 10.21681/2311-3456-2024-5-105-114. – EDN AGFENP.
3. Kartskhiya A.A. Modern trends in cyber threats and the transformation of the concept of cybersecurity in the context of the digitalization of the legal system / A.A. Kartskhiya, G.I. Makarenko, M.Y. Sergin // Cybersecurity issues. – 2019. – № 3(31). – Pp. 18–23. – DOI 10.21681/2311-3456-2019-3-18-23. – EDN ZWLJGJ.
4. Markov A.S. Guidelines on cybersecurity in the context of ISO 27032 / A.S. Markov, V.L. Cirlov // Cybersecurity issues. – 2014. – № 1(2). – Pp. 28–35. – EDN RXWJWL.
5. Meshcheryakov R.V. Promising areas of application of artificial intelligence technologies in information protection / R.V. Meshcheryakov, S.Yu. Melnikov, V.A. Peresypkin, A.A. Khorev // Cybersecurity issues. – 2024. – № 4(62). – Pp. 2–12. – DOI 10.21681/2311-3456-2024-4-02-12. – EDN GJWQWP.
6. Vitvitskaya S.S. Cybercrimes: concept, classification, international counteraction / S.S. Vitvitskaya, A.A. Vitvitsky, Yu.I. Isakova // Legal order and legal values. – 2023. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 126–136. – DOI 10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136. – EDN OKGPLW.
7. Kamaliev D.S. On the correlation of the concepts of “crimes in the field of computer information”, “computer crimes”, “cybercrimes” // Actual scientific research in the modern world. – 2021. – № 4-6(72). – Pp. 87–90. – EDN BLVCKY.
8. Kucherkov I.A. On the concept of “cybercrime” in legislation and scientific doctrine // Legal Science. – 2019. – No. 10. – Pp. 78–81. – EDN ZCRUDX.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Received: 31.10.2025

Статья принята к публикации: 25.11.2025

Accepted: 25.11.2025

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Стефанова Елена Юрьевна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: stefanova1otd@mail.ru

¹Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва, Россия

Современная геополитическая обстановка обусловила необходимость адаптации российского уголовно-процессуального законодательства к условиям особых периодов, таких как военное время, мобилизация, военное положение. С 2022 года в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство внесено большое количество поправок и изменений, в том числе касающихся освобождения от уголовной ответственности и приостановления уголовного судопроизводства в отношении военнослужащих. В этой связи целью исследования является анализ системности внесенных изменений в отечественное уголовно-процессуальное законодательство и выявлении проблем правоприменительной практики, связанных с применением соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства. Основываясь на результатах проведенного исследования, автор предлагает некоторые предложения по совершенствованию действующего законодательства, отмечая, в частности, что анализ правоприменительной практики и нормативных правовых актов по рассматриваемой в статье тематике, приводит к выводу о том, что изменения в уголовно-процессуальном законодательстве РФ для условий военного положения носят несистемный характер и содержат внутренние противоречия. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – УПК РФ, Уголовный кодекс Российской Федерации – УК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, военное положение, мобилизация, военное время, процессуальные новеллы, практика применения процессуальных норм, УПК РФ, УК РФ

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN WARTIME: PROCEDURAL NOVELTIES AND THEIR PRACTICAL APPLICATION

Stefanova E.Y. ¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: stefanova1otd@mail.ru

¹Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

The modern geopolitical situation has necessitated the adaptation of Russian criminal procedure legislation to the conditions of special periods, such as wartime, mobilization, and martial law. Since 2022, a large number of amendments and changes have been made to the criminal and criminal procedure legislation, including those related to exemption from criminal liability and suspension of criminal proceedings against military personnel. In this regard, the purpose of the study is to analyze the consistency of the amendments made to the domestic criminal procedure legislation and to identify problems of law enforcement practice related to the application of the relevant norms of criminal procedure legislation. Based on the results of the study, the author offers some proposals for improving the current legislation, noting, in particular, that the analysis of law enforcement practice and regulatory legal acts on the subject considered in the article leads to the conclusion that changes in the criminal procedure legislation of the Russian Federation for conditions of martial law are non-systemic and contain internal contradictions.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as the RF, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is the CCP RF, and the Criminal Code of the Russian Federation is the CC RF.

Keywords: criminal proceedings, martial law, mobilization, wartime, procedural novelties, the practice of applying procedural norms, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (CCP RF), the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF)

Современная геополитическая обстановка обусловила кардинальные изменения в российском уголовно-процессуальном законодательстве, направленные на адаптацию правосудия к условиям особых периодов, таких как военное положение, военное время и мобилизация. С сентября 2022 года в российское законодательство с учетом политических реалий внесено более 15 существенных изменений, затрагивающих основы уголовного судопроизводства. Так, Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ ввел статьи 78.1 Уголовного кодекса РФ и 28.2 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹, предусматривающие порядок прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ предоставил суду право прекращения уголовного преследования по указанному основанию (в первоначальной редакции таким правом обладал следователь с согласия руководителя следственного органа и дознаватель с согласия прокурора). Определен порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и судов по вопросам прекращения уголовного дела или уголовного преследования подсудимых, а также уточнены иные организационно-процессуальные вопросы, связанные с приостановлением производства по уголовному делу по основанию пункта 3.1 части 1 статьи 208 УПК². Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 18.05.2023 определило особые периоды как период мобилизации, военное положение и военное время³, создав терминологическую основу для применения новых норм.

Исследуя правоприменительную практику посредством анализа статистических данных, очевиден масштаб проблематики. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год количество уголовных дел, поступивших в суды общей юрисдикции, сократилось с 720,6 тыс. до 651,3 тыс. (на 9,6%), что связано, в том числе с массовым применением новых процедур приостановления производства⁴. В 2025 году прослеживается тенденция по снижению направленных в суд уголовных дел: за 6 месяцев 2024 года в суды поступило 346 940 уголовных дел, а за аналогичный период 2025 года на 14,0% меньше (298 930 уголовных дел). Справедливости ради следует отметить, что по данным МВД России в 2024 году снижение числа зарегистрированных преступлений достигло 1,8% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года, а за 9 месяцев 2025 года – 5,4%⁵. Как отмечает профессор Победкин А.В., преступность удалось обуздать [1]. Таким образом, очевидно, что снижение преступности не соразмерно числу направленных уголовных дел в суд, при этом раскрываемость преступлений остается примерно на одинаковом уровне.

На момент подготовки данной научной статьи (ноябрь 2025 года) Правительством РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесен проект федерального закона № 1024060-8, которым предлагается усиление мер уголовной ответственности за дезертирство, самовольное оставление части или уклонение от военной службы, совершенные лицами, освобожденными от наказания условно, а также лицами, в отношении которых производство по уголовному делу приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в связи с призывом на военную службу либо заключением контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ⁶.

¹ Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2024. – № 66.

² Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2024. – № 224.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 7.

⁴ Судебный департамент при ВС РФ: [офф. сайт]. – Текст: электронный. – URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 30.10.2025).

⁵ МВД России: [офф. сайт]. – Текст: электронный. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 30.10.2025).

⁶ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: [офф. сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024060-8> (дата обращения: 30.10.2025). – Текст: электронный.

Позиции ученых по данной проблематике носят дискуссионный характер. В.С. Латыпов указывает на несистемность изменений института приостановления предварительного расследования [2]. С.А. Галактионов выявляет существенные пробелы в механизме освобождения от уголовной ответственности мобилизованных [3]. С.Л. Бабаян отмечает недостаточную проработанность вопросов досрочного освобождения от наказания [4]. Запросы правоприменительной практики демонстрируют критическую потребность в научном осмыслении новелл. За 2024 год по статье 78.1 УК РФ было прекращено значительное количество дел, однако отсутствие единых подходов создает правовую неопределенность⁷.

И действительно, каким образом будут применяться рассматриваемые нормы в случае совершения военнослужащим, имеющим, например, непогашенную судимость, преступления, а некоторое время до этого преступления – подвиг, за который он Указом Президента РФ награжден государственной наградой (после совершения преступления). В данном случае будут ли применены положения статьи 80.2 УК, и судимость будет считаться погашенной, а военнослужащий несудимым и в отношении него судебное разбирательство по вновь совершенному преступлению будет проводиться уже без учета имеющейся государственной награды? Либо суд применит положения статьи 70 УК РФ и потом уже, с учетом государственной награды, при наличии оснований, приведенных в статье 78.1 УК РФ, применит положения статьи 28.2 УПК РФ? Вопросы остаются открытыми и не находящими ответа в законодательстве, следует надеяться на умение судей мотивировать принимаемые решения по разрешаемым уголовным делам.

Анализ судебной практики выявил отсутствие единообразного подхода к применению ст. 78.1 УК РФ в различных регионах, процедурные неопределенности в части получения документов, подтверждающих заключение контракта или призыв на военную службу, недостаточную координацию между органами предварительного расследования и военными командованиями, правовые коллизии при применении различных оснований приостановления производства (следователи военных следственных органов «предпочитают» приостановление производства по уголовному делу по основанию п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, чтобы ежемесячно не запрашивать сведения об участии военнослужащего в боевых действиях, а следователи органов внутренних дел – по основанию пункта 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи со строгим контролем вышестоящего руководства по проведению работы в данном направлении).

Продолжая анализ правоприменительной практики и нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике, следует также отметить, что изменения в уголовно-процессуальном законодательстве для условий военного положения носят несистемный характер и содержат внутренние противоречия.

Так, в пункте 11 статьи 5 УПК РФ закреплено, что задержание лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, в условиях военного положения может составить до 30 суток. Новелла введена Федеральным законом от 31.07.2023 № 396-ФЗ⁸.

Основная проблема заключается в диспропорциональности ограничений: увеличение срока задержания до 30 суток только для тяжких и особо тяжких преступлений при том, что административное задержание (*не наказание в виде административного ареста – курсив автора*) за нарушение режима военного положения может составлять 30 суток [5], что превышает максимальные сроки задержания для преступлений небольшой и средней тяжести (48 часов).

В современной научной среде существует широкий консенсус относительно необходимости дальнейшей глубокой системной доработки положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих производство по уголовным делам в условиях военного положения. К ключевым вопросам относится отсутствие специализированных процедур и штатных должностей дознавателей в воинских частях, дуализм полномочий между командованием войсковой части и органами полиции в военный период, проблемы правового режима досудебного производства, несогласованность процессуальных сроков для преступлений разной тяжести в условиях введения военного положения и другие [6; 7; 8].

⁷ Прокурор разъясняет – освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу. – Текст: электронный / Прокуратура Пермского края [официальный сайт]. – 2024. – 30 окт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_59/activity/legal-education/explain?item=98729084 (дата обращения: 30.10.2025).

⁸ Федеральный закон от 31.07.2023 № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 07.08.2023. – № 32 (Ч. I). – Ст. 6128.

Основываясь на проведенном анализе, предлагается внести в УПК РФ следующие изменения.

Во-первых, ввести главу 51.2, регламентирующую особенности уголовного процесса в особых периодах, таких как военное положение, военное время, мобилизация. В данной главе необходимо зафиксировать отдельные положения о статусе и полномочиях органов дознания Вооруженных Сил РФ, так как в настоящее время данный орган представлен только в лице начальников органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов, что ставит под сомнение легитимность приказа Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов». Данным приказом орган дознания в лице вышеуказанных должностных лиц наделяется правом по уполномочиванию «наиболее подготовленных и дисциплинированных подчиненных ему офицеров осуществлять процессуальные полномочия органа дознания, назначая их дознавателями, которые, являясь должностными лицами органа дознания, обладают полномочиями: предусмотренными в ч. 3 ст. 41 УПК РФ».

Здесь очевидно, орган дознания Вооруженных Сил РФ, закрепленный в пункте 3 части 1 статьи 40 УПК РФ, не вправе расширить перечень лиц, отнесенных к органу дознания, так как это исключительная прерогатива законодателя. В этой связи никакие «наиболее подготовленные» должностные лица, кроме начальников органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов к органу дознания не могут относиться к органу дознания и не могут пользоваться полномочиями, представляемыми статьей 41 УПК РФ, регламентирующей процессуальный статус дознавателя.

Однако отсутствие дознавателей в Вооруженных Силах РФ на особые периоды действительно является проблемой, так как в условиях роста нагрузочных показателей следователей военных следственных органов Следственного комитета РФ деятельность таких дознавателей при производстве неотложных следственных действий в порядке статьи 157 УПК РФ, и при выполнении поручений следователей о производстве отдельных следственных и процессуальных действий позволила бы более эффективно распределять силы и средства, направленные на сбор и закрепление доказательств по уголовному делу и обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, в том числе реализацию таких принципов как разумные сроки уголовного процесса и законность.

Во-вторых, пересмотреть порядок применения и сроки мер принуждения, увеличив сроки задержания в условиях военного положения для лиц, подозреваемых в преступлениях небольшой и средней тяжести до 30 суток, а для тяжких и особо тяжких – до 45 суток.

В-третьих, детализировать порядок применения норм, связанных с прекращением уголовного преследования в отношении военнослужащих.

Реализация предложенных изменений позволит для органов расследования нормативно закрепить новые процессуальные функции, распределить роли между органами военной полиции, следственным комитетом и командованием. Для судов это означает сокращение количества формальных обжалований и затяжных рассмотрений из-за невозможности соблюсти обычные сроки. Для защиты предусматривается расширение возможностей для оперативного участия адвоката и обеспечение более прозрачной процедуры прекращения дел.

Предложенные изменения направлены на устранение выявленных противоречий и обеспечение баланса между интересами обороноспособности государства и конституционными правами граждан.

Список литературы

1. *Победкин А.В.* Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2024. – 329 с.
2. *Латтыпов В.С.* Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Киберленинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-priostanovleniya-predvaritelnogo-rassledovaniya-v-svete-vnesennyh-izmeneniy-federalnym-zakonom-ot-23-marta-2024-g-64-fz> (дата обращения: 30.10.2025). – Текст: электронный.
3. *Галактионов С.А.* Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78.1 УК РФ) // Киберленинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- aktualnye-voprosy-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-svyazi-s-prizyvom-na-voennuyu-sluzhbu-st-78-1-uk-rf (дата обращения: 30.10.2025). – Текст: электронный.
4. *Бабаян С.Л.* Актуальные проблемы досрочного освобождения от наказания // ВИПЭ ФСИН России. – URL: https://jurnauka-vipe.ru/media/filer_public/cc/ff/ccffd66a-2365-4f49-b64e-0612476cdfdc/6.pdf (дата обращения: 30.10.2025). – Текст: электронный.
5. *Саркисян Г.Г.* О совершенствовании отечественного уголовно-процессуального законодательства в условиях военного положения // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова. В 2-х ч. Москва, 27 сентября 2024 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2024. – С. 338–346.
6. *Сафронов Д.М.* Режим военного положения требует адаптации уголовного судопроизводства к деятельности в особых условиях / Д.М. Сафронов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2024. – № 2(56). – С. 18–22.
7. *Мельник В.В.* Деятельность российского военного суда с участием присяжных заседателей в ходе первой мировой войны / В.В. Мельник, М.С. Кузнецов // Вестник военного права. – 2020. – № 1. – С. 22–28.
8. *Кожокар В.В.* Особенности уголовного судопроизводства в годы Великой Отечественной войны // Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (К 80-летию победы в великой отечественной войне): сб. научных статей по материалам Международной научно-исторической конференции, Москва, 07 июня 2024 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 140–147.

References

1. *Pobedkin A.V.* Basic Provisions of the Russian Criminal Procedure Code as a System of Guarantees for the Public Nature of Criminal Proceedings: A Monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2024. – 329 p.
2. *Latypov V.S.* The Institution of Suspension of Preliminary Investigation in Light of Amendments Introduced by Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024 // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-priostanovleniya-predvaritelnogo-rassledovaniya-v-svete-vnesennyh-izmeneniy-federalnym-zakonom-ot-23-marta-2024-g-64-fz> (accessed: October 30, 2025).
3. *Galaktionov S.A.* Current Issues of Exemption from Criminal Liability in Connection with Conscription for Military Service (Art. 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-svyazi-s-prizyvom-na-voennuyu-sluzhbu-st-78-1-uk-rf> (accessed: October 30, 2025).
4. *Babayan S.L.* Current Problems of Early Release from Punishment // All-Russian Institute for Advanced Training of the Federal Penitentiary Service of Russia. – URL: https://jurnauka-vipe.ru/media/filer_public/cc/ff/ccffd66a-2365-4f49-b64e-0612476cdfdc/6.pdf (accessed: October 30, 2025).
5. *Sarkisyan G.G.* On Improving Russian Criminal Procedure Legislation Under Martial Law // Contemporary Russian Criminal Policy: Status, Trends, Prospects: Collection of Scientific Papers Based on Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Professor G.A. Avanesov, September 27, 2024, Moscow. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. – Pp. 338–346.
6. *Safronov D.M.* The Martial Law Regime Requires the Adaptation of Criminal Proceedings to Activities in Special Conditions / D.M. Safronov // Problems of Law Enforcement Activity. – 2024. – No. 2(56). – Pp. 18–22.
7. *Melnik V.V.* Activity of the Russian Military Court with the Participation of Jurors during the First World War / V.V. Melnik, M.S. Kuznetsov // Military Law Journal. – 2020. – No. 1. – Pp. 22–28.
8. *Kozhokar V.V.* Features of Criminal Proceedings during the Great Patriotic War / V.V. Kozhokar // Organs and Troops of the NKVD of the USSR in the Great Patriotic War (On the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War): Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific-Historical Conference, Moscow, June 07, 2024. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – Pp. 140–147.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Received: 10.11.2025

Статья принята к публикации: 25.11.2025

Accepted: 25.11.2025

ПОНЯТИЕ КОМПЛАЕНСА И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Низамутдинов Ильдар Исхакович¹,

e-mail: Ildar.Nizamutdinov@tatar.ru,

Чепарина Ольга Александровна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: ochepari@mail.ru

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Россия

В статье рассматривается понятие комплаенса как комплексной системы обеспечения соответствия деятельности организации требованиям законодательства, иным обязательным нормам, а также внутренним правилам и этическим стандартам. Методологическую основу исследования составили диалектический, системный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы. Проанализирована эволюция данного института в российской правовой системе – от узкого понимания как контрольно-надзорной функции до его восприятия в качестве неотъемлемого элемента корпоративной культуры и системы управления рисками. Определено место комплаенса в структуре корпоративного управления как связующего звена между стратегическим и операционным уровнями. Особое внимание уделено правовым аспектам внедрения комплаенс-систем и их влиянию на минимизацию правовых и репутационных рисков корпорации. В результате выявлены основные проблемы фрагментарного правового регулирования комплаенса в России и предложены конкретные пути их решения, включая законодательное закрепление понятийного аппарата и разработку стимулирующих механизмов.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: комплаенс, корпоративное управление, правовые риски, комплаенс-контроль, корпоративное право, антикоррупционный комплаенс, управление рисками, GRC

THE CONCEPT OF COMPLIANCE AND ITS PLACE IN THE CORPORATE GOVERNANCE SYSTEM

Nizamutdinov I.I.¹,

e-mail: Ildar.Nizamutdinov@tatar.ru,

Cheparina O.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: ochepari@mail.ru

¹Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Kazan (Volga Region) Federal University”, Kazan, Russia

The article examines the concept of compliance as a comprehensive system for ensuring that an organization's activities comply with legal requirements, other mandatory norms, as well as internal rules and ethical standards. The research methodology is based on dialectical, systemic, structural-functional, and comparative legal methods. The evolution of this institution in the Russian legal system is analyzed, tracing its shift from a narrow understanding as a control and supervision function to its perception as an integral element of corporate culture and risk management system. The place of compliance in the corporate governance structure is defined as a link between strategic and operational levels. Special attention is paid to the legal aspects of implementing compliance systems and their impact on minimizing legal and reputational corporate risks. As a

result, the study identifies the main problems of the fragmented legal regulation of compliance in Russia and proposes specific solutions, including legislative formalization of the conceptual framework and the development of incentive mechanisms.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: compliance, corporate governance, legal risks, compliance control, corporate law, anti-corruption compliance, risk management, GRC

Введение

Современные условия ведения предпринимательской деятельности характеризуются высокой степенью изменчивости правового регулирования и растущими требованиями к прозрачности бизнес-процессов. В этих обстоятельствах комплаенс становится необходимым элементом корпоративной культуры и управления, обеспечивающим соответствие деятельности организации нормативным требованиям и деловой этике. Термин «комплаенс» (от англ. compliance – соответствие) первоначально получил распространение в банковской сфере, однако в настоящее время прочно вошел в лексикон корпоративного управления в России.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, ужесточением законодательства в сфере противодействия коррупции, легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Во-вторых, растущими репутационными рисками для бизнеса при несоблюдении этических стандартов и норм корпоративной социальной ответственности. В-третьих, необходимостью формирования единого методологического подхода к организации комплаенс-функции в российских корпорациях с учетом особенностей отечественной правовой системы.

Несмотря на очевидную значимость комплаенса для современного бизнеса, данное понятие до сих пор не получило должного закрепления в российском законодательстве, что создает правовую неопределенность и затрудняет формирование эффективных комплаенс-систем в отечественных организациях.

Цель исследования – дать определение понятия «комплаенс» путем исследования его правовой сущности, а также его места в системе корпоративного управления российских акционерных обществ и иных корпораций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести анализ эволюции комплаенса в российской правовой доктрине;
- 2) определить место комплаенса в структуре корпоративного управления;
- 3) проанализировать нормативно-правовые основы комплаенса в РФ;
- 4) выявить основные проблемы правового регулирования комплаенса и предложить пути их решения.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания: диалектический, системный, структурно-функциональный, а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования. Применение системного метода позволило рассмотреть комплаенс как элемент корпоративного управления во взаимосвязи с другими его компонентами. Структурно-функциональный метод использовался для выявления функциональных особенностей комплаенс-системы. Сравнительно-правовой метод применялся при анализе зарубежного и отечественного опыта правового регулирования комплаенса.

Понятие комплаенса и его эволюция в российской правовой доктрине

Термин «комплаенс» происходит от английского глагола to comply, что означает «соответствовать», «выполнять требования». В широком смысле комплаенс представляет собой соответствие деятельности организации внешним и внутренним требованиям. К внешним требованиям относятся законы, подзаконные акты, стандарты и правила, установленные государственными органами, саморегулируемыми организациями и профессиональными объединениями. Внутренние требования включают локальные нормативные акты организации, корпоративные политики и процедуры.

В монографии «Система координат для исследования интегрированного управления, рисков и соответствия (GRC)» коллектив авторов Рац Н., Вайпль Э., Зауферт А. [1] определяют комплаенс как один из элементов системы корпоративного управления, риск-менеджмента и комплаенса (governance, risk-management, compliance; GRC). В работе приводится емкое определение: «GRC – интегрированный, целостный подход к организации корпоративного управления, риск-менеджмента и комплаенса, позволяющий убедиться, что корпорация придерживается этичного поведения и действует согласно приемлемым рискам, внутренним стандартам и внешним требованиям через взаимосвязь стратегии, процессов, технологий и человеческих ресурсов, тем самым повышая эффективность своей деятельности».

В российской правовой доктрине понятие комплаенса начало формироваться относительно недавно. Первоначально оно использовалось преимущественно в банковской сфере в контексте выполнения требований Базельского комитета по банковскому надзору.

В юридической литературе комплаенс часто определяется как деятельность организации в целях обеспечения соответствия действий ее сотрудников требованиям применимого законодательства, иных правовых актов, норм и правил, применимых к организации. Данное определение акцентирует внимание на поведенческом аспекте комплаенса и его направленности на обеспечение правомерной деятельности сотрудников.

Существует также более широкий подход, понимающий под комплаенсом систему правовых и организационных мер, предусмотренных внутренними нормативными документами и реализуемых организацией с целью обеспечения соблюдения требований законодательства и предупреждения вовлечения организации в правонарушения. В данном определении комплаенс представлен как комплексная система мер превентивного характера.

Эволюция понятия комплаенса в российской правовой доктрине свидетельствует о переходе от узкого понимания этого института как контрольно-надзорной функции к его восприятию как неотъемлемого элемента корпоративной культуры и системы управления рисками.

О.А. Чепарина в своем исследовании указывает, что «сам характер осуществляемой хозяйствующим субъектом предпринимательской деятельности (рисковая деятельность) и предъявляемые к ней требования (профессионализм) так или иначе предопределяют необходимость применения на уровне внутреннего управления рискориентированного подхода в целях исключения и/или минимизации негативных последствий от реализации разнообразных рисков, возникающих в повседневной деятельности» [2]. Эта позиция подчеркивает объективную необходимость формирования комплаенс-функции в современных корпорациях.

На основе проведенного анализа различных подходов к пониманию комплаенса в российской правовой доктрине, представляется возможным сформулировать следующее собственное определение данного понятия. Комплаенс – это интегрированная система правовых, организационных и технических мер, направленная на обеспечение соответствия деятельности корпорации требованиям действующего законодательства, регуляторным предписаниям, внутренним нормативным документам и этическим стандартам, реализуемая через создание превентивных механизмов выявления, оценки и минимизации правовых и репутационных рисков в целях обеспечения устойчивого и законопослушного ведения бизнеса.

Данное определение отражает комплексный характер комплаенса как системы, включающей не только контрольные функции, но и превентивные меры, а также подчеркивает его интегрированность в общую систему корпоративного управления и ориентацию на долгосрочное устойчивое развитие корпорации.

Корпоративное управление и место комплаенса в его системе

Прежде чем определить место комплаенса в структуре корпоративного управления, необходимо уточнить понятие самого корпоративного управления, поскольку этот термин часто неправомерно отождествляют с управлением организацией в целом.

Так, согласно точке зрения К.А. Мэллин, «корпоративное управление сводится к порядку организации внутреннего контроля в корпорации. При этом исключительно формальная структура корпора-

ции не позволяет установить, как в действительности принимаются управленческие решения. Исходя из этого, корпоративное управление должно стремиться к прозрачности и обеспечивать прямую подотчетность органов управления корпорации акционерам и иным заинтересованным сторонам» [3]. Автор также отмечает, что «наиболее эффективная форма защиты от ненадлежащего управления предполагает развитие корпоративной этики от высшего руководства до рядового работника и в целом правомерное поведение корпорации».

Согласно письму Банка России (от 10.04.2014 г. № 06-52/2463) корпоративное управление представляет собой систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами. Корпоративное управление является инструментом для определения целей общества и средств достижения этих целей, а также обеспечения эффективного контроля за деятельностью общества со стороны акционеров и других заинтересованных сторон.

Оно имеет свои специфические цели, субъекты и содержание, отличающие его от общего понятия управления организацией. Как отмечает О.А. Чепарина, «отношения по управлению юридическим лицом с точки зрения гражданско-правового (корпоративного) регулирования имеют целью обеспечение функционирования юридического лица как субъекта гражданско-правовых отношений» [2].

В системе корпоративного управления комплаенс выполняет функцию обеспечения соответствия деятельности корпорации нормативным и этическим требованиям на всех уровнях. При этом комплаенс является одним из ключевых элементов системы внутреннего контроля корпорации, направленным на минимизацию правовых и репутационных рисков, связанных с нарушением обязательных требований.

Место комплаенса в структуре корпоративного управления определяется его ролью в процессе управления правовыми рисками. Комплаенс-функция интегрируется в общую систему управления рисками корпорации и способствует повышению эффективности корпоративного управления через:

- обеспечение соблюдения законодательства и внутренних нормативных документов;
- предотвращение конфликта интересов;
- защиту репутации корпорации;
- создание прозрачных механизмов принятия решений;
- формирование этичной корпоративной культуры.

И.В. Ершова в своей монографии «Аудит & комплаенс: закон, доктрина, практика» подчеркивает, что «одним из ключевых элементов корпоративного управления является внутренний контроль, включая комплаенс-контроль, который внедряется корпорацией для снижения рисков нарушения законодательства и внутренних правил» [4]. О.А. Чепарина также отмечает, что «управление рисками – это часть системы управления юридического лица, в корпорациях данная функция – часть системы корпоративного управления» [2]. Данный подход позволяет нам рассматривать комплаенс как неотъемлемый элемент корпоративного управления, обеспечивающий соответствие деятельности корпорации нормативным требованиям и снижающий правовые риски.

В организационной структуре корпорации комплаенс может быть представлен различными моделями: от отдельного подразделения до системы распределенной ответственности, когда функции комплаенса выполняют сотрудники различных департаментов. Независимо от выбранной модели, эффективность комплаенс-функции обеспечивается наличием прямого доступа к высшему руководству корпорации и достаточными ресурсами для реализации комплаенс-программы.

Исходя из проведенного анализа, можно определить место комплаенса в системе корпоративного управления следующим образом: комплаенс занимает позицию связующего звена между стратегическим уровнем корпоративного управления и операционной деятельностью, выполняя функцию обеспечения соответствия принимаемых управленческих решений и их практической реализации нормативным требованиям и этическим стандартам.

В структурном аспекте комплаенс интегрируется в систему корпоративного управления по трем основным направлениям:

1. Горизонтальная интеграция – взаимодействие с функциональными подразделениями корпорации (юридическая служба, служба безопасности, финансовое подразделение) для обеспечения комплексного подхода к управлению рисками.

2. Вертикальная интеграция – обеспечение прямого доступа к высшему руководству и совету директоров для оперативного информирования о критических рисках и получения поддержки при реализации комплаенс-программ.

3. Процессная интеграция – встраивание комплаенс-процедур в основные бизнес-процессы корпорации для обеспечения их соответствия нормативным требованиям.

В современных исследованиях отмечается, что комплаенс должен быть встроен в систему корпоративного управления таким образом, чтобы обеспечивать независимость контроля при одновременной интеграции в бизнес-процессы корпорации. Данный подход предполагает баланс между контрольной функцией комплаенса и его ролью как бизнес-партнера, способствующего устойчивому развитию корпорации.

Нормативно-правовые основы комплаенса в РФ

В отличие от зарубежных правовых систем, в российском законодательстве отсутствует единое определение комплаенса и системное регулирование данного института. Тем не менее, отдельные элементы комплаенса находят отражение в нормативных правовых актах различного уровня.

О.А. Чепарина выделяет несколько нормативных предписаний, относящихся к правовым основам комплаенса. Особое внимание она обращает на положения ст. 53 и 53.1 ГК РФ, предусматривающие «обязанность лиц, представляющих органы юридического лица, действовать в его интересах добросовестно и разумно; ответственность указанных лиц за причиненные юридическому лицу убытки» [2]. В качестве источника для понимания сути этих обязанностей и ответственности она указывает на Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О возмещении убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», где приводятся примеры правовых рисков хозяйствующих субъектов, реализация которых произошла по вине таких лиц. Как отмечает исследователь, «все представленные в качестве примеров недобросовестности и неразумности действия таких лиц являются следствием отсутствия на уровне хозяйствующего субъекта осознанной системы управления рисками – функции «комплаенс» [2].

Базовыми законодательными актами, формирующими правовую основу для внедрения комплаенс-систем, являются:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», устанавливающий обязанность организаций разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции. Закон обязывает организации определять ответственных лиц, сотрудничать с правоохранительными органами и разрабатывать меры по предотвращению коррупции, а также предусматривает дисциплинарную ответственность, вплоть до увольнения, за коррупционные правонарушения [5].

2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», предусматривающий создание системы внутреннего контроля в организациях, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом.

3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», содержащий положения об антимонопольном комплаенсе.

Особое место занимает антимонопольный комплаенс, получивший законодательное закрепление в ст. 9.1 Федерального закона «О защите конкуренции» в 2020 году. Согласно данной норме, антимонопольный комплаенс представляет собой совокупность правовых и организационных мер, направленных на соблюдение требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушений.

Важным элементом правового регулирования комплаенса являются положения Федерального закона «Об акционерных обществах» (ст. 87.1), предусматривающие обязанность публичного общества организовывать управление рисками и внутренний контроль. О.А. Чепарина отмечает, что «средством обеспечения надежности и эффективности данной функции закон называет систему внутреннего аудита, а органом, ответственным за разработку политики и внутренних документов в этой сфере, – Совет директоров (ст. 87.1)» [2].

Кроме того, функции комплаенса присутствуют в рекомендациях Банка России по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров по аудиту в публичных акционерных обществах (письмо Банка России от 01.10.2020 № ИН-06-28/143), а также в Кодексе корпоративного управления, который включает в себя комплекс мер, норм, традиций и правил, которые помогают акционерам контролировать деятельность руководства компании и распределять результаты подобной активности справедливым образом [6].

Несмотря на наличие отдельных нормативных положений, регулирующих аспекты комплаенса, в российском законодательстве отсутствует системный подход к данному институту, что создает определенные сложности при формировании комплаенс-систем в отечественных корпорациях [7].

Проблемы правового регулирования комплаенса и пути их решения

Анализ правового регулирования комплаенса в РФ позволяет выявить ряд проблем:

1. Терминологическая неопределенность. Отсутствие в законодательстве единого определения комплаенса и связанных с ним понятий затрудняет формирование единообразной правоприменительной практики.
2. Фрагментарность правового регулирования. Различные аспекты комплаенса регулируются разрозненными нормативными актами, что затрудняет создание комплексной системы комплаенса в организациях.
3. Недостаточная дифференциация требований. Законодательство не учитывает специфику малого и среднего бизнеса при установлении требований к комплаенс-системам.
4. Отсутствие механизмов стимулирования. Действующее законодательство не предусматривает достаточных стимулов для внедрения эффективных комплаенс-систем.

Для решения указанных проблем представляется целесообразным:

1. Законодательное закрепление понятия комплаенса. Необходимо включить в законодательство определение комплаенса как системы обеспечения соответствия деятельности организации нормативным и этическим требованиям.
2. Систематизация правового регулирования. Целесообразно разработать единые методические рекомендации по организации комплаенс-функции, учитывающие отраслевую специфику и размер организаций.
3. Введение механизмов стимулирования. Следует предусмотреть правовые механизмы, стимулирующие внедрение эффективных комплаенс-систем, например, смягчение ответственности организаций при наличии действующей комплаенс-программы.
4. Развитие судебной практики. Необходимо формирование единообразной судебной практики, учитывающей наличие и эффективность комплаенс-систем при рассмотрении дел о привлечении юридических лиц к ответственности.

Важно отметить, что совершенствование правового регулирования комплаенса должно осуществляться с учетом международного опыта, но с сохранением специфики российской правовой системы и деловой среды. Данный подход представляется обоснованным, поскольку механическое копирование зарубежных моделей без учета национальной специфики не может обеспечить эффективность комплаенс-систем.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. На основе анализа эволюции понятия комплаенса в российской правовой доктрине и существующих подходов к его определению, автором сформулировано собственное определение: комплаенс представляет собой интегрированную систему правовых, организационных и технических мер, направленную на обеспечение соответствия деятельности корпорации требованиям действующего законодательства, регуляторным предписаниям, внутренним нормативным документам и этическим стандартам, реализуемую через создание превентивных механизмов выявления, оценки и минимизации

ции правовых и репутационных рисков в целях обеспечения устойчивого и законопослушного ведения бизнеса. Данное определение отражает комплексный и интегрированный характер комплаенса как элемента корпоративного управления.

2. Место комплаенса в системе корпоративного управления определяется как позиция связующего звена между стратегическим уровнем корпоративного управления и операционной деятельностью. Комплаенс интегрируется в систему корпоративного управления по трем направлениям: горизонтальная интеграция (взаимодействие с функциональными подразделениями), вертикальная интеграция (прямой доступ к высшему руководству) и процессная интеграция (встраивание в основные бизнес-процессы) [8]. Такая многоуровневая интеграция обеспечивает эффективность комплаенс-функции и ее способность минимизировать правовые риски корпорации.

3. Нормативно-правовые основы комплаенса в РФ характеризуются фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Наиболее развитым с точки зрения правового регулирования является антимонопольный комплаенс.

4. Основными проблемами правового регулирования комплаенса являются терминологическая неопределенность, фрагментарность, недостаточная дифференциация требований и отсутствие механизмов стимулирования.

Для совершенствования правового регулирования комплаенса необходим комплексный подход, включающий законодательное закрепление базовых понятий, систематизацию нормативных требований, введение механизмов стимулирования и формирование единообразной судебной практики.

В условиях глобализации экономики и усиления регуляторного давления комплаенс становится не просто элементом корпоративного управления, но и фактором конкурентоспособности корпорации на рынке. Эффективная комплаенс-система позволяет минимизировать правовые риски, укрепить деловую репутацию и обеспечить устойчивое развитие бизнеса.

Список литературы

1. *Рац Н., Вайпл Э., Зауферт А.* Система координат для исследования интегрированного управления, рисков и соответствия (GRC). Bart Decker; Ingrid Schaumuller-Bichl. 11-я Международная конференция IFIP TC 6/TC 11 по безопасности коммуникаций и мультимедиа (CMS). – 2010. – May. – С. 106–117.
2. *Чепарина О.А.* Legaltech в сфере предпринимательской деятельности // И.В. Ершова, О.В. Сушкова – Москва: Проспект, 2023. – 200 с.
3. *Мэллин К.А.* Корпоративное управление = Corporate governance / К.А. Маллин. – 5-е изд. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – Гл. 3 – С. 47.
4. *Аудит & комплаенс: закон, доктрина, практика: монография / отв. ред. И.В. Ершова.* – Москва, Проспект, 2022. – 304 с.
5. *Зенин С.С.* Основы противодействия коррупции в Российской Федерации / Т.Я. Хабриева, С.С. Зенин, А.М. Цирин [и др.]. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 64.
6. *Розанова Н.М.* Корпоративное управление. – Москва: Юрайт, 2025. – С. 15.
7. *Авдийский В.И.* Управление рисками в деятельности хозяйствующих субъектов // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – № 4. – С. 5.
8. *Корпоративное управление, комплаенс и риск-менеджмент: учебное пособие / С.Г. Буянский, Ю.В. Трунцевский.* – Москва: Эколит, 2016. – С. 344.

References

1. *Racz N., Weippl E., Seufert A.* A Frame of Reference for Research of Integrated Governance, Risk and Compliance (GRC). Bart Decker; Ingrid Schaumuller-Bichl. 11th IFIP TC 6/TC 11 International Conference on Communications and Multimedia Security (CMS). – 2010. – May. – Pp. 106–117.
2. *Cheparina O.A.* Legaltech in the sphere of entrepreneurial activity // I.V. Ershova, O.V. Sushkova. – Moscow: Prospect, 2023. – 200 p.
3. *Mallin C.A.* Corporate governance. Oxford University Press. 5th Edition. 2015. Chapter 3 – P. 47.
4. *Audit & compliance: law, doctrine, practice: a monograph / ed. by I. V. Ershova. V. Ershova.* – Moscow: Prospect, 2022. – 304 с.

5. *Zenin S.S.* Fundamentals of Combating Corruption in the Russian Federation: textbook / Т.Я. Khabrieva, S.S. Zenin, A.M. Tsirin [et al.]. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. – P. 64.
6. *Rosanova N.M.* Corporate Governance: University Textbook / N.M. Rosanova. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – P. 15.
7. *Avdiyskiy V.I.* Risk Management in the Activities of Economic Entities // Economics. Taxes. Law. – 2013. – No. 4. – P. 5.
8. *Buyanskiy S.G., Truntsevskiy Yu.V.* Corporate Governance, Compliance, and Risk Management: Textbook. – Moscow: Ecolit, 2016. 3– 44 p.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

Received: 10.06.2025

Статья принята к публикации: 16.11.2025

Accepted: 16.11.2025

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ¹

Голышев Вадим Григорьевич^{1,2},

*канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,*

Голышева Антонина Владимировна²,

*канд. ист. наук, доцент,
e-mail: privatpravo@rambler.ru,*

Слюсаренко Татьяна Валерьевна¹,

*канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: tslyusarenko@miiv.ru*

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Данная статья посвящена отдельным аспектам процедуры медиации. В ходе исследования авторы отмечают, что несмотря на пятнадцатилетнюю историю существования Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» данная процедура не является совершенным инструментом урегулирования споров в силу ее специфических особенностей. В частности, уникальность медиации в значительной степени определяется совокупностью установленных законом принципов ее проведения. К числу таковых относятся принципы: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, а также беспристрастность и независимость медиатора. Отсутствие состязательности между спорящими сторонами ставит медиацию на особое место в системе правовых средств разрешения споров.

Между тем, законодательство о медиации необходимо нуждается в развитии и совершенствовании. В частности, необходимо комплексно урегулировать гарантии качества услуг, оказываемых медиаторами, а также вопросы, связанные со способностью конфиденциального урегулирования публично-правовых споров посредством совершения такой гражданско-правовой сделки, как медиативное соглашение.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: медиация, альтернативная процедура урегулирования споров, медиативное соглашение, добровольность, конфиденциальность, сотрудничество, равноправие сторон, медиатор

ON SOME THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF THE MEDIATION PROCEDURE

Golyshev V.G.^{1,2},

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,*

Golysheva A.V.²,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
e-mail: privatpravo@rambler.ru,*

Slyusarenko T.V.¹,

*Candidate of Legal Sciences. Sciences, Associate Professor,
e-mail: tslyusarenko@miiv.ru*

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Moscow City University, Moscow, Russia

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке Справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

This article is devoted to certain aspects of the mediation procedure. In the course of the study, the authors note that despite the fifteen-year history of the Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010, "On Alternative Dispute Resolution Procedures with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)," this procedure is not a perfect tool for resolving disputes due to its specific features. In particular, the uniqueness of mediation is largely determined by a set of legal principles for its conduct. These principles include voluntariness, confidentiality, cooperation and equality of the parties, as well as the impartiality and independence of the mediator. The absence of competition between disputing parties places mediation in a special place within the legal system of dispute resolution.

Meanwhile, mediation legislation needs to be developed and improved. In particular, there is a need to comprehensively address the quality assurance of services provided by mediators and issues related to the ability to handle confidential public-law disputes through the conduct of such a civil-law transaction as a mediatory agreement. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: mediation, alternative dispute settlement procedure, mediation agreement, voluntariness, confidentiality, cooperation, equality of parties, mediator

Современное состояние отечественного правосудия в новейшее время не редко подвергается обоснованной критике, к которой уже почти привыкли. В одних случаях мы имеем дело со вполне обоснованными критическими оценками общей методологии судебного толкования и применения законодательства [1, с. 53–90], в других же – со вполне конкретными противоречиями, иллюстрирующими непредсказуемость постановлений, выносимых тем или иным судом [2, с. 368–373; 3, с. 26–29]. Однако самой яркой «иллюстрацией» современного состояния судебного правоприменения, пожалуй, можно считать т.н. «дело Долиной», получившее в конце 2025 года весьма широкую огласку в отечественных средствах массовой информации¹.

Очевидно, что в сложившихся обстоятельствах уже вполне «осязуемо» назрели перемены в имеющихся механизмах как судебного, так и внесудебного форматов разрешения правовых споров. Не случайно председатель Верховного Суда России Игорь Краснов в ходе заседания Высшей квалификационной коллегии судей РФ, состоявшейся в декабре 2025 г., поручил обеспечить предсказуемость судебной практики², что на наш взгляд лишь подчеркивает чрезвычайность и острую необходимость обеспечения верховенства закона и эффективность работы всей правоприменительной системы.

Между тем, судебное производство вряд ли способно решить все проблемы, возникающие в сфере разрешения и урегулирования правовых споров, в силу присущих ему особенностей. Современный правопорядок допускает также возможность реализации альтернативных процедур урегулирования споров. Так Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»³ положил начало современному Российскому правовому институту медиации, которому на текущий момент уже исполнилось 15 лет. В этой связи необходимо отметить, что несмотря на некоторый, наметившийся в настоящее время⁴, рост количества медиативных соглашений, данный формат вряд ли можно назвать широко распространенным в системе правовых средств урегулирования споров.

Вместе с тем, значение Закона о медиации представляется нам весьма существенным, что в основном выражается в следующем:

Во-первых, арсенал правовых средств пополнился новым способом урегулирования правовых споров, способным применяться как в качестве альтернативы уже имеющимся юрисдикционным механизмам, так и наряду с ними.

¹ См. напр.: «Долина – символ обнагления элиты». В России заговорили о последствиях для «крыши» Долиной. Но будут ли они? // Лента.ру. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/12/25/dolinarooftop/> (дата обращения: 02.01.2026) и др.

² См., напр.: Краснов поручил обеспечить предсказуемость судебной практики. – URL: https://rapsnews.ru/judicial_news/20251229/311481841.html (дата обращения: 02.01.2026) или: Игорь Краснов на заседании ВККС РФ подчеркнул важность единых подходов к правоприменению. – URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/35297/ (дата обращения: 02.01.2026).

³ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон: [от 27.07.2010 № 193-ФЗ]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – Закон о Медиации).

⁴ См. напр.: Без долгих судебных тяжб: В нотариате сообщили о росте медиативных соглашений. – URL: <https://rg.ru/2025/11/04/v-notariate-soobshchili-o-roste-mediativnyh-soglashenij.html> (дата обращения: 03.01.2026).

Специфической характеристикой процедуры медиации⁵ является то, что она представляет собой внеюрисдикционный способ урегулирования правовых споров, суть которого состоит не в вынесении уполномоченным субъектом обязательного для сторон акта (решения), являющегося результатом правоприменительной деятельности, как это имеет место, например, в деятельности государственных или третейских судов, либо комиссии по трудовым спорам, а в достижении согласия между конфликтующими сторонами, являющегося результатом организованных медиатором переговоров.

Во-вторых, законодатель сформулировал цели Закона о Медиации, состоящие в: 1) создании правовых условий для применения соответствующей процедуры; 2) содействии развитию партнерских деловых отношений; 3) формировании этики делового оборота и 4) гармонизации социальных отношений (ч. 1 ст. 1 Закона о Медиации). Как видно, из четырех, заявленных законодателем целей лишь первая, и по-видимому – основная, имеет очевидное правовое содержание, состоящее в создании правовых условий для применения урегулированной в указанном законе процедуры, что, безусловно, предопределяет необходимость правового эффекта в виде достижения положительных правовых последствий посредством разрешения спора. Вместе с тем, законодатель связывает с медиацией также целый ряд иных, социально значимых последствий несмотря на то, что их способность к точному измерению представляется затруднительной. Вместе с тем состав и содержание указанных выше целей, на наш взгляд, направлен не столько на определение и фиксацию формально-логических связей, определяющих юридическую правоту (или не правоту) спорящих сторон, сколько на достижение целесообразных последствий, соответствующих тому или иному правовому режиму в условиях максимального стремления к гармонизации сложившихся отношений.

В-третьих, принципы проведения процедуры медиации определяют ее в качестве уникального способа урегулирования правовых споров. К таким принципам ст. 3 Закона о медиации относит: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора.

Как видно, медиативная процедура представляется довольно «мягкой», не осложненной составительной направленностью самого процесса урегулирования, обуславливающей в свою очередь необходимость применения соответствующего правового «инструментария» со свойственными ему последствиями.

Очевидно, что при такой направленности процедуры, её максимально высокая результативность достигается при условии мотивированности спорящих сторон на диалог, отсутствии принципиально антагонистического характера разрешаемого конфликта, а также необходимости конфиденциальности и достижения результата при максимальном сохранении сложившихся между ними отношений. Такой подход имеет на наш взгляд очевидные достоинства, способные определить данному способу урегулирования споров особое место в системе соответствующих правовых средств, в т.ч. снижающих нагрузку на судебную систему.

В-четвертых, определяя медиацию в качестве легитимного способа урегулирования споров, законодатель определяет юридическое значение результата данной процедуры и соответствующие правовые последствия. В связи с тем, что в ходе реализации соответствующей процедуры стороны приходят к консенсусу исходя из своих интересов, а не на основе правоприменения, медиативное соглашение может содержать как положения, регулируемые правом, так и выходящие за пределы такового. В частности, медиативное соглашение может включать в себя обещание принесения публичных извинений. Такое положение дел может быть обусловлено природой разрешаемого конфликта, поскольку причины разногласий могут лежать не только и не столько в правовой плоскости, сколько в сфере межличностных отношений, например – антипатии сторон [4, с. 3–8].

Необходимо также отметить, что несмотря на относительно продолжительную, но тем не менее недостаточно активную, по нашему мнению, практику применения медиативных процедур, внимание исследователей к данному способу урегулирования споров не ослабевает и находит свое отражение на страницах различных изданий, посвященных юридической тематике [5; 6]. Следует отметить, что на

⁵ Далее – медиации.

момент подготовки настоящей статьи текст Закона о медиации претерпел три редакции⁶, что само по себе, вряд ли может свидетельствовать о его активном совершенствовании за период пятнадцатилетнего существования, и в то же время, является фактором, способствующем более глубокому исследованию правовой природы данного правового института, а также определения перспектив его совершенствования и развития.

В этой связи необходимо отметить ряд обстоятельств, определяющих по нашему мнению современное состояние правового регулирования отдельных аспектов избранной нами темы.

Так, например, следует обратить внимание на то обстоятельство, что законодатель в ст. 2 указанного закона формулирует определение процедуры медиации, в качестве которой следует понимать способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Между тем, о том, что речь идет не о любом, а именно о правовом споре – указано лишь в ч. 2 ст. 1 Закона о Медиации, определяющей перечень правоотношений и соответствующее ему видовое разнообразие ситуаций, требующих своего разрешения.

Несмотря на наличие легального определения медиации в качестве способа урегулирования споров, определенный интерес представляют собой некоторые выводы, сделанные учеными-юристами по результатам своих собственных исследований. Так, профессор Загайнова С.К. и доцент Иванова Е.А. рассматривают медиацию как «особым образом организованные переговоры с участием специального субъекта – медиатора, который содействует сторонам в урегулировании правового спора и выработке решения, отвечающего интересам каждой стороны» [7, с. 263–274].

По мнению Волховой А.А. медиация представляет собой «структурированный переговорный процесс, в рамках которого медиатором и субъектами конфликта обсуждаются как фактические, так и правовые аспекты сложившейся конфликтной ситуации, а также с помощью коммуникативных техник предпринимается попытка идентификации реальных интересов конфликтующих сторон» [8, с. 1612].

В учебной литературе под медиацией понимается процесс, в ходе которого участники спорной ситуации с помощью нейтрального посредника (медиатора) планомерно выявляют проблемы и пути их решения, ищут альтернативы и пытаются достичь приемлемого соглашения, которое соответствовало бы их интересам⁷.

Как видно из изложенного, законодатель в ст. 2 Закона о медиации не слишком подробно определяет содержание данного способа урегулирования споров. Вместе с тем, медиация представляет собой определенным образом организованный медиатором переговорный процесс, имеющий целью урегулирование правового спора, возникшего между субъектами конфликта, посредством достижения консенсуса, на основе идентификации реальных интересов конфликтующих субъектов. При этом необходимо отметить, что достижение цели медиации в виде заключения медиативного соглашения не является конститутивной частью определения медиации, а представляет собой лишь целеполагание, определяющее направление организованного медиатором переговорного процесса.

В соответствии со ст. 2 Закона о медиации, медиативным соглашением может разрешаться: один или несколько споров, а также отдельные разногласия по спору. Таким образом, эффективность данной процедуры не может определяться полным разрешением одного или нескольких споров. Более того, тактическими целями медиации могут являться как снижение межличностной напряженности между сторонами, так и создание коммуникативной основы для дальнейшего диалога, вплоть до получения сторонами необходимого им «инструмента» для самостоятельного урегулирования конфликтной ситуации.

Несмотря на уже довольно длительное существование института медиации в отечественной правовой системе, тем не менее его развитию и более широкому распространению препятствует целый ряд обстоятельств. Не претендуя на полное их перечисление, отметим лишь некоторые из них.

Во-первых, недостаточная осведомленность населения об этом способе разрешения конфликтов очевидным образом негативно влияет на перспективы его более широкого применения. Данный факт некоторыми исследователями определяется в качестве одной из проблем, тормозящих развитие этого

⁶ Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ; Федеральный закон от 23.07.2013 № 233-ФЗ; Федеральный закон от 02.07.2013 № 185-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Чумиков А.Н. Переговоры – фасилитация – медиация: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2025. – С. 116.

института [6, с. 59–66]. Речь в данном случае идет не столько о самом факте существования медиации, сколько о ее возможностях и преимуществах, что в конечном итоге и предопределяет низкий уровень доверия как к самой процедуре, так и ее результатам.

Во-вторых, добровольность участия сторон в процедуре медиации, несмотря на ее очевидные преимущества, тем не менее имеет и обратную сторону в виде необходимо высокого уровня мотивации сторон на: участие в самой процедуре; продолжение переговорного диалога в условиях сформированной правовой позиции, ставящей под сомнение целесообразность сотрудничества; соглашение с итоговым вариантом решения. Кроме того, не допущение какого-либо принудительного воздействия на конфликтующие стороны, которые в условиях сотрудничества и равноправия должны примириться между собой под руководством медиатора, безусловно снижает потенциал медиации в качестве широко распространяемого способа урегулирования споров, что, по-видимому, является своеобразной «ценой» его уникальности, поскольку эффективность процедуры в значительной степени предопределяется готовностью сторон к сотрудничеству и взаимодействию.

В-третьих, ключевым участником рассматриваемой нами процедуры является фигура медиатора. Именно этот субъект, пользуясь определенными техниками, определяет весь ход и нюансы примирения конфликтующих сторон. Между тем, уровень требований, предъявляемых к медиатору, не представляется нам достаточным для этой важной роли. Так в соответствии с ч. 2 ст. 15 Закона о медиации, деятельность медиатора на непрофессиональной основе могут осуществлять лица: достигшие 18-летнего возраста, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. Как видно – в данном случае какой-либо квалификации вовсе не требуется.

В соответствии с ч. 1 ст. 16 Закона о медиации, на профессиональной основе деятельность медиаторов могут осуществлять лица: достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. Как видно, в целях допуска к профессиональной деятельности, законодатель увеличил возрастной ценз, ввел образовательный ценз и отменил ценз «судимости», предусмотренный для «непрофессиональных» медиаторов.

Такой подход законодателя вряд ли можно считать направленным на решение вопроса о качестве предоставляемых медиатором услуг, что справедливо оценивается в юридической литературе и формулируется в виде проблемы [6, с. 59–66; 9, с. 23–28], требующей своего решения. Указанные выше требования не связаны с необходимостью медиатора иметь юридическое образование, позволяющее ему оценивать как соглашение о применении процедуры медиации, так и медиативное соглашение на предмет их соответствия требованиям действующего законодательства. Таким образом складывается ситуация, в которой медиатор, содержание деятельности которого состоит в содействии и выработке сторонами решения по существу того или иного правового спора, не в состоянии компетентно квалифицировать и оценить ни особенности спорного правоотношения, ни его правовое содержание. В частности, медиатор может не знать о составе и содержании существенных условий договоров, заключаемых при его посредничестве, а также правовых последствиях их несогласования. Кроме того, при отсутствии требований к юридической квалификации медиатора вряд ли можно рассчитывать на его способность профессионально (т.е. компетентно) оценивать законность содержания собственных посреднических действий и их результат.

В-четвертых, по своей правовой природе медиация, являясь разновидностью внесудебного примирения, регулируется нормами материального законодательства и как указывает д-р юрид. наук, доцент Михайлова Е.В. полностью представляет собой «материальную частноправовую деятельность» [9, с. 23–28], основанную на принципах добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, что само по себе лишь подчеркивает частноправовую основу данных отношений.

Между тем, Закон о медиации (ч. 2 ст. 1) прямо указывает на возможность применения процедуры медиации к спорам, возникающим также из административных и иных публичных правоотношений. Такое нововведение имело место в 2019 г.⁸, что видимо, могло быть обусловлено критикой со сто-

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон: [от 26.07.2019 № 197-ФЗ]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

роны ученых, по мнению которых «в российском законодательстве медиация может быть использована только для разрешения гражданско-правовых споров» несмотря на то, что она «может быть эффективным инструментом в разрешении ... и административных споров» [6, с. 59–66].

Однако, внесенные в указанный закон изменения, расширяющие границы возможных к урегулированию споров за счет публичных правоотношений, породило на наш взгляд новую проблему. Дело в том, что субъекты публично-правовых отношений не находятся в состоянии равноправия. Наоборот – они находятся в состоянии власти и подчинения. Соответственно, публично-правовые отношения регулируются исходя из соображений приоритета общественных и (или) государственных интересов, а отнюдь не частных и индивидуальных. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что «компромисс между субъектами публично-правового отношения невозможен» [9, с. 23–28]. Данный вывод также вытекает из ранее проводимых исследований, имевших выводы, согласно которым: «наличие не гражданского, а административных правоотношений между сторонами исключает возможность мировой сделки» [10, с. 304].

Кроме того, расширение круга правоотношений, приемлющих медиативную процедуру урегулирования спора, требует ответа на вопрос о возможности распространения принципа конфиденциальности проведения процедуры медиации на публично-правовые отношения, правовая природа которых основана на принципах гласности и открытости [9, с. 23–28].

В связи с изложенным целесообразно также обратить внимание на содержание ст. 12 Закона о медиации, которая весьма неоднозначно, по нашему мнению, определяет правовую природу медиативного соглашения в качестве гражданско-правовой сделки. Дело в том, что согласно ч. 4 данной статьи медиативное соглашение представляет собой гражданско-правовую сделку лишь если оно урегулирует спор, возникший из гражданских правоотношений. Примечательно, что законодатель в данной статье вовсе не определяет правовую природу медиативных соглашений, разрешающих публично-правовые и иные споры, возникающие не из гражданско-правовых отношений. Полагаем, что такое положение дел вряд ли соответствует принципу правовой определенности и потенциально вряд ли будет способствовать предсказуемости судебной практики, о чем мы уже упоминали в начале настоящей публикации.

Подводя итог нашему краткому исследованию необходимо отметить, что несмотря на уникальность и очевидные достоинства медиации в качестве способа урегулирования споров, тем не менее данный институт нуждается в дальнейшем глубоком исследовании и совершенствовании, направленном на усиление его эффективности и значимости в системе внесудебной защиты прав и законных интересов.

Список литературы

1. Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 53–90.
2. Гольшев В.Г., Гольшева А.В., Слюсаренко Т.В. О прецедентных особенностях судебной практики при применении норм о банковских сделках / в сб.: Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.В. Семенова, Т.В. Слюсаренко, В.Г. Гольшева [Электронное издание]. – Москва: изд-во «МУ им. С.Ю. Витте», 2023. – С. 368–373.
3. Гольшев В.Г., Гольшева А.В. О практике применения норм Гражданского кодекса РФ о существенных условиях договора купли-продажи // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – Сер. 2: Юридические науки. – 2022. – № 2 (32). – С. 26–29.
4. Абакумова Е.Б. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 3. – С. 3–8.
5. Воронцова И.В., Рахматуллина Р.М. Преимущества и недостатки процедуры медиации в России // Современное право. – 2025. – № 4. – С. 101–104.
6. Попова Н.И. Проблемы правового регулирования и практики применения законодательства о медиации в Российской Федерации // Юрист. – 2024. – № 7. – С. 59–66.
7. Загайнова С.К., Иванова Е.А. О некоторых условиях развития частной модели медиации в юридической деятельности // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 4. – С. 263–274.

8. Волхова А.А. Понятие и виды медиации // Научный аспект. – 2023. – Т. 13, № 12. – С. 1607–1614.
9. Михайлова Е.В. Медиация и судебное примирение: проблема соотношения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 8. – С. 23–28.
10. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. – Москва: Юридическая литература, 1976. – 600 с.

References

1. Belov V.A. “Twenty-fifth” Resolution of the Plenum: interpretation or... legislation? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2015. – № 11. – Pp. 53–90.
2. Golyshev V.G., Golysheva A.V., Slyusarenko T.V. On the precedent features of judicial practice in the application of norms on banking transactions/In the collection: Current directions for the development of branches of law in a new reality: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / ed. A.V. Semenova, T.V. Slyusarenko, V.G. Golysheva [Electronic edition]. – Moscow: Publishing House “MU named after S.Yu. Witte”, 2023. – Pp. 368–373.
3. Golyshev V.G., Golysheva A.V. On the practice of applying the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the essential conditions of the contract of sale // Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2022. – № 2 (32). – Pp. 26–29.
4. Abakumova E.B. Mediation as an alternative method of dispute settlement // Bulletin of arbitration practice. – 2024. – № 3. – Pp. 3–8.
5. Vorontsova I.V., Rakhmatullina R.M. Advantages and disadvantages of the mediation procedure in Russia // Modern law. – 2025. – № 4. – Pp. 101–104.
6. Popova N.I. Problems of legal regulation and practice of application of mediation legislation in the Russian Federation // Lawyer. – 2024. – № 7. – Pp. 59–66.
7. Zagainova S.K., Ivanova E.A. On some conditions for the development of a private model of mediation in legal activity // Bulletin of the civil process. – 2025. – № 4. – Pp. 263–274.
8. Volkhova A.A. Concept and types of mediation // Scientific aspect. – 2023. – Т. 13, № 12. – Pp. 1607–1614.
9. Mikhailova E.V. Mediation and judicial reconciliation: the problem of correlation//Arbitration and civil proceedings. – 2023. – № 8. – Pp. 23–28.
10. Scientific and practical commentary on the Code of Civil Procedure of the RSFSR / ed. R.F. Kallistratova, L.F. Lesnitskaya, V.K. Puchinsky. – Moscow: Legal Literature, 1976. – 600 s.

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026

Received: 10.01.2026

Статья принята к публикации: 16.02.2026

Accepted: 16.02.2026

СПЕЦИФИКА РЕГИСТРАЦИИ ВКУСОВЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Абрамов Александр Романович¹,
e-mail: aleksandrstud199@gmail.com

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена изучению сложностей, возникающих при попытках регистрации вкусового товарного знака в Российской Федерации. Вкусовые товарные знаки – это один из самых спорных видов нетрадиционных товарных знаков в России, который на данный момент ни разу не был зарегистрирован на территории нашей страны ввиду больших трудностей в его регистрации. В связи с этим возникает вопрос: являются ли вкусовые товарные знаки жизнеспособными на территории РФ или же их функционирование на территории нашей страны в данный момент невозможно? Актуальность темы обусловлена тем, что в реалиях рынка правообладателям, чтобы поддерживать конкурентоспособность, приходится постоянно искать новые пути развития и вводить новшества, одним из которых может стать использование нетрадиционных товарных знаков, таких как вкусовой. Задачи, поставленные в данной работе, заключаются в анализе вкусовых товарных знаков как вида товарных знаков, выявлении особенностей их регистрации и правовой охраны, а также в оценке степени жизнеспособности вкусовых товарных знаков в современных российских реалиях. Гипотеза исследования состоит в том, что на данный момент регистрация вкусовых товарных знаков является невозможной ввиду проблематичности доказывания их различительной способности, а также наличия определенных требований, предъявляемых при регистрации товарных знаков. Аналитический метод, индукция, сравнение и метод абстрагирования позволили провести углубленный анализ особенностей регистрации и охраны товарных знаков. Автор делает вывод о нецелесообразности регистрации вкусовых товарных знаков на территории Российской Федерации в настоящий момент.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: товарные знаки, вкусовые товарные знаки, различительная способность, регистрация, правовая охрана, зарубежный опыт, восприятие вкуса

SPECIFICS OF FLAVOUR TRADEMARK REGISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abramov A.R.¹,
e-mail: aleksandrstud199@gmail.com
¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article is devoted to the study of difficulties arising in attempts to register a flavour trademark in the Russian Federation. Flavour trademarks are one of the most controversial types of non-traditional trademarks in Russia, which at the moment have never been registered in the territory of our country due to the great difficulties in its registration. In this regard, the question arises: are flavour trademarks viable on the territory of the Russian Federation, or is their functioning on the territory of our country at the moment impossible? The relevance of the topic is due to the fact that in the realities of the market right holders, in order to maintain competitiveness, have to constantly seek new ways of development and innovations, one of which may be the use of non-traditional trademarks, such as flavour. The objectives of this work are to analyze flavor trademarks as a type of trademark, identify the features of their registration and legal protection, and assess the viability of flavor trademarks in modern Russian conditions. The hypothesis of the study is that at the moment the registration of flavour trademarks

is impossible due to the problem of proving their distinctiveness, as well as the presence of certain requirements for the registration of trademarks. The analytical method, induction, comparison and abstraction method allowed for an in-depth analysis of the specificities of trademark registration and protection. The author concludes that it is inexpedient to register flavour trademarks in the territory of the Russian Federation at the moment.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: trademarks, flavour trademarks, distinctiveness, registration, legal protection, foreign experience, taste perception

Введение

Товарные знаки играют важную роль в ведении бизнеса. Они приносят своим правообладателям огромную выгоду тем, что для потребителя они становятся своеобразным гарантом определенного качества продукции, которое он ожидает. Потребители доверяют популярным товарным знакам, и, соответственно, правообладатели известных товарных знаков извлекают больше прибыли, нежели владельцы менее известных брендов.

Иногда, чтобы придать своему товарному знаку большей известности, некоторые правообладатели прибегают к использованию наиболее нестандартных видов товарных знаков. Одним из таких малоиспользуемых видов товарных знаков является вкусовой. Мировая практика знает случаи, когда были реализованы попытки зарегистрировать вкусовые товарные знаки. Тем не менее, следует отметить, что подобные товарные знаки до сих пор остаются крайне невостребованными среди правообладателей.

Конечно, вкусовые товарные знаки не так известны, как другие виды нетрадиционных товарных знаков (например, звуковые), однако они, все равно, могут вызывать интерес у потребителя за счет своей нестандартности и новизны. Тем не менее, несмотря на наличие зарубежной практики регистрации вкусовых товарных знаков, они не нашли распространения во многих странах, и в Российской Федерации в том числе.

Целью настоящей статьи является освещение вопроса о нежизнеспособности вкусовых товарных знаков на территории Российской Федерации в настоящее время. Понимание причин нецелесообразности регистрации вкусовых товарных знаков поможет обосновать отказ в их регистрации. В этом случае, сторонникам легализации вкусовых товарных знаков остается только ждать, когда технологический прогресс поможет решить проблемы, связанные с их регистрацией.

Основные аспекты правовой охраны вкусовых товарных знаков в научных исследованиях

Исследования, затрагивающие различные аспекты правовой охраны общественных отношений, традиционно привлекают пристальное внимание ученых-юристов [1, с. 70–76; 2, с. 27–31]. Между тем, обзор научной литературы по вопросам, касающимся вкусовых товарных знаков, позволил акцентировать внимание на основных из них.

Первый, базовый, аспект касается правомерности отнесения такого явления, как «вкусовые товарные знаки», непосредственно к товарным знакам. В связи с отсутствием легального запрета на данные товарные знаки и использованием их в России и за рубежом, неоднократно поднимался вопрос о том, стоит ли включать вкусовые товарные знаки в общую классификацию товарных знаков.

Второй аспект касается «жизнеспособности» вкусовых товарных знаков на рынке. Важно понимать, является ли данный товарный знак потенциально эффективным в ведении бизнеса, или же его регистрация и охрана бессмысленны ввиду несостоятельности его характеристики, как полноценного товарного знака. На данный момент практика регистрации вкусовых товарных знаков не так велика, но все же позволяет сделать определенные выводы.

Третий аспект – это вопрос надежности охраны вкусовых товарных знаков. Ввиду крайне небольшой регистрационной практики данный аспект является наиболее проблематичным.

Место вкусовых товарных знаков в классификации товарных знаков

Вкусовые товарные знаки принадлежат к группе так называемых нетрадиционных товарных знаков наравне с цветовыми, звуковыми, объемными, обонятельными и комбинированными. Отличительной чертой товарных знаков является сложность их фиксации, опознавания и, соответственно, регистрации, что обусловлено сразу несколькими факторами, среди которых:

– сложность доказывания различительных особенностей вкусовых товарных знаков. Главное требование при регистрации любого товарного знака – это его различительная способность. И именно с этим у желающих зарегистрировать вкусовой товарный знак возникают наибольшие трудности, ведь вкус, как товарный знак, должен отличаться от вкуса, характеризующего товар. Основываясь на зарубежном опыте, Е.О. Дмитриева и О.В. Дмитриев отмечают, что главное для регистрации вкусового товарного знака – это его правильное графическое описание и обоснование различительной способности. Именно этого подающие разрешение на регистрацию лица пытаются добиться письменным описанием и приведением рецепта вкуса, который они желают зарегистрировать. При этом заявители не принимают во внимание субъективность восприятия вкуса для каждого человека, а также, что со временем восприятие вкуса продукта может меняться [3, с. 83];

– тонкая грань между охраной права на вкусовой товарный знак и нарушением норм Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ¹. Данный фактор непосредственно связан с первым, так как, если лицо регистрирует вкусовой товарный знак, то велика вероятность, что правообладатель получит преимущество перед другими производителями товаров со схожими вкусовыми характеристиками. При этом с большой долей вероятности подобное приведет к нарушениям, установленным статьей 14.4 вышеуказанного Федерального закона «О защите конкуренции», предусматривающей запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации товаров, работ или услуг;

– непопулярность и невостребованность вкусовых товарных знаков в Российской Федерации и за рубежом, где все же имеются отдельные примеры их регистрации.

Как уже указывалось выше, факт регистрации вкусовых товарных знаков за рубежом действительно имеет место быть. Тем не менее, необходимо отметить, что даже за границей подобные товарные знаки не распространены, так как иностранные органы регистрации в большинстве случаев отказывают в их регистрации. В Соединенных Штатах Америки вкусовые товарные знаки, хотя официально и разрешены, однако популярности не получили. Большинство известных примеров регистрации вкусовых товарных знаков зафиксировано в Европе. Самый часто озвучиваемый пример касается регистрации ведомством Бенилюкса, являющегося политическим, экономическим и таможенным союзом Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, в качестве вкусового товарного знака вкуса лакрицы. Однако всего на 2022 год в мире было зарегистрировано лишь 35 вкусовых товарных знаков [4, с. 267].

Законодатели некоторых других стран устанавливают закрытый перечень товарных знаков, запрещая тем самым нетрадиционные (вкусовые, обонятельные и другие) товарные знаки. В российском правовом поле также рассматривается вопрос исключения некоторых товарных знаков (в том числе вкусовых) из классификации товарных знаков.

Вопрос нежизнеспособности вкусовых товарных знаков затрагивался, в частности, П.В. Германом, который указывал, что вкус не может быть выявлен до того, как продукт был приобретен, поэтому он не может играть роль товарного знака [5, с. 90]. Можно попытаться не согласиться с этим утверждением, так как можно привести в качестве примера особые акции в магазинах, в ходе которых потребителю предлагается бесплатно продегустировать продукцию (например, сыр или колбасу), но в конечном итоге, все равно, остается вопрос субъективности восприятия вкуса каждым из потребителей, поучаствовавшим в дегустации. Да и сам метод дегустации для определения различительной способности подвергается жесткой критике: «регистрация, идентификация или хранение материалов вкусовых образцов товарных знаков невозможна в долгосрочной перспективе. Для распознавания вку-

¹ О защите конкуренции: Федеральный закон: [от 26.07.2006 № 135-ФЗ (последняя редакция)]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ – Текст: электронный.

са, придется перепробовать миллионы других образцов, но так как это возможно только при участии человека, то некоторые образцы могут негативно отразиться на его здоровье» [6, с. 340].

Согласен с нежизнеспособностью данного товарного знака и В.М. Мельников: «Так как потребитель не воспринимает вкус как товарный знак, заявленное обозначение не выполняет основную функцию товарного знака» [7, с. 6].

Впрочем, находятся и те, кто считает, что у вкусовых товарных знаков есть будущее в Российской Федерации. Так, Я. Аристова указывает: «Регулирование вкусовых товарных знаков требует дальнейшего развития, изучения, а также выработки критериев их оценки на этапе прохождения экспертиз» [4, с. 267]. В своей работе автор ссылается на опыт зарубежных стран, где вкусовые товарные знаки успешно зарегистрированы, приводя пример Мадридской системы регистрации товарных знаков, которая не имеет проблем с регистрацией вкусовых товарных знаков. Тем не менее, автор не отрицает проблем, связанных с регистрацией вкусовых товарных знаков, и не приводит способов их разрешения.

Таким образом, отношение к вкусовым товарным знакам в Российской Федерации представляется, скорее, негативным. В России данный товарный знак имеет крайне мало сторонников, и зачастую называется нежизнеспособным. Несмотря на реальные факты регистрации вкусовых товарных знаков за рубежом, данная разновидность товарных знаков не только не снискала значительной популярности среди российских предпринимателей, но даже не повлекла за собой регистрации в РФ хотя бы одного вкусового товарного знака. Впрочем, проблемы регистрации вкусовых товарных знаков нельзя связать с одной лишь их малоизвестностью. Существуют и другие аспекты, делающие применение данного товарного знака в России крайне затруднительным и даже нереальным.

Проблематика регистрации и охраны вкусового товарного знака

На сегодняшний момент, чтобы подать заявку на регистрацию вкусового товарного знака, нужно предоставить подробное словесное описание вкуса и обосновать его характеристики. При этом желательно дать описание состава вещества, привести формулу химического соединения, которая будет описывать вкусовые качества знака. Но все эти условия являются на сегодняшний день не актуальными по причине не только отсутствия российской практики регистрации вкусовых товарных знаков, но и по иным причинам.

Так, одной из проблем регистрации товарного знака является недобросовестная конкуренция. Велика вероятность подачи значительного количества исковых заявлений со стороны правообладателей вкусового товарного знака к другим производителям. Но в данном случае возникает ряд закономерных вопросов: как определить, действительно ли имело место нарушение права на товарный знак? Какими будут границы определения сходства товарных знаков до степени их смешения, если индивидуальный вкус крайне субъективен? Как определить, что был осуществлен обман потребителя? На сегодняшний день ни на один из этих вопросов ответа не дано.

Нерешенные вопросы регулирования также частично являются причиной, по которой вкусовые товарные знаки остаются в РФ невостребованными. В российском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие правила использования вкусовых товарных знаков во избежание недобросовестной конкуренции, а также отсутствует по понятным причинам судебная практика по делам о нарушении прав на вкусовые товарные знаки. Никаких изменений в российском законодательстве по этому вопросу пока что не предвидится, и крайне маловероятно, что они в ближайшее время произойдут, что, впрочем, сложно считать чем-то негативным.

Что же касается непопулярности вкусовых товарных знаков в Российской Федерации, то здесь речь, скорее, идет об их непопулярности у регистрирующих органов. Хотя формально российское законодательство не запрещает вкусовые товарные знаки, но Роспатент не зарегистрировал до сих пор ни одного вкусового товарного знака и, по всей видимости, не намерен делать этого в дальнейшем.

Впрочем, вкусовые товарные знаки не являются популярными и у правообладателей по причине постоянных отказов в регистрации. Михайлова Д.В. указывает в качестве основной причины – несоответствие представляемых к регистрации товарных знаков требованиям Роспатента: «У заявителей на

регистрацию таких обозначений возникают трудности с удовлетворением требований представления заявленного обозначения в графической форме и отсутствием методов, оповещающих потребителей о том, что особые вкусы выполняют функцию товарного знака, поэтому на данный момент такой вид товарных знаков является маловероятно жизнеспособным» [8, с. 165].

Однако самой большой проблемой при регистрации вкусовых товарных знаков является доказывание их различительной способности. Различительную способность вкусовых товарных знаков доказать сложнее, чем различительную способность других нетрадиционных товарных знаков (таких, как звуковые, или даже обонятельные). Сложностям доказывания способствует несколько факторов:

- субъективность восприятия вкуса каждым человеком. Безусловно, существуют люди, обладающие повышенной чувствительностью к вкусовым качествам продукта, однако большинство людей различает вкусы куда слабее [9, с. 40]. А для товарного знака имеет значение различительная способность среди широкого круга потребителей, а не только среди дегустаторов;

- сам процесс определения различительной способности продукта сопряжен с серьезной проблемой: вкус склонен меняться со временем и в зависимости от внешних источников. На восприятие вкуса могут влиять даже посторонние звуки, атмосферное давление, температура, сервировка продукта, физиологические изменения в самом организме человека. Это далеко не полный перечень факторов, влияющих на восприятие вкуса, однако уже видно, насколько сложно добиться строго определенной и синхронной различительной способности вкусовых товарных знаков. Строго говоря, объективно добиться одинакового восприятия вкуса среди широкого круга потребителей не представляется возможным.

Таким образом, сегодня вкусовые товарные знаки в России находятся в несколько «подвешенном» состоянии. С одной стороны, законодательно они не запрещены, и существуют даже определенные правила для подачи заявления на регистрацию вкусового товарного знака. С другой стороны, их малоизвестность, неуспешность в попытке регистрации, полное отсутствие законодательного регулирования и практики судов по защите нарушенных прав на эти товарные знаки заставляют воспринимать вкусовые товарные знаки своеобразным «пятым колесом» среди других товарных знаков.

Заключение

На фоне всего вышперечисленного представляется логичным сделать вывод о нежизнеспособности вкусовых товарных знаков на территории Российской Федерации по следующим причинам:

Во-первых, отсутствие объективной возможности добиться различительной способности среди широкого круга потребителей ввиду специфических особенностей вкуса, способного изменяться со временем, так и по независящим от потребителя внешним или физиологическим причинам. Согласно статье 1483 Гражданского Кодекса Российской Федерации обозначения, не обладающие различительной способностью, не могут быть зарегистрированы в качестве товарного знака².

Во-вторых, сама регистрация вкусового товарного знака повлечет за собой лишь упомянутые выше сомнительные правовые последствия. Кроме того, полнейшее отсутствие законодательных норм, которые регулировали бы использование вкусового товарного знака и судебной практики по делам о защите права на этот товарный знак не позволяют убедиться в надежности защиты такого товарного знака.

В-третьих, полнейшая незаинтересованность в регистрации вкусового товарного знака со стороны регистрирующих органов и большинства как действующих, так и потенциальных правообладателей.

В-четвертых, проблематичность удовлетворения требований, предъявляемых для регистрации товарного знака. Наибольшую сложность вызывает графическое обозначение вкуса. Словесное описание вкуса не кажется надежным ввиду субъективного восприятия вкуса каждым человеком, не говоря о целом ряде факторов, влияющих на восприятия вкуса (состояние здоровья, температура и др.).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Текст: электронный.

Исходя из вышеупомянутых причин, целесообразно признать вкусовой товарный знак полностью нежизнеспособным на территории Российской Федерации и невозможным для использования в данный временной период.

Список литературы

1. *Егерева И.М., Егерева О.А.* Риски использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности и пути их преодоления // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. – 2025. – № 2 (46). – С. 70–76.
2. *Гольшиев В.Г.* К вопросу о правовой природе превентивной самозащиты гражданских прав // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. – 2025. – № 3 (47). – С. 27–31.
3. *Дмитриева Е.О., Дмитриев О.В.* Проблемы правоприменения в отношении особых («нетрадиционных») товарных знаков и знаков обслуживания // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2019. – Т. 16, №1. – С. 79–91.
4. *Аристова Я.* Вопросы о вкусовых товарных знаках / в сб.: Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сб. материалов X Международного юридического форума (IP Форум). – 2022. – С. 265–267.
5. *Герман П.В.* Правовая охрана «нетрадиционных товарных знаков в Российской Федерации и странах Европейского Союза: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Герман Павел Валерьевич [Место защиты: Российский государственный университет интеллектуальной собственности Роспатента]. – Москва, 2007. – 26 с.
6. *Курбанова А.Д.* Регистрация проблемных товарных знаков // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 339–341. – URL: <https://moluch.ru/archive/287/64820/> (дата обращения: 07.03.2025).
7. *Мельников В.М.* Охраноспособны ли обонятельные и вкусовые товарные знаки? // Патенты и лицензии. – 2006. – № 4. – С. 34–39.
8. *Михайлова Д.В.* К вопросу о некоторых товарных знаках и их жизнеспособности / в сб.: Эволюция российского права: материалы XVI Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. – 2018. – С. 164–166.
9. *Козубовский В.М.* Общая психология: познавательные процессы – Минск: Амалфея, 2008.

References

1. *Egereva I.M., Egereva O.A.* Risks of using artificial intelligence in forensic activities and ways to overcome them // Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2025. – № 2 (46). – Pp. 70–76.
2. *Golyshev V.G.* On the legal nature of preventive self-defense of civil rights // Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2025. – № 3 (47). – Pp. 27–31.
3. *Dmitrieva E.O., Dmitriev O.V.* Problems of law enforcement in relation to special («non-traditional») trademarks and service marks // Bulletin of Omsk University. Series: Right. – 2019. – Vol. 16. – No. 1. – Pp. 79–91.
4. *Aristova Ya.* Questions about taste trademarks / In the collection: Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice. Proceedings of the X International Legal Forum (IP Forum). – 2022. – Pp. 265–267.
5. *German P.V.* Legal protection «of non-traditional trademarks in the Russian Federation and the countries of the European Union. dissertation of the candidate of legal sciences: 12.00.03 / German Pavel Valerievich; [Place of protection: Russian State University of Intellectual Property Rospatent]. – Moscow, 2007. – 26 p.
6. *Kurbanova A.D.* Registration of problematic trademarks // Young scientist. – 2019. – № 49 (287). – Pp. 339–341. – URL: <https://moluch.ru/archive/287/64820/> (access date: 07.03.2025).
7. *Melnikov V.M.* Are olfactory and taste trademarks capable? // Patents and licenses. – 2006. – № 4. – Pp. 34–39.
8. *Mikhailova D.V.* On the issue of some trademarks and their viability / In the collection: Evolution of Russian law. Materials of the XVI International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Ural State Law University. – 2018. – Pp. 164–166.
9. *Kozubovsky V.M.* General psychology: cognitive processes. – Minsk: Amalfea, 2008.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025

Received: 30.09.2025

Статья принята к публикации: 27.11.2025

Accepted: 27.11.2025

СЦЕНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА

Твердышева Анастасия Дмитриевна¹,
e-mail: tvrdysheva@mail.ru

¹Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), г. Москва, Россия

Актуальность темы заключается в отсутствии правовой охраны сценического образа публичных личностей в эпоху цифровых технологий. Цель исследования – анализ правовой природы сценического образа как объекта авторского права по российскому законодательству. Основными методами для подготовки данной статьи стали формально-юридический и сравнительно-правовой. На основе приведенного анализа российского и зарубежного опыта были выявлены различные подходы к охране сценического образа. Поскольку в законодательстве Российской Федерации и доктрине отсутствует понятие сценического образа, в рамках статьи анализируются предпосылки для формирования нового правового режима данного объекта с точки зрения авторского права. По итогам исследования был сделан вывод о том, что в российском праве отсутствует специальный правовой режим для сценического образа артистов, что приводит к неправильному разрешению споров. Для совершенствования отечественного права в данной сфере предлагается учесть зарубежный опыт, в частности, схожую концепцию the right of publicity, которая существует в США. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: творчество, авторское право, сценический образ, право на публичность, персонаж, трансформационный тест, объективная форма

STAGE IMAGE AS AN OBJECT OF COPYRIGHT

Tverdysheva A.D.¹,
e-mail: tvrdysheva@mail.ru

¹Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS), Moscow, Russia

The relevance of the topic lies in the lack of legal protection of the stage image of public figures in the digital age. The purpose of the study is to analyze the legal nature of the stage image as an object of copyright under Russian law. The main methods for preparing this article are formal law and comparative law. Based on the analysis of Russian and foreign experience, various approaches to the protection of the stage image have been identified. Since there is no concept of a stage image in the legislation of the Russian Federation and the doctrine, the prerequisites for the forming of a new legal regime of this object from the point of view of copyright are analyzed. According to the results of the study, it was concluded that in Russian law there is no special legal regime for the stage image of performers, which leads to incorrect dispute resolution. It is proposed to take into account foreign experience, in particular the similar concept of the right of publicity, which exists in the United States to improve domestic law in this area.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: creativity, copyright, stage image, right to publicity, character, transformational test, objective form

Введение

В современном мире узнаваемый образ артистов, знаменитостей стал не только их визитной карточкой, но и источником получения доходов. Индивидуальность человека стала товаром, не только в РФ, но и в других странах [1]. В последнее время сценический образ знаменитостей довольно часто используют в рекламе, в компьютерных играх для извлечения коммерческой прибыли.

В рамках данной статьи анализируется правовая природа предполагаемого нового объекта авторского права. Данный объект, по мнению автора, заслуживает более детального рассмотрения, так как

обладает коммерческой ценностью. На практическом и теоретическом уровне сценическому образу не уделяется внимание. Во многом это связано с тем, что в отечественном праве отсутствует юридический термин сценический образ. Только лишь отдельные элементы сценического образа регулируются действующими институтами, включая и авторское право.

Актуальность темы объясняется тем, что в настоящее время сценический образ стал для многих высокооплачиваемым активом [2]. Артисты и знаменитости являются наиболее уязвимыми и становятся объектом посягательства со стороны недобросовестных лиц.

Сценический образ и авторское право

В российском законодательстве отсутствуют специальные правовые нормы, регулирующие охрану сценического образа. На данный момент судебная практика и научная литература не выработала единого подхода к определению сценического образа.

Полагаем, что сценический образ – это внешний вид лица, обладающий коммерческой ценностью, и присущие ему характерные признаки, такие как голос, макияж, татуировки, прическа, манера, стиль, одежда и иные признаки, которые в совокупности делают его узнаваемым среди других.

В рамках данного исследования сценический образ будет рассмотрен через призму объекта авторского права.

Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) представляет открытый перечень объектов авторского права. В частности, сценический образ не указан в статье 1259 ГК РФ. В связи с этим позволяет рассмотреть такой объект как нетрадиционный объект авторского права.

Важно доказать, что объект, претендующий на охрану установленными нормами авторского права, соответствует критериям охраноспособности. В свою очередь, необходимо установить, что сценический образ можно отнести к категории «Другие произведения».

Для того чтобы произведение стало охраняемым объектом авторского права, необходимо соблюдение двух критериев. Первым критерием является творческий характер, а вторым – объективная форма выражения.

В российском праве, как и в предшествовавшем ему, отсутствует нормативно-правовое определение понятия «творчество».

Современные толковые словари обычно определяют понятие творчество как создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей¹.

Так, например, Н.В. Щербак рассматривает творчество как новизну, уникальность и оригинальность [3]. Этой же позиции придерживается и Э.П. Гаврилов: творчество – это деятельность человека, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью. Немного иная позиция у С.Ю. Матвеева, он определяет смысл творчества в том, что объекты перетекают из одной формы в другую и обрastaют дополнительными отличительными характеристиками².

Исходя из этого, полагаем, что творческий характер является показателем измеримым. Творчеством признается любая умственная деятельность, которая выражена в достижении определенного результата и направлена на создание чего-то уникального и оригинального.

Вторым критерием объекта авторского права является объективная форма. В нормативно-правовых актах также отсутствует понятие «объективной формы», однако устанавливается лишь перечень форм, в которых она может быть выражена: письменная, устная (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и в иной подобной форме), форма изображения, звукозапись или видеозапись, объемно-пространственная форма (п. 3 ст. 1259 ГК РФ).

Вопросом изучения критерия объективной формы выражения авторского права в научной литературе занимались многие отечественные авторы – В.А. Дозорцев, В.И. Серебровский, В.С. Витко, М.А. Рожкова, Г.Ф. Шершеневич, М.В. Гордон и др.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – 2002.

² Матвеев С.Ю. Протокол № 29 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – Сент. – № 3. – С. 5–27.

Мнение В.А. Дозорцева относительно понятия объективной формы является интересным: форму произведения составляет «внутренняя организация материала», под этим следует понимать совокупность внешнего облика интеллектуального труда, составляющих форму произведения, доступную для восприятия другими лицами [4].

В.И. Серебровский [5] и А.Ю. Копылов [6] полагают, что объективная форма произведения – это любая форма внешнего выражения идей автора, которая делает произведение доступным для восприятия человеческими чувствами в конкретной форме (в устной, письменной, графической и других формах) и позволяет осуществить его внешнюю оценку и последующее воспроизведение. А, например, В.С. Витко пишет, что объективная форма – это внешнее выражение автором созданной его умственным трудом формы изложения мысли посредством её отображения (фиксирования) материальными средствами на материальном носителе или исполнения в действительном мире [7].

Таким образом, произведение, выраженное в какой-либо объективной форме, получает правовую охрану как объект авторского права, независимо от восприятия органами чувств или с помощью технических средств.

Российская судебная практика и законодательство не содержит определения «сценический образ», но содержит его частичный анализ. В качестве примера тут можно привести дело Стаса Михайлова к ООО «Каропрокат». Предметом спора, стало то, что исполнитель посчитал, что в фильме «Дублер» было нарушено его право на изображение, и пытался защитить свой сценический образ³. Стас Михайлов утверждал, что главным героем Михаилом Стасовым были использованы индивидуализирующие черты сценического образа. Помимо этого, добавлены негативные черты и создан его отрицательный образ главного героя фильма. Так как истец изначально настаивал на том, что было нарушено право на изображение, суд установил: в фильме была показана пародия на сценический образ Стаса Михайлова. Как мы уже знаем, пародия на произведение относится к свободному использованию объектов авторского права. В конкретном споре суд признал возможность охраны сценического образа авторским правом, так как пародия создается на основе произведений.

Таким образом, из-за отсутствия правового режима сценического образа в российском праве привело к неправильному разрешению спора. Рациональным решением является определение законодателем правового режима сценического образа.

Итак, вернемся к сценическому образу, который может быть выражен в объективной форме, и позволяет его идентифицировать. Различные элементы сценического образа могут быть проявлены разными способами. Однако объединяет их способность вызывать устойчивую связь с конкретной знаменитостью или артистом.

Сценический образ, помимо объективной формы, содержит еще и творческий характер. Формирование индивидуального сценического образа знаменитостей или артистов создается с помощью творческого процесса, так как такое лицо тщательно продумывает узнаваемые элементы, например, движения, внешний вид, прически, макияж, манеры, костюмы и т.д. В таком случае творческий процесс направлен на формирование сценического образа, и возникает сходство с результатами интеллектуальной деятельности, что позволяет рассматривать в контексте авторского права. Сценический образ имеет много общего с объектами авторского права.

В таком случае представляет интерес позиция А.М. Дорфеевой, что персонаж пересекается с правом на сценический образ, когда индивидуализирующие признаки персонажа аудиовизуального произведения будут связаны с актером, исполняющим роль этого персонажа [8]. Автор не совсем согласен с таким мнением, что сценический образ должен охраняться как персонаж, так как персонаж в большинстве случаев является частью произведения и не может существовать автономно.

Отличие состоит в том, что права на персонаж всегда взаимосвязаны с определенным произведением, в то время как права на сценический образ принадлежат конкретному лицу. Поэтому рассматривать сценический образ как персонажа не совсем корректно.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 30 августа 2013 г № 11-27507/13. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2025). – Текст: электронный.

Современное правовое регулирование в сфере авторского права показывает, что настоящее законодательство часто основывается на традиционных моделях использования и распространения интеллектуальных продуктов. Такая тенденция связана с историческими предпосылками и устоявшимися концепциями, которые не всегда учитывают современные реалии цифровых технологий.

Наиболее развитой страной по охране и защите сценического образа является США. Сценический образ попадает под правовое регулирование института the right of publicity («право на публичность»). Именно в таком контексте предлагаем рассматривать сценический образ.

Зарубежный опыт

В англосаксонском праве в 1950-х годах был разработан институт the right of publicity («право на публичность») с целью защитить сценический образ и их индивидуализирующие признаки от незаконного использования другими лицами в коммерческих целях. Судья Д. Франк в ходе судебного разбирательства “HaelanLabs, Inc. против ToppsChewingGum, Inc” ввел понятие право на публичность, так как большое количество знаменитостей (особенно артисты и игроки в мяч) чувствуют себя обделенными, когда не получают денежные средства за размещение рекламы, популяризацию своей внешности, выставление напоказ в газетных изданиях, журналах и на транспортных средствах и не только⁴.

В США right of publicity не признается на федеральном уровне, но решается на уровне судебных прецедентов и общего права во многих штатах⁵. В связи с этим охрана права на публичность может различаться в каждом штате. В ГК Калифорнии⁶ существует норма, что любое лицо, которое сознательно использует чужое имя, голос, подпись, фотографию или изображение в коммерческих целях без согласия такого лица, несет ответственность за любой ущерб. Right of publicity является имущественным интеллектуальным правом. Это означает, что правообладатели могут свободно им распоряжаться, например, отчуждать, лицензировать [9]. Так, как право на публичность четко не определено, то суды при разрешении спора используют различные тесты из сферы интеллектуальной собственности, чтобы установить правомерно ли был использован сценический образ знаменитости.

Одним из таких тестов является The Transformative Use Test (трансформационный тест, определяющий сущность переработки), позаимствованный из сферы авторского права⁷. Трансформационный тест – это тип добросовестного использования, который основывается на произведении, защищенном авторским правом другим способом или для другой цели, нежели оригинал, и не нарушает авторские права. Трансформационный тест определяет, насколько сильно был преобразован сценический образ личности. Применение такого теста имеет решающее значение для разрешения спора.

Вышеуказанный тест был впервые использован Верховным судом США в 1994 году в деле Кэмпбелл v. Acuff-Rose Music⁸ для оценки добросовестного использования авторских прав. Трансформационный тест был разработан с целью установления баланса между Первой поправкой Конституции США и правом на публичность⁹.

Иными словами, если творческие и выразительные черты оригинального произведения по-прежнему выражаются во втором произведении и повышают ценность этого произведения, то использование оригинального произведения другим лицом будет являться нарушением¹⁰.

В 1977 году в штатах был рассмотрен судебный спор между Zacchini v. Scripps-Howard Broadcasting Co¹¹, в результате которого суд установил, что цель права на публичность аналогична целям законодательства об авторском праве.

⁴ Haelan Laboratories, Inc. против Topps Chewing Gum, Inc, 202 F. 2d 866 (2-й округ 1953 г.).

⁵ Statutes & Interactive Map // Right of Publicity. – URL: <https://dtf.ru/gamedev/618386-obraz-znamenitosti-v-igre-chto-takoe-pravo-na-obraz> (дата обращения: 10.08.2025). – Текст: электронный.

⁶ California Civil Code of 1872 § 3344.

⁷ Copyright Act of 1976 USA. Titler 17. U.S.C. Chepter 1. &107.

⁸ Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc., 510 U.S. 569 (1994).

⁹ Justin L. Rand Transformative Use and the Right of Publicity: A Relationship Ready for Revision // Hastings Communications and Entertainment Law Journal. – 2015. – January. – № 2. – P. 348.

¹⁰ Dr. Seuss Enters., L.P. v. ComicMix LLC, 983 F.3d 443 (9th Cir. 2020).

¹¹ Zacchini v. Scripps-Howard Broadcasting Co., 433 U.S. 562.

Наиболее известный судебный спор, где был применен следующий тест.

Дело *No Doubt v. Activision Publishing, Inc*¹². Участники группы “No Doubt” обратились в суд, почитав, что их право на публичность было нарушено в соответствии с разделом 3344(a) ГК Калифорнии. Компания “Activision” заключила соглашение с группой “No Doubt” об использовании сценических образов участников группы в компьютерной игре “Band Her”, но нарушила условия соглашения, позволив игрокам манипулировать аватарами. В деле был использован трансформационный тест, по результатам которого суд установил, что аватары являются «воссозданием участников группы», помещенными в контекст рок-н-рольного шоу, и содержат множество других творческих элементов и превращают в точное воплощение истцов. Суд отметил, что компания “Activision” использовала сходства в коммерческих целях. Таким образом, ответчиком было нарушено право на публичность участников группы “No Doubt”.

Из этого следует, что *the transformative use test* был заимствован из доктрины добросовестного использования, которая закреплена в законе об авторском праве США. Согласно доктрине добросовестного использования, первым фактором является установление нарушения таким использованием авторских прав. Вторым фактором является оценка степени трансформации.

Иными словами, устанавливается степень трансформации, выражается ли в преобразующемся произведении что-то новое или так и остается оригинал.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что сценический образ может подлежать охране как объект авторского права.

Стоит отметить, что отечественному законодательству не знакомо право на сценический образ в таком понимании, как в США. В связи с отсутствием прямого закрепления в российском праве концепции права на публичность, она может быть использована аналогом для формирования права публичной личности на сценический образ в будущем.

Заключение

Отечественной правовой системе и доктрине неизвестно право на сценический образ. Исходя из приведенного анализа, можно прийти к выводу о предпосылках правовой охраны сценического образа как объекта авторского права. Сценический образ может быть выражен в объективной форме и обладать творческим характером, что позволит рассматривать его как самостоятельный объект авторского права.

По мнению автора, в целях совершенствования российского законодательства стоит учесть зарубежный опыт в отношении охраны сценического образа. Это позволило бы правильно распоряжаться правами на сценический образ. Внедрение схожей концепции *right of publicity* в отечественном праве будет способствовать эффективной защите прав артистов и знаменитостей от несанкционированного использования их сценического образа в условиях стремительной цифровизации.

Список литературы

1. Колосов В., Шварц М. Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2008. – № 3. – С. 4–12.
2. Твердышева А.Д. Правовые проблемы использования сценического образа знаменитостей в цифровом пространстве // сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции «Трансформация правовых институтов» (11–12.04.2024) и II Междисциплинарной юридической конференции (12.04.2024). – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 100–102.
3. Щербак Н.В. Авторское право: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, – 2024. – С. 223.
4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. статей / Исслед. центр частного права. – Москва: Статут, – 2005. – С. 416.
5. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. – Москва: Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского, 1956. – С. 283.

¹² *No Doubt v. Activision Publishing, Inc*. 192 Cal. App. 4th 1018 (Cal. Ct. App. 2011).

6. *Копылов А.Ю.* Персонаж произведения как объект авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук / Копылов Андрей Юрьевич. – Томск, 2021. – С. 198.
7. *Витко В.С.* Понятие формы произведения в авторском праве. – Москва: Статут. – 2020. – С. 268.
8. *Дорофеева А.М.* Интеллектуальная собственность в шоу-бизнесе, моде и спорте: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва, 2020. – С. 144.
9. *Rothman J.E.* The Right of Publicity Intellectual Property Turn // *Columbia Journal of Law & The Arts.* – 2019. – Vol. 42, № 3. – P. 307–312.

References

1. *Kolosov V., Schwartz M.* The right to an image in Russian law, taking into account foreign experience // *Intellectual property. Copyright and related rights.* – 2008. – №. 3. – Pp. 4–12.
2. *Tverdysheva A.D.* Legal Issues of Using Celebrities' Stage Images in the Digital Space // *Collection of Materials from the IV All-Russian Scientific and Practical Conference "Transformation of Legal Institutions" (11–12.04.2024) and the II Interdisciplinary Legal Conference (12.04.2024).* – Moscow: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA), 2025. – Pp. 100–102.
3. *Shcherbak N.V.* Copyright : textbook and workshop for universities. – 2nd ed., revised and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – P. 223.
4. *Dozortsev V.A.* Intellectual Rights: Concept. System. Tasks of Codification: a collection of articles / Research. Center for Private Law. – Moscow: Statut, 2005. – P. 416.
5. *Serebrovsky V.I.* Issues of Soviet Copyright Law. – Moscow: USSR Academy of Sciences. A.Ya. Institute of Law, 1956. – P. 283.
6. *Kopylov A.Y.* The Character of a Work as an Object of Copyright: Dissertation. ... Candidate of Law. Sciences / *Andrey Yurievich Kopylov.* – Tomsk, 2021. – P. 198.
7. *Vitko V.S.* The Concept of the Form of a Work in Copyright Law. – Moscow: Statut, 2020. – P. 268.
8. *Dorofeeva A.M.* Intellectual Property in Show Business, Fashion and Sports: Textbook for Higher Education Students. – Moscow, 2020. – P. 144.
9. *Rothman J.E.* The Right of Publicity Intellectual Property Turn // *Columbia Journal of Law & The Arts.* – 2019. – Vol. 42, №. 3. – P. 307–312.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2025

Received: 05.11.2025

Статья принята к публикации: 20.11.2025

Accepted: 20.11.2025

Научный журнал «Вестник
Московского университета
им. С.Ю. Витте. Серия 2.
Юридические науки»
приглашает авторов
к публикации результатов
научных исследований

Журнал включен в
Перечень рецензируемых
научных изданий ВАК

- Публикация статей на русском и английском языках
- Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования
- Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI
- Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация
на сайте журнала:
<https://vestnik-muiv.ru/>

Научный журнал «Вестник
Московского университета
им. С.Ю. Витте. Серия 1.
Экономика и управление»
приглашает авторов к
публикации результатов
научных исследований

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий
ВАК и Белый список (ЕГПНИ)

Публикация статей на русском и английском языках

Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования

Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI

Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация
на сайте журнала:
<https://vestnik-muiv.ru/>

Научный журнал «Образовательные ресурсы и технологии» приглашает авторов к публикации результатов научных исследований

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК и Белый список (ЕГПНИ)

— Публикация статей на русском и английском языках

— Все статьи проходят процедуру одностороннего слепого рецензирования

— Каждой статье присваивается международный идентификатор DOI

— Плата за публикацию с авторов не взимается

Подробная информация на сайте журнала:
<https://vestnik-muiv.ru/>

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (49)' 2026

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Альтенгоф А.А.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 11.03.2026.

Печ. л. 11,25. Усл.-печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 8.

Объем 5,9 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ 26-002.

Отпечатано в ООО «СиДи Мейкер»,
121354, г. Москва, ул. Витебская, д. 9, стр. 15, тел. 8 (499) 877-13-78.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.